

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Культурныя сокровища Россіи.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЕВГЕНІЙ БЪЛОВЪ.

К а з а н ь.

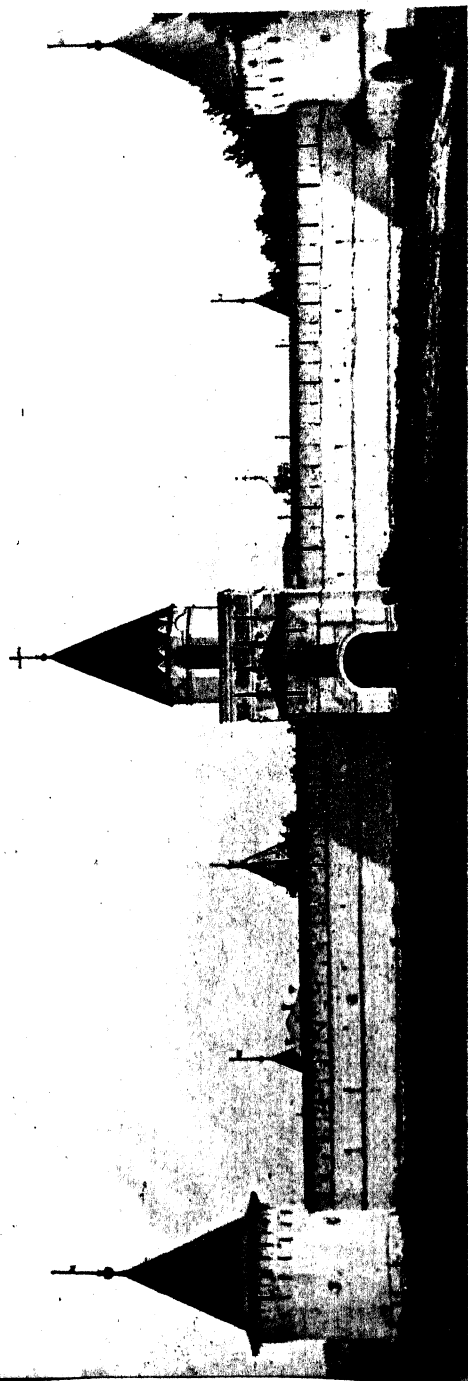
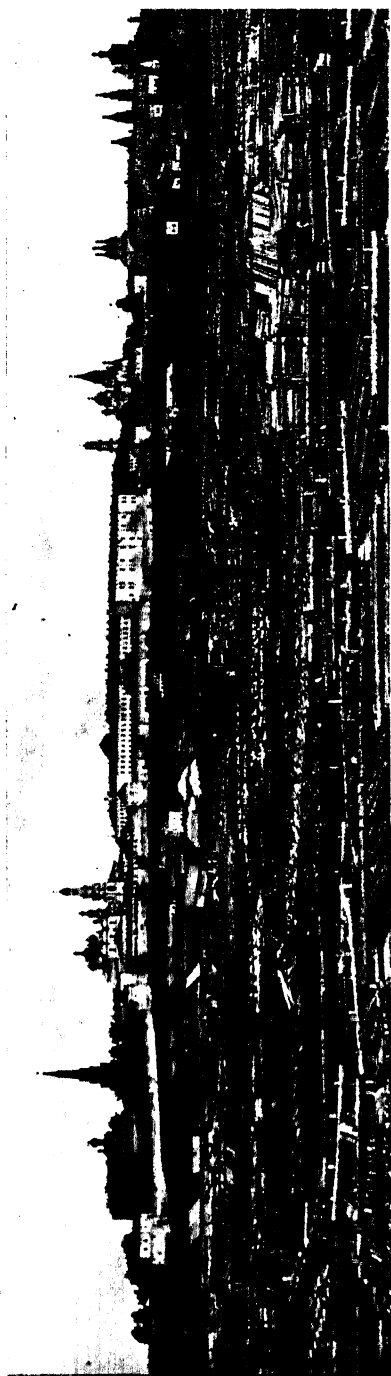
Н и ж н і й -
Новгородъ.

К о с т р о м а.

МОСКВА.—1913.

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д.

Телефонъ 18-35.

Казань. Панорама кремля и города отъ „Памятника убиеннымъ“.
Костромѣ. Стѣны и башни Ипатьевского монастыря. 1586-90 г.

К а з а н ь.

...«Поставленная на рубежѣ двухъ противоположныхъ міровъ, восточнаго и западнаго, изъ которыхъ слагается человѣческое развитіе, она удержала во внутренней и внѣшней жизни своей элементы обоихъ ихъ: рѣзкая фізіономія азіатца встрѣчается рядомъ съ славянскимъ обликомъ; ученіе Корана идетъ на ряду съ христіанско-европейскимъ развитіемъ; легкій минаретъ полу-мавританскаго стиля чуть не рядомъ съ византійскимъ куполомъ стремится къ небу...

Все это даетъ особенный, своеобразный характеръ Казани и составляетъ ее изъ ряда другихъ русскихъ городовъ».

Такъ въ 1852-мъ году писали «Казанскія Губернскія Вѣдомости».

Въ этой мѣткой характеристикѣ какъ нельзя болѣе ярко выразились всѣ особенности склада жизни Казани. Уже издали, подъѣзжая къ Казани на пароходѣ, особенно снизу, откуда видъ на городъ великолѣпнѣе, вы невольно поражаетесь своеобразиемъ его панорамы. Сначала вы видите обычный русскій, красивый по своему общему виду, городъ, синевато-бѣлой массой вырисовывающійся на фонѣ темныхъ лѣсовъ. Но, подъѣхавъ ближе, вы начинаете различать, сверхъ обычныхъ церквей и колоколенъ, минареты мечетей.

Подъѣзжая еще ближе и вглядываясь въ контуры и очертанія выделяющихся на фонѣ голубого неба церквей, вы не можете не замѣтить еще одной особенности Казани—большого разнообразія архитектурныхъ стилей. Невольно бросается въ глаза пестрый, причудливый «барочный» Петро-Павловскій соборъ; съ нимъ рядомъ вырисовывается трехшатровый Іоанновскій монастырь, дальше Емріг'ный Казанскій монастырь и совсѣмъ налѣво бѣлыя стѣны и круглыя башни Кремля, внутри котораго ослѣпительно бѣлѣтъ колокольная Благовѣщенскаго Собора и уходитъ ввысь тонкая Сумбекина башня.

Казань — это «городъ-музей».

Какъ музей ничего не даетъ отъ себя, а только собираетъ и систематизируетъ собранное, такъ Казань на протяженіи всей своей исторіи не столько создавала что-либо свое, какъ собирала все попадающее извнѣ. Отсюда тотъ своеобразный характеръ города, о которомъ говорилъ авторъ статьи въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

Немного городовъ русскихъ претерпѣло столько волненій и невзгодъ въ разныя эпохи своего существованія, сколько претерпѣла и перенесла ихъ Казань. Булгары, татары, русскіе — всѣ поочередно владѣли городомъ, всѣ старались внести что-либо свое въ его жизнь, передѣлать его по-своему. Каждое вступленіе новаго завоевателя въ городъ сопровождалось массовымъ истребленіемъ прежняго населенія, полнымъ разрушеніемъ всего построеннаго имъ — укрѣпленій, храмовъ, общественныхъ и частныхъ сооружений. Разгромъ въ послѣдующее время Казани Пугачевымъ, страшные опустошительные пожары, регулярно повторяющіеся 4—5 разъ въ каждое столѣтіе и истребляющіе весь городъ почти до тла... Всѣ эти невзгоды являются причиной того, что только очень немного памятниковъ казанской старины сохранилось до нашего времени. Особенно относится это къ памятникамъ эпохи татарскаго владычества, такъ какъ русскіе завоеватели особенно ревностно стремились къ русификаціи Казанскаго царства и съ особенной нетерпимостью относились къ проявленіямъ религіознаго чувства казанскихъ татаръ.

Со страннымъ остервенѣніемъ разрушались мечети и другіе памятники татарской культуры. И неудивительно, что сохранилось такъ мало...

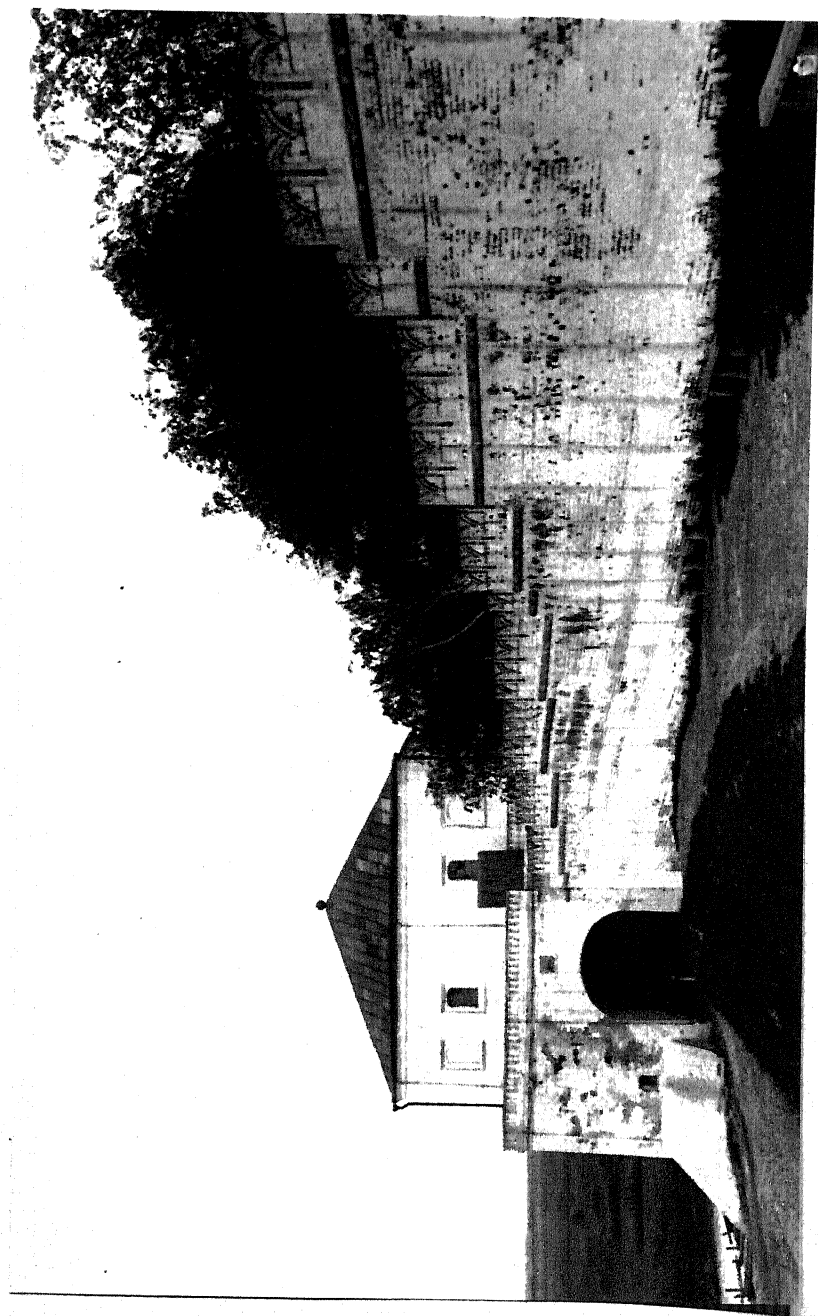
І. Волжскіе Булгары. Начало Казани.

Татарское Казанское царство возникло въ XV вѣкѣ. Оно основалось и укрѣпилось на территоріи древней волжской Булгаріи.

Еще давно, въ далекіе времена до «начала русской исторіи», какъ выражаются историки, въ Прикамьѣ и среднемъ Поволжьѣ шла оживленная торговля съ Арменіей и Персіей, съ норвежскими норманнами и прибалтійскими славянами. Торговлю эту велъ таинственный, неизвѣстно откуда появившійся народъ «булгары». «Мы булгары, а булгары смѣсь турокъ съ славянами» — говорили они сами о себѣ.

Недалеко отъ береговъ Волги, въ десяти только верстахъ отъ нея, немного ниже устья Камы, стоялъ богатый и славный, красивый и могучій, ведущій громадную торговлю древнѣй городъ Булгары.

Сохранившіяся лѣтописи и сказанія восторженно отзываются объ

К а з а н ь. Тайницкая башня Кремля. 1555 г.

этомъ городѣ, сильнѣйшемъ во всемъ Поволжьѣ, со сказочно красивыми сооруженіями и царскимъ дворцомъ. Теперь сохранилось только Булгарское городище — груда почти засыпанныхъ землею развалинъ, среди которыхъ одиноко возвышаются стройный Минаретъ, Черная и Монастырская палаты, да еще нѣсколько остатковъ бывшихъ обширныхъ сооружений. Какимъ-то мертвеннымъ, эпическимъ спокойствіемъ вѣтъ отъ всѣхъ этихъ остатковъ былого величія и теперь, гуляя по нимъ, трудно себѣ представить, что когда-то здѣсь стояли чудесныя сооружения, кипѣла бурная жизнь, полная страстей, радостей и бѣдствій, что здѣсь былъ свой «великій царь» съ подчиненными ему князьями, свое собраніе старѣйшинъ, своя самостоятельная и сильная культура...

Могучая и славная Булгарія приходитъ въ упадокъ къ XV вѣку. Наступила полная изнѣженность и моральное паденіе правящихъ классовъ. «Наши булгары славились своимъ развратомъ,—сѣтуетъ болгарскій писатель Шерефъ-Эддинъ Булгари.—Ученые законными уловками разрѣшаютъ брать проценты, а равно много было грѣховъ прелюбодѣнія и смертоубійства; изъ-за пьянства оставили джуму (моленіе въ пятницу), не исполняли обрядовъ, считали дозволеннымъ пить бузу и пиво; порицали имама Шади, называя его слова пустословіемъ, не исполняли праздника жертвоприношенія, стали весьма грѣшными передъ Всевышнимъ»...

Въ XIII вѣкѣ городъ завоевываютъ татары, въ XIV онъ переходитъ въ руки русскихъ, а въ половинѣ XV вѣка Булгаріей вновь и на этотъ разъ окончательно завладѣли татарскіе ханы.

Начинается новая жизнь для Булгаръ. На сцену выступаетъ новый народъ — татары.

Татарскіе ханы возобновляютъ основанный казанскими булгарами и уничтоженный въ 1399-мъ году городъ Казань и дѣлаютъ его своей резиденціей.

Такъ зарождается Казанское царство и съ этого начинается исторія города Казани.

Новый городъ быстро возвышается. Со всѣхъ сторонъ стекаются жители. Татары сливаются съ прежними обитателями; «тѣ и другіе постепенно ассимилировались и образовали одинъ народъ, который по справедливости должно назвать «булгаро-татарскимъ» ¹⁾).

Существуютъ различныя предположенія о происхожденіи названія Казани. Одни объясняютъ его именемъ болгарскаго племени, основавшаго городъ, другіе производятъ его отъ татарскаго слова «Казанъ», что значитъ «котелъ». Третьи приписываютъ это имя основателю рода Казанъ-Хану.

¹⁾ М. Н. Пинегинъ. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ.

Основаніе города опутано сѣтью разнообразнѣйшихъ легендъ.

Достоверно лишь, что Казань первоначально стояла 45-ю верстами выше по р. Казанкѣ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ, и что основана Старая Казань, по-татарски «Иски-Казань», въ 1288-мъ году Туда-Менгу ханомъ ¹⁾. Кое-какіе остатки этого городища сохранились до послѣдняго времени.

Новая же, теперешняя Казань возникла не раньше XIV вѣка, въ 1392—1399-хъ годахъ. Въ 1399-мъ году ее разорили русскія войска князя Юрія Дмитріевича и около 40 лѣтъ Казань стояла въ запустѣніи.

Татарскія легенды такъ говорятъ о причинахъ, побудившихъ казанскихъ хановъ перенести городъ съ одного мѣста на другое и объ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялась закладка новаго города:

«Одна старуха-болгарка (по другимъ версіямъ беременная дѣвушка) поскользнулась, упала на камень и ушибла ногу. Разсердившись, она выругала князя: «Какой онъ князь! Не нашелъ для столицы другого мѣста! Дуракъ онъ! На неровномъ мѣстѣ выстроилъ городъ!» Объ этомъ донесли князю и онъ позвалъ къ себѣ старуху. Князь простилъ ее и разрѣшилъ, снисходя къ ея просьбѣ, сказать слово. Она указала князю неудобства теперешней столицы и порекомендовала построить ее въ томъ мѣстѣ на луговой сторонѣ р. Казанки, гдѣ Казань стоитъ въ настоящее время. Князь даже обидѣлся на это предложеніе. Во-первыхъ, это мѣсто было болотистое и лѣсистое, во-вторыхъ,—тутъ было много страшныхъ змѣй, такъ что люди боялись ходить туда за ягодами. Старуха, однако, дала совѣтъ князю (по другимъ версіямъ этотъ совѣтъ далъ старикъ-колдунъ) навозить на это мѣсто въ теченіе зимы соломы, а лѣтомъ, въ жаркое время, когда солома высохнетъ, сжечь ее; съ соломой вмѣстѣ сгорятъ и всѣ змѣи, потому что въ это время онѣ всѣ соберутся на солому. Вмѣстѣ съ этимъ и лѣса прочистятся. Князю понравился этотъ совѣтъ и вмѣсто наказанія князь поблагодарилъ старуху. Завалили соломой пространство въ четыре версты и зажгли; когда пожаръ кончился, мѣсто выровняли и перевели туда городъ, давъ ему имя Хузанъ.

Во время сожженія соломы, одинъ большой змѣй спустился въ воду, въ оз. Кабанъ. Это значило, что городъ когда-нибудь возьметъ непріятель, потому что они самага главнаго врага не могли убить».

Есть еще очень интересная легенда о построеніи Казани:

«Когда строились казанскія стѣны, ханъ велѣлъ положить подъ крѣпость живого человѣка, который первый подойдетъ на слѣдующее

¹⁾ Н. П. Загоскинъ. Спутникъ по Казани. К. 1895 г.

утро. Рано утромъ подошелъ царскій сынъ. Строители не осмѣлились закопать его и положили подъ крѣпость красную собаку, прибѣжавшую черезъ нѣсколько часовъ. Когда ханъ спросилъ: «кого вы положили подъ крѣпость?»—ему сказали всю правду. Тогда царь махнулъ рукой и сказалъ: «Подъ крѣпость положили собаку,—собаки и отнимутъ крѣпость; если бы вы положили моего сына, навѣки были бы цари изъ моего поколѣнія и владѣли бы надъ всѣми народами».

Угзаль-Ханъ сказалъ: «Надо дать городу имя Казань (котель), чтобы народъ кипѣлъ въ немъ, какъ вода въ котлѣ».

Всѣ татарскія легенды оканчиваются мрачными предзнаменованіями и мрачными предсказаніями.

Вотъ почему, по глубокому убѣжденію татаръ, такъ несчастлива оказалась Казань въ борьбѣ съ врагами. Здѣсь кроются причины постоянныхъ разореній края, приведшихъ къ гибели Казанскаго царства, подпавшаго подъ русское владычество...

Предсказанія сбылись и 2-го октября 1552-го года Іоаннъ Васильевичъ Грозный взялъ Казань.

II. Казанское царство.

Въ началѣ XVI вѣка Казань была крупнѣйшимъ торговымъ центромъ и рынкомъ. Сосѣдніе народы, обитатели безпредѣльных степей, массами гонятъ въ Казань овецъ, лошадей и другой скотъ. За это азіатскіе гости получаютъ отъ казанцевъ плѣнныхъ и невольниковъ.

Везутъ свои товары и русскіе гости, и возвращаются изъ Казани съ полными возами волжской рыбы да восточныхъ тканей и драгоценныхъ камней изъ Арменіи и Персіи, полученныхъ наканунѣ казанскими татарами отъ азіатскихъ купцовъ въ обмѣнъ за невольниковъ.

На Волгѣ, противъ Казани, на «Гостиномъ Островѣ»—ежегодныя ярмарки, на которыя массами съѣзжаются европейскіе и восточные купцы ¹⁾).

Однако въ то же время внутренніе раздоры и кровавыя междоусобія, ожесточенная борьба различныхъ классовъ и партій раздражаютъ Казанское царство, сильно ослабляютъ его могущество и грозятъ быстрымъ паденіемъ въ случаѣ столкновенія съ сильной Московской Русью.

Казанцы словно чувствуютъ это: о грозящемъ бѣдствіи постоянно настойчиво напоминаютъ переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе ле-

¹⁾ Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI вв. М. 1877г.

генды, и, какъ-будто въ ожиданіи грозящей опасности, они всѣ силы свои направляютъ на то, чтобы сильнѣе укрѣпить свой городъ. «Срубленъ быше весь градъ изъ дубоваго дерева; стѣны зѣло широки; въ городни же межъ стѣнъ набивано иломъ и каменіемъ многимъ» — повѣствуютъ лѣтописи.

Казанское царство неохотно отдается Россіи. Долго, до послѣдней капли крови борется оно за свое существованіе и даже тогда, когда Казань оказалась въ рукахъ русскихъ, обитатели ея не теряютъ надежды на избавленіе отъ русскаго ига, на возрожденіе былого величія, на созданіе своего собственнаго царства. Иностранческіе бунты и возстанія были обычнымъ явленіемъ.

И только «когда всѣ лучшіе люди бывшаго Казанскаго царства извелися, казанское дѣло въ конечное смиреніе пришло».

Села, когда-то богатые владѣнія могучихъ казанскихъ царей и князей,—дѣлятся полюбовно между намѣстниками, духовенствомъ и боярскими дѣтьми. Русскіе люди, какъ полновластные хозяева, селятся въ нихъ; въ паникѣ покидаетъ свои дома и деревни туземное населеніе; заводятся въ Казанскомъ царствѣ московскіе порядки.

Съ особенной нетерпимостью и враждебностью относится Москва къ новымъ подданнымъ и ихъ религіи. Разрушаются татарскія мечети, падаютъ и рушатся гордые минареты и ханскія палаты. Строятся деревянные «обыденныя» церковки, воздвигаются бѣлокаменные монастыри, загораются на солнцѣ золотыя главы христіанскихъ церквей...

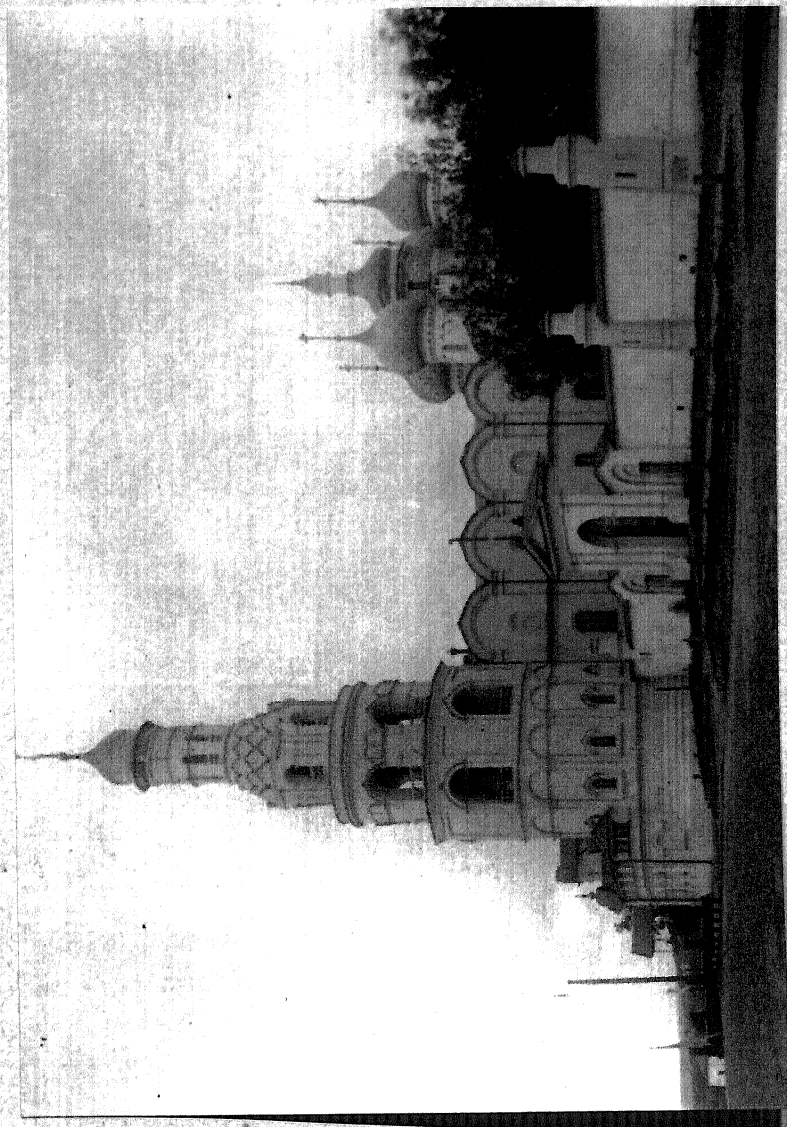
Приступомъ берутся мечети, въ которыхъ цѣлыми семействами застѣли правовѣрные исламисты, не желавшіе добровольно отдаться въ руки врага. Московскій царь приказываетъ «разметать» все, что напоминаетъ объ Исламѣ и «черезъ 40 лѣтъ не стало уже въ Казани ни одного татарскаго жилья, ни ихъ молитвеннаго дома» ¹⁾.

Въ 1593-мъ году владыко Гермогенъ писалъ царю:

...«Въ Казани живутъ новокрещенные вмѣстѣ съ татарами... Обвѣнчавшись въ церкви, перевѣнчиваются у поповъ татарскихъ... Онѣ, владыко, призывалъ ихъ, но они ученія его не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ; они совершенно отъ христіанской вѣры отстали, и о томъ сильно скорбятъ, что вѣру свою мѣняютъ; въ православной они не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ, отъ церквей далеко... Да и прежде, въ сорокъ лѣтъ отъ Казанскаго взятія, не бывали въ татарской слободѣ мечети, и теперь стали ставить мечети близъ посада на лучной выстрѣлъ...»

Это посланіе епископа Гермогена имѣло своимъ результатомъ возобновленіе гоненій на исламистскую религію и ея послѣдователей, ка-

¹⁾ Рыбушкинъ. Исторія Казани. Баженовъ Н. Исторія Казани.

Казань. Благовѣщенскій соборъ. 1661—2 г. Колокольня начала ХУП вѣка.

занскихъ татаръ. Въ 1593-мъ году издается указъ, которымъ Ое-
дуръ Іоанновичъ повелѣваетъ разрушить всѣ мечети, вновь выстроеныя
татарами.

И не осталось свидѣтелей эпохи, нѣтъ почти памятниковъ татар-
ской старины. Всѣ архитектурные и художественные памятники эпохи
безжалостно разрушались Москвою и постоянные казанскіе пожары по-
могали дѣлу этого разрушенія.

Что осталось русскимъ въ наслѣдство отъ татаръ? Можно ли по
остаткамъ этимъ заключить что-нибудь о характерѣ Казанскаго цар-
ства, о характерѣ бывшей татарской культуры? И была ли, существовала
ли вообще такая культура?

Отсутствіе подлинныхъ татарскихъ лѣтописей, равнодушіе татаръ
къ исторіи своихъ предковъ ¹⁾ заставляютъ предполагать обратное.
Не только рядовой татаринъ, но даже татарскіе князья, «бики» (аристо-
краты) и «бекши» (старѣйшины) не блистали образованіемъ. Рѣдко
можно было встрѣтить вполне грамотнаго человѣка ²⁾...

Едва ли существовала какая-либо татарская культура при такомъ
уровнѣ развитія общества.

Изъ памятниковъ эпохи татарскаго владычества въ Казани сохра-
нилось только нѣсколько надгробныхъ камней и знаменитая, загадоч-
ная по своему происхожденію, башня царицы Сумбеки.

Въ 1798-мъ году близъ Гостиннаго двора найденъ былъ интересный
татарскій памятникъ XVI вѣка—надгробная плита съ арабской над-
писью, изъ которой видно, что эта плита служила надгробіемъ убитому
въ 1380-мъ году иновѣрцемъ Махмедъ-Али-Беку, сыну Мухаммеда-Шаха.

Еще нѣсколько подобныхъ камней находится близъ воротъ Архи-
ерейскаго дома на озерѣ Кабанъ ³⁾.

Основываясь на старинныхъ рукописяхъ, можно возстановить обликъ
татарской Казани.

«Градъ же Казань твердъ бѣше паче мѣры, подобенъ каменной горѣ,
стена дубовая рубленая и въ цѣлыхъ древесехъ, авгороднѣ сыпанъ иль
да хрящъ» ⁴⁾. Весь городъ былъ обнесенъ стѣной, имѣвшей около
4¹/₂ саженой въ ширину. Глубокій ровъ окружалъ городскія стѣны.
Эти стѣны и ровъ сохранялись еще и при русскомъ владычествѣ, пови-
димому, въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Какъ и во всѣхъ старинныхъ городахъ, центромъ Казани былъ
Кремль. Мѣсто его совпадаетъ съ мѣстоположеніемъ нынѣшняго

¹⁾ Н. П. Загоскинъ. Спутникъ по Казани.

²⁾ Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI вв. 1877 г.

³⁾ Шпилевскій. Указатель достопримѣчательностей г. Казани. К. 1873 г.

⁴⁾ «Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка»,
еда ніе 1797 г.

Кремля, и теперешній Кремль есть ни больше ни меньше, какъ замѣна полуразвалившихся и разрушенныхъ деревянныхъ татарскихъ стѣнъ каменными русскими стѣнами.

При татарахъ крѣпость была, безусловно, деревянная. Хотя очень возможно, что основаніе и нижняя часть ея были сложены изъ волжскаго камня.

Описывая татарскую Казань и ея Кремль, Курбскій сообщаетъ:

«Стоитъ оный градъ и мѣсто на Волгѣ, но рѣка подъ нимъ, Казань нареченная, отъ нея жъ и наречень... Егда жъ приидомъ близу мѣста Казанскаго еже въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а къ западу Буланъ рѣчка зѣло тиновата и не проходима, подъ самое мѣсто течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу въ Казань рѣку... ..А отъ тое рѣки, около мѣста, ровъ копанъ, зѣло глубокий, ажъ до озера Поганаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казань рѣки гора такъ высока, иже окомъ возрити прикро: на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети зѣло высокія, мурованныя, идѣ же ихъ умершіе цари клались числомъ памятимися пять ихъ».

При взятіи Казани татары бѣжали «на великую гору, ко двору цареву: бѣ бо зѣло крѣпокъ, между палатъ и мечетей каменныхъ, оплотомъ великимъ обточенъ...»

Такимъ образомъ во время Курбскаго центромъ Кремля былъ ханскій «Царевъ дворъ» и большое количество мечетей. Теперь ничего этого нѣтъ. Сами стѣны Кремля замѣнены новыми, вмѣсто мечетей воздвигнуты храмы, вмѣсто дворца поставленъ губернаторскій домъ...

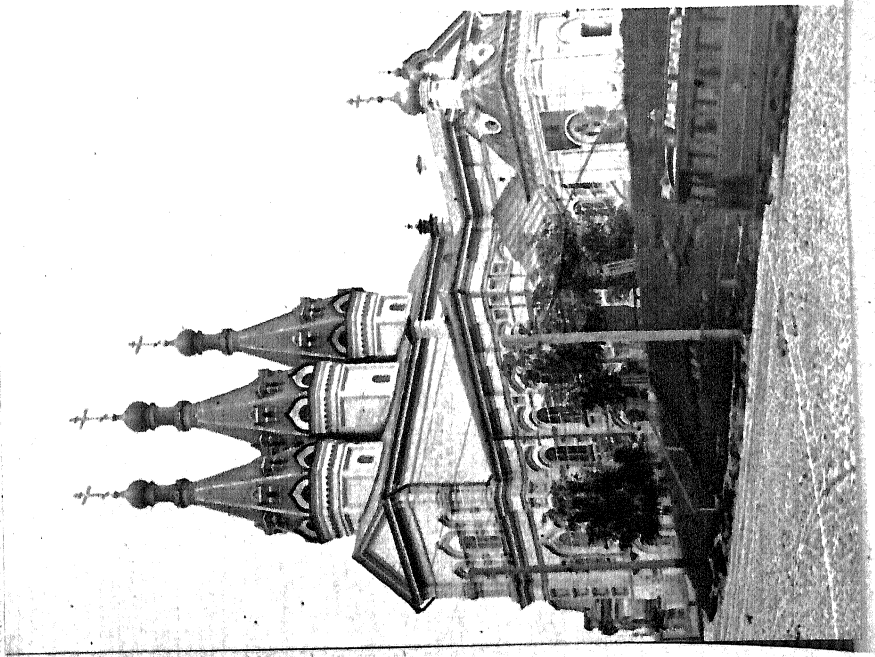
Однако нѣсколько памятниковъ сохранялись до послѣдняго времени, а Сумбекина башня гордо высится надъ Кремлемъ и теперь.

Въ 1815-мъ году въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ», одномъ изъ первыхъ русскихъ провинціальныхъ органовъ печати, упоминается о древнемъ «Сумбекиномъ дворцѣ, разломанномъ лѣтъ 15 тому назадъ». А одинъ изъ историковъ Казани пишетъ въ 1817-мъ году о томъ, что «въ 1807-мъ году разломанъ въ здѣшней крѣпости ханскій дворецъ, — послѣдній остатокъ татарской архитектуры» ¹⁾. Послѣдніе же остатки этого дворца были уничтожены лишь въ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ ²⁾.

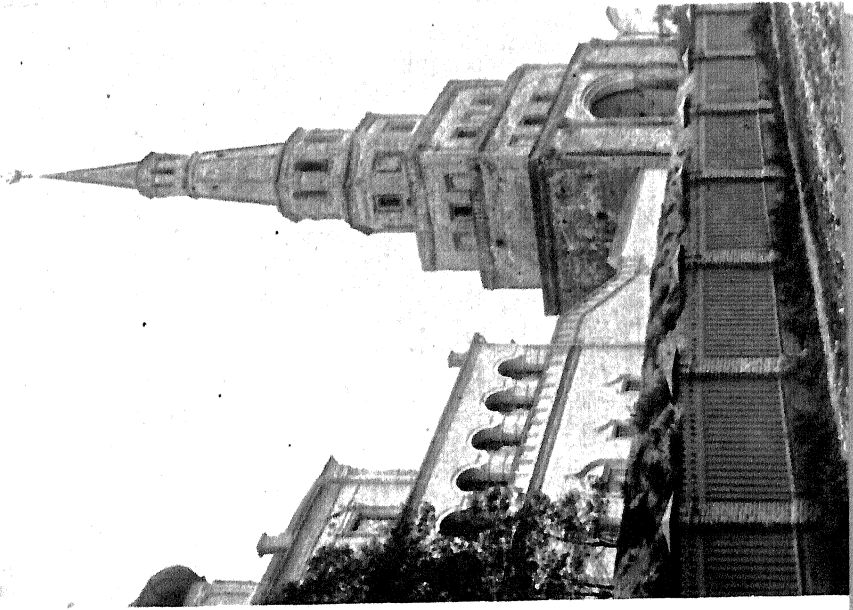
Около дворца стояла Муралеева мечеть. Недалеко отъ нея были кремлевскія ворота, которыя также назывались Муралеевыми. Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоятъ Тайницкія ворота, безусловно, русская постройка XVI вѣка.

¹⁾ Профессоръ А. Фуксъ.

²⁾ Н. П. Загоскинъ. Спутникъ по Казани.

Казань. Иоанно-Предтеченский монастырь. 1849 г.

Казань. Сумбекина башня. XVII-XVIII в.

Совершенно одиноко, какъ-то мало гармонирующая съ общимъ стилемъ и тономъ русскаго Кремля, возвышается Сумбекина башня. Стройная, изящная, поразительно легкая стоитъ она въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, окутанная цѣлою сѣтью поэтичнѣйшихъ татарскихъ легендъ, связанныхъ съ именемъ царицы Сумбеки, когда-то ея владѣтельница.

Немногіе архитектурные памятники русской старины возбуждали столько споровъ о своемъ происхожденіи. Одни относили и относятъ постройку этого памятника къ эпохѣ Казанскаго царства, другіе приписываютъ ее Іоанну Грозному, третьи—Алексѣю Михайловичу, четвертые—Аннѣ Іоанновнѣ. Въ прежнее время изслѣдователи считали ее татарскимъ памятникомъ, но въ послѣднее время это отрицается. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и И. Э. Грабарь ¹⁾. Однако та упорность, съ которою татарскія легенды, переходящія изъ рода въ родъ, приписываютъ эту постройку татарамъ, то благоговѣйно-религіозное отношеніе мусульманъ къ этой башнѣ, которое можно наблюдать и въ наши дни, заставляетъ признать другое.

Не говоря уже о поэтичныхъ сказаніяхъ объ обитательницѣ этой башни—царицѣ Сумбеки, опуская настойчивое увѣреніе татарскихъ сказаній о погребенномъ подъ башней святомъ мусульманинѣ, среди татаръ жила необыкновенная увѣренность въ томъ, что въ вызолоченномъ шарѣ на шпицѣ башни хранятся какіе-то чрезвычайно важные для мусульманства документы. Толки и слухи эти въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ такъ волновали населеніе, что въ 1830-мъ году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, шаръ этотъ сняли сверху и вскрыли въ присутствіи представителей казанскаго татарскаго общества. Конечно, онъ оказался пустымъ.

Трудно предположить послѣ этого русское происхожденіе Сумбекиной башни. Трудно представить себѣ, чтобы казанскіе татары, въ различныхъ поколѣніяхъ своихъ свидѣтели всего происходящаго въ Казани, могли создать цѣлую сѣть легендъ и такъ свято чтить памятникъ, построенный ихъ врагами. Не всѣ ярусы, быть можетъ, принадлежать татарской эпохѣ; повидимому, башня эта частично передѣлывалась русскими, но, что въ основѣ она,—по крайней мѣрѣ нижніе этажи ея, построены татарскими ханами, въ этомъ, на нашъ взглядъ, не можетъ быть сомнѣнія.

Такъ странно, такъ непонятно возвышаясь надъ кремлевскими стѣнами, Сумбекина башня вызываетъ очень много споровъ и о своемъ назначеніи.

¹⁾ Ист я русскаго искусства, т. II.

Для чего было поставлено это сооруженіе? Кому понадобилась эта легкая постройка, такая несложная по своей конструкции?... Легенды считают ее грандіознымъ мавзолеемъ, воздвигнутымъ благовѣрной царицей Сумбекой надъ прахомъ своего безвременно погибшаго мужа. Историки считают ее минаретомъ Муралеевой мечети. Но ни мавзолей, ни минареты никогда не строились и не строятся въ такомъ видѣ. Не являлась ли она, какъ утверждаютъ нѣкоторые, въѣздомъ къ ханскому дворцу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторожевымъ пунктомъ, военной дозорной вышкой? Можетъ быть, она кончалась тремя первыми ярусами и позднѣе русскіе, желая придать этому сооруженію обликъ, напоминающій близкія ихъ сердцу башни московскаго Кремля, надстроили остальное.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Сумбекина башня представляетъ изъ себя сооруженіе 35-ти саженой высоты, состоящее изъ семи ярусовъ. Первые три яруса ея образуютъ кубы, остальные четыре—осьмиугольники. Вокругъ всей башни въ первыхъ ярусахъ идутъ открытыя террасы. Оканчивается башня тонкимъ, высокимъ шпилемъ съ золоченымъ яблокомъ на верху и орломъ, помѣщеннымъ туда въ позднѣйшее время. Нижній этажъ башни прорѣзанъ воротами, представляющими изъ себя грандіозную арку-проѣздъ, напоминающую проѣзды башенъ московскаго Кремля.

Когда въ ясный день подъѣзжаешь къ Казани и еще издали надъ бѣлыми стѣнами врѣзывается въ сверкающее синевой ясное небо красная игла Сумбеки, невольно очаровываешься ея своеобразіемъ и стройностью. Но, когда въ Кремлѣ стоишь у ея подножья, невольно рождаются въ сознаніи образы далекаго прошлаго, переносящіе въ бурную жизнь Казанскаго царства и мучительно хочется открыть тайну, одолѣть загадку этой башни, узнать обо всемъ, что она видѣла на своемъ долгомъ вѣку, кто поставилъ ее, когда и для чего она воздвигнута, и разъ навсегда разрѣшить бы всѣ споры и всѣ сомнѣнія, возникшія вокругъ нея и ея исторіи...

Вотъ все, что оставила намъ въ наслѣдство эпоха расцвѣта Казанскаго царства, вѣрнѣе, та часть этого наслѣдства, которая изъ національной и религіозной ненависти не была стерта съ лица земли новыми завоевателями, направившими, казалось, всѣ свои силы на то, чтобы потомство ничего не узнало о старыхъ годахъ и старыхъ людяхъ, о древнихъ пѣсняхъ и сказкахъ!

III. Памятники XVI вѣка въ Казани.

Отличительной чертой жизни Казани XVI и XVII вѣковъ является упорное насажденіе монастырей и не менѣе упорное церковное строительство.

На другой же день послѣ покоренія Казанскаго царства, Іоаннъ Грозный «сноситъ» и приказываетъ, какъ уже упоминалось выше, «разметать» всѣ мечети и на ихъ мѣстѣ воздвигаетъ православные христіанскіе храмы. Ѳеодоръ Іоанновичъ по отношенію къ Казани всецѣло продолжаетъ дѣло своего отца.

Вотъ почему почти всѣ памятники, сохранившіеся въ Казани отъ XVI вѣка, являются церквами. Въ Казани сохранилось много памятниковъ XVI и XVII вѣковъ. Правда, позднѣйшія «украшенія», расширенія и передѣлки храмовъ сильно измѣнили первоначальный обликъ ихъ и сильно испортили красивыя сооруженія древности... Но ужъ такова судьба большинства памятниковъ старины на Руси. Русскіе люди не дорожатъ стариной и всегда стараются по-своему «улучшить» и «обогащать» церкви. Такъ случилось и съ казанскими церквами XVI вѣка...

Есть чудесный памятникъ XVI вѣка въ Казани. Правда, сильно попорченный позднѣйшими пристройками, но все же великолѣпный въ той части своей, которая осталась нетронутой руками позднѣйшихъ строителей.

Этотъ памятникъ — Каѳедральный Благовѣщенскій Соборъ.

Поставленный почти рядомъ съ Сумбекиной башней, снѣжно-бѣлый, сияющій на солнцѣ причудливыми очертаніями своихъ разновременныхъ главъ, онъ является лучшимъ украшеніемъ казанскаго Кремля.

Исторія возникновенія и постройки казанскаго собора рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

Черезъ два дня послѣ взятія Казани, 4-го октября 1552-го года, Грознымъ была совершена закладка собора. Сначала соборъ былъ срубленъ изъ дерева, но уже скоро изъ Пскова царемъ были присланы въ Казань мастера Посникъ Яковлевъ и Иванъ Ширяй¹⁾, которымъ было поручено построить большой и красивый храмъ по образцу московскаго Успенскаго собора. Вмѣстѣ съ Посникомъ Яковлевымъ и Иваномъ Ширяемъ въ Казань прибыла псковская артель, состоящая по однимъ свѣдѣніямъ изъ 50-ти, по другимъ — изъ 80-ти каменщиковъ-рабочихъ. Работы начались въ 1561-мъ году, а 15-го августа 1562-го года уже состоялось торжественное освященіе собора.

Первоначально это былъ храмъ въ 18 сажень въ длину и 8 въ ширину, увѣнчанный пятью главами, по своему стилю дѣйствительно напоминавшій московскій Успенскій соборъ, съ полукруглыми крышами. Вся эта древняя постройка сохранилась до нашего времени съ небольшими перемѣнами, но къ ней позднѣе пристроена вся передняя часть съ крыльцомъ.

¹⁾ Заринскій. Очерки древней Казани. К. 1877 г.

Древняя часть Благовѣщенскаго собора до сихъ поръ исключительно красива. Пусть современная крыша давно замѣнила полукруглые скаты XVI вѣка, пусть красиво украшенные барабаны изнываютъ подъ тяжестью построенныхъ на украинскіе барочные мотивы главъ, все же отъ Благовѣщенскаго собора такъ вѣетъ стариной, столько въ немъ подлиннаго древне-русскаго, что трудно оторваться отъ его созерцанія. Особенно красива средняя, центральная глава его съ характерной узорчатой дорожкой, состоящей изъ кирпичныхъ треугольниковъ и бѣгущей вокругъ всего барабана.

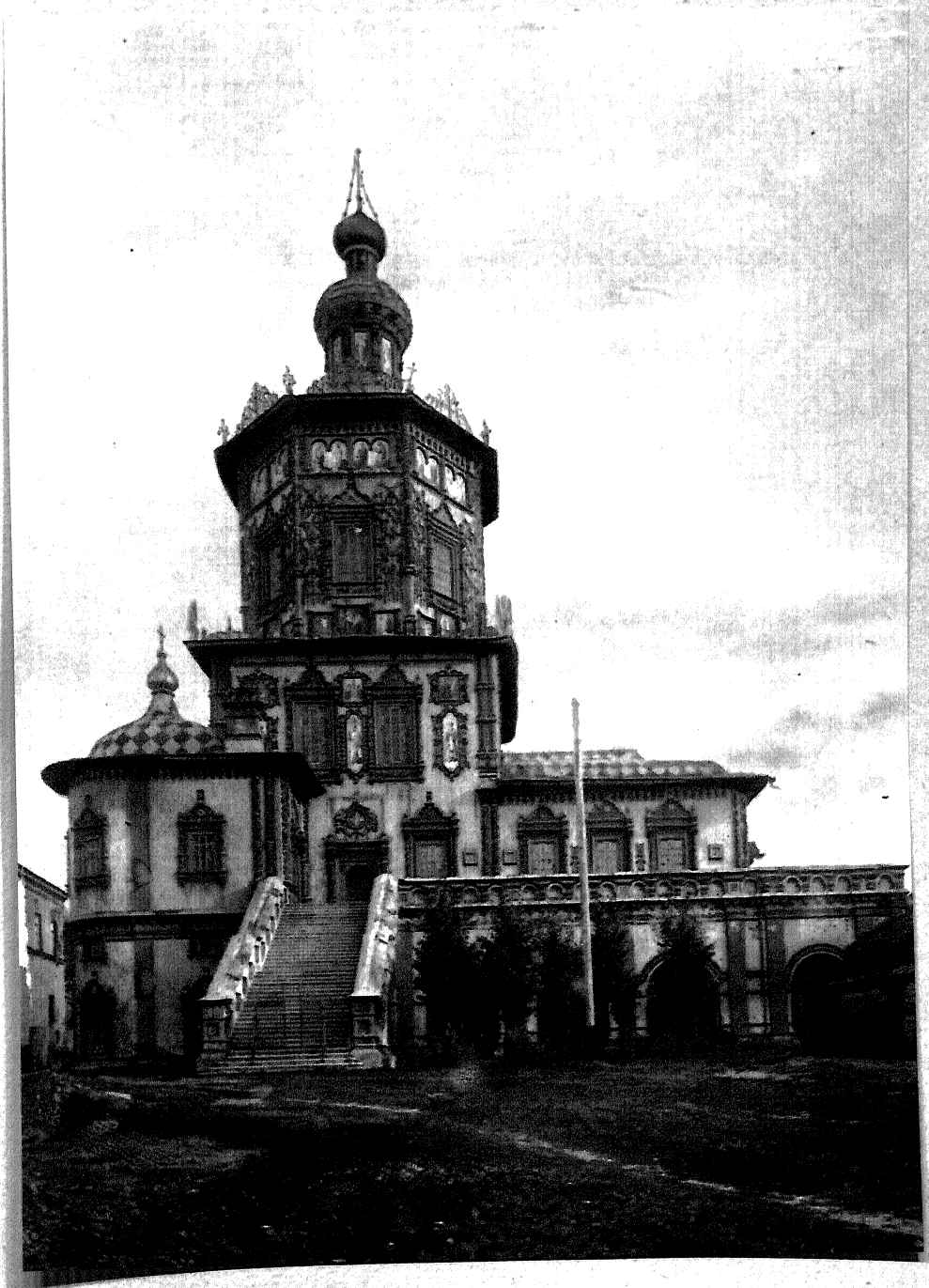
Чрезвычайно интересна и своеобразно красива соборная колокольня. Колокольня эта, безусловно, позднѣйшаго происхожденія въ сравненіи съ соборомъ. Совершенно круглая въ своемъ основаніи и четырехъ первыхъ ярусахъ, она украшена на 5-мъ ярусѣ тремя рядами кокошниковъ. Самый верхъ ея, опять круглый и украшенный каменными узорами, увѣнчанъ куполомъ, напоминающимъ кievскіе мотивы въ русской архитектурѣ. По свидѣтельству писцовыхъ книгъ 60-хъ годовъ XVI вѣка «Соборная колокольня на площади была деревянная, а на ней колоколь большой съ ючапомъ, да два колокола середніе, да два зазвонные малые»¹⁾. Съ другой стороны извѣстно, что въ 1672-мъ году, во время большого пожара, на колокольнѣ собора отъ жары потрескались колокола. Слѣдовательно, въ это время уже существовала каменная колокольня. Очевидно, она была построена въ началѣ XVII вѣка.

Что касается внутренняго вида Благовѣщенскаго собора, то онъ подновленъ и измѣненъ до неузнаваемости и только четыре круглыхъ столба, поддерживающіе весь массивъ верхняго покрытія, интересная плащаница, несомнѣнно сохранившаяся отъ XVI вѣка, да нѣсколько иконъ XVI вѣка свидѣлствуютъ о его древности.

Памятникомъ XVI вѣка является и Спасо-Преображенскій монастырь, расположенный налѣво отъ Спасскихъ воротъ при входѣ въ Кремль. Въ настоящее время онъ сильно измѣненъ и интересъ представляютъ только отдѣльныя его части. Цѣликомъ дошла до нашего времени ризница Николая Ратнаго съ интереснѣйшей плащаницей XVI вѣка, по краскамъ напоминающей древне-русскія фрески.

Въ описяхъ этой церковки упоминается много иконъ. Все это иконы XVI, XVII и XVIII вв., попавшія сюда благодаря древнему обычаю богомольцевъ приносить съ собой въ церковь собственныя иконы... «Каждый молился передъ своей иконой въ церкви Николы Ратнаго, служба шла своимъ чередомъ, а каждый молился по-своему, своей

¹⁾ Новоструевъ. Списокъ съ писцовыхъ книгъ по Казани и уѣздамъ. 1877 г.

Казань. Петропавловскій соборъ. Начало XVIII-го вѣка.

иконѣ кладетъ земные поклоны, передъ своей иконою становится на колѣни. Иногда даже задомъ или бокомъ становились къ алтарю, нерѣдко вслухъ каждый богомолецъ читалъ свою собственную молитву»¹⁾.

Холодно было въ церкви Николы Ратнаго. Церковь не отаплилась, печей не было, желѣзныя и каменные плиты на полу были холодны, какъ ледъ... И, чтобы не отморозить руки при держаніи холоднаго жезла, священнослужители надѣвали на руки «ширинки» и «сулки». А, чтобы не простудить голову во время земныхъ поклоновъ и припаданій къ леденистому полу, на лобъ надѣвались «возглавія» или «сголовейцы». Всѣ эти оригинальные бытовые предметы можно видѣть въ церковкѣ Николы Ратнаго.

Въ томъ же монастырѣ стоитъ небольшая часовня XVI или начала XVII вѣка, построенная присланнымъ въ Казань на покаяніе бояриномъ Иваномъ Застольбскимъ. Въ часовнѣ нѣсколько надгробныхъ плитъ съ интересными и характерными надписями, въ родѣ:

«Стани здѣ, путниче,

«Надъ гробомъ умилися;

«Помня смерть — о усопшемъ помолися»...

— надпись начала XVIII вѣка.

Отъ XVI вѣка уцѣлѣло еще нѣсколько церквей, но онѣ или измѣнены до неузнаваемости, или не представляютъ особаго художественнаго интереса.

Кромѣ памятниковъ церковнаго строительства отъ XVI вѣка въ Казани остались два цѣнныхъ памятника гражданскаго зодчества, крѣпостного строительства древней Руси. Это—Спасская башня и Кремль.

Красиво возвышающаяся у самаго вѣзда въ Кремль Спасская башня, безусловно, принадлежащая XVI вѣку, заложена одновременно съ кремлевскими стѣнами и была поставлена въ качествѣ сторожевой вышки. Напоминая формою башню московскаго Кремля въ упрощенномъ видѣ, она состоитъ изъ трехъ ярусовъ, изъ которыхъ только первый кубообразный, сложенный изъ большихъ кусковъ известняка. Остальные ярусы сложены изъ кирпича, по величинѣ и неправильности формы котораго можно несомнѣнно заключить о древности постройки.

Въ принадлежности къ XVI вѣку убѣждаетъ и строгость очертаній, отсутствіе какихъ-либо декоративныхъ украшеній.

Частые пожары и передѣлки, особенно послѣдняя передѣлка 1839 года, при которой были расширены окна и вмѣсто прежнихъ узкихъ и высокихъ «щелей» появились широкія «окна», совсѣмъ недавняя при-

¹⁾ Олеарій. Путешествіе въ Московію.

стройка часовни и въ 1910 или 1911 году окраска башни въ нелѣпый розовый цвѣтъ — сильно испортили этотъ интересный памятникъ XVI вѣка и сдѣлали его почти современнымъ.

Крупнѣйшимъ памятникомъ XVI вѣка является Казанскій Кремль, воздвигнутый на мѣстѣ разрушенной татарской крѣпости.

Какъ и основанная въ XV столѣтіи ханомъ Махметомъ татарская крѣпость, русскій Кремль былъ первоначально деревяннымъ. Материаломъ, служившимъ для его постройки были толстые дубовые срубы, наполняемые внутри камнемъ и пескомъ. На верху этихъ стѣнъ стояли маленькія стѣнки, служившія для защиты отъ вражескихъ ядеръ и прикрытія защитниковъ города. На углахъ стояли башни — такіе же четырехугольные дубовые срубы, покрытые четырехъ-скатной крышей, съ узкими окнами для стрѣльбы.

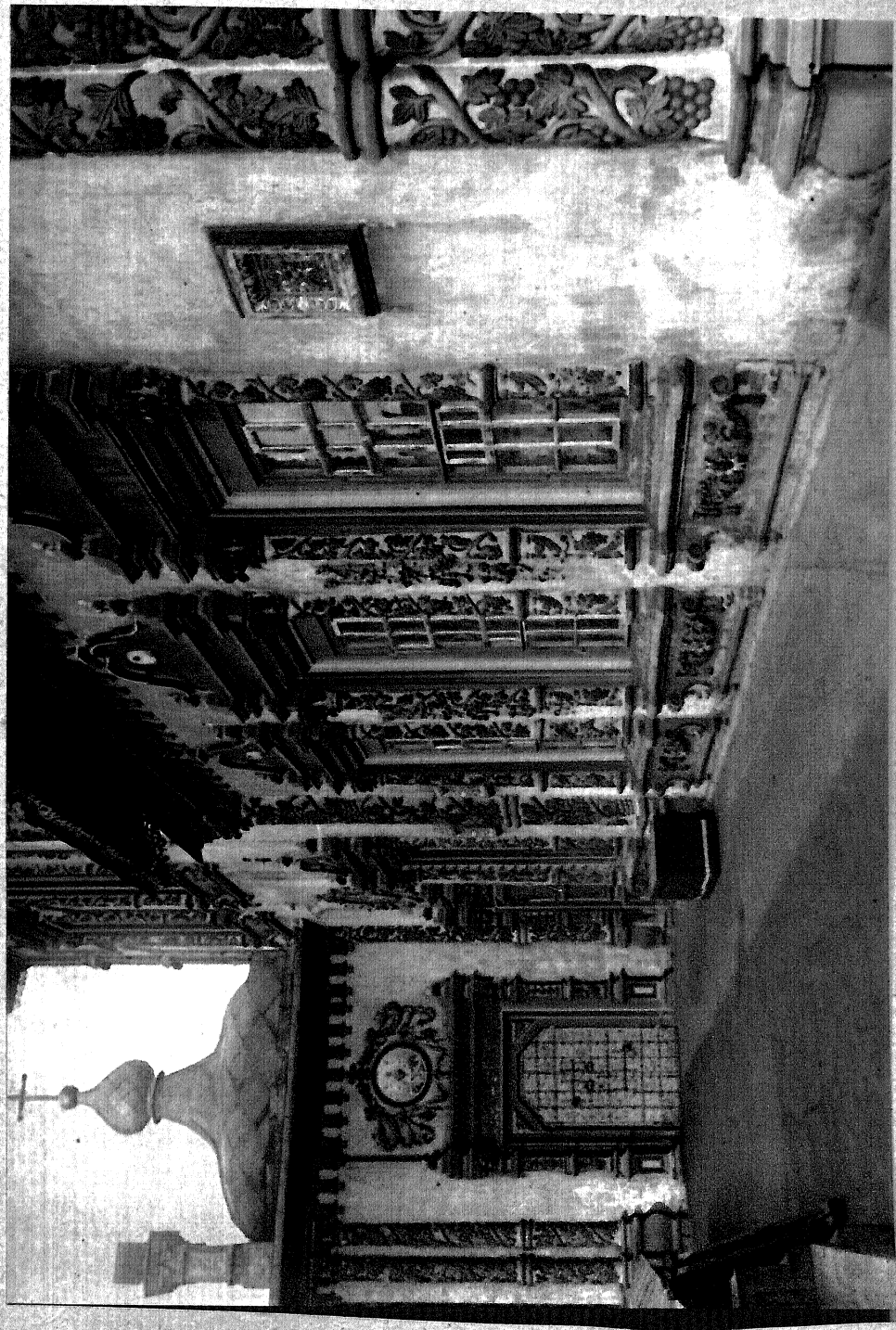
Съ этихъ стѣнъ отбивались атаки нападающихъ вражескихъ полчищъ. Отсюда сыпались сверху камни, песокъ, засоряющій глаза неприятелю и тѣмъ дѣлающій его неспособнымъ къ продолженію битвы, каменные ядра, пули; сюда приносились во время битвы кадки и чаны съ кипяткомъ, горячимъ масломъ, варомъ, смолой, нефтью... Все это съ нечеловѣческой жестокостью выливалось внизъ и обваривало атакующаго крѣпость врага... Въ башняхъ внизу хранился провіантъ, наверху устанавливались пушки и пищали, а на самомъ верху былъ устроенъ обсерваціонный пунктъ.

Вскорѣ Грозный перестраиваетъ старый Кремль и замѣняетъ деревянные стѣны и башни, ставшія уже слишкомъ мало пригодными для защиты города отъ пушечныхъ ядеръ, новыми каменными сооруженіями. Весной 1555 года въ Казань пріѣзжаетъ «камень ломать и новый градъ каменный дѣлать» Иванъ Ширяй, одинъ изъ строителей Благовѣщенскаго Каѳедральнаго собора. Онъ пріѣзжаетъ «съ братіей» и «со товарищи». «Псковскому дьяку Шершню Билибину, да старостамъ Богдану Ковырину, да Семену Мизинову, да съ ними церковному и городовому мастеру Поснику Яковлеву, да каменщикамъ псковскимъ Ивашку Ширяю со товарищами, вельми есьми въ веснѣ въ Казани новыи градъ камень дѣлати, прибрати 200 человекъ псковскихъ мастеровъ».

Мастера приступили къ работѣ.

Изъ волжскаго известняка, неровнаго, но прочнаго, они соорудили стѣну въ 300 саженой длины, охватившую Спасскія ворота, сѣверо-восточную часть Кремля до поворота стѣны къ востоку и часть сѣверо-западной стѣны. Остальныя 578 саженой остались дубовыми и уже позже были замѣнены камнемъ.

Эти же мастера построили кремлевскія башни съ круглыми бойницами, съ зубчатыми стѣнами. «А воротъ у города четверы, затворы

Казань. Деналь паперти Петропавловскаго Собора. Начало ХІІІ вѣка.

воротные въ каменныхъ стѣнахъ, а пятые ворота подъ деревянной стрѣльнею». Двое изъ этихъ воротъ теперь уже не существуютъ.

Древній Кремль былъ центромъ Казани. Здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, бился дулъ общественной и повседневной жизни. Здѣсь находились богатѣйшія палаты и дворы: владыкинъ и воеводскій.

Тамъ, гдѣ теперь казарменное зданіе военной гауптвахты, въ XVI вѣкѣ стоялъ приземистый, съ узорчатой крышей и оградой, съ бочкообразнымъ крыльцомъ «на столбахъ» и слюдяными окнами, съ изукрашенными рѣзными полотенцами оконными отверстіями, окруженный безконечными сѣнями, повалушами, погребамъ, амбарами и поварнями, «воеводинъ дворъ». Около Кафедральнаго собора стоялъ «Владыкинъ дворъ». А немного дальше, тамъ же, гдѣ она стоитъ и теперь, но уже сильно измѣненная, получившая «барочный» обликъ, на мѣстѣ Муралеевской мечети, стояла маленькая Введенская церковь.

Эта церковь была мѣстомъ моленія казанской аристократіи того времени. «Все построеніе и церковное строеніе воеводское да годовальщиковъ», какъ говорятъ писцовыя книги¹⁾).

Теперь ничего не осталось отъ воеводскаго и владыкина дворца... Нѣтъ слюдяныхъ оконъ, нѣтъ приземистыхъ крылецъ, не стало высокихъ крышъ... Длинные, безконечно тоскливыя казармы юнкерскаго училища, сѣро-жоричневые, облѣзлые, безъ всякой претензіи на какую-нибудь красоту, присутственныя мѣста,—все это такъ мало гармонируетъ съ Благовѣщенскимъ соборомъ и Спасской башней, съ Кремлевскими стѣнами и гордой Сумбекой...

Какъ-будто нарочно разбили люди дивную сказку старины, какъ-будто не хотятъ они слушать ее.

И только вечеромъ, на закатѣ солнца, или лунною ночью, гуляя по бульвару вокругъ стѣнъ и башенъ Кремля, чувствуешь, какъ вѣетъ отъ всего этого стариной. Проникаешься чувствомъ красоты далекаго прошлаго... Вспоминаешь, какая интересная, бурная жизнь была та, которую видѣли эти нѣмые свидѣтели!.. Какъ хочется, словно въ былинѣ, прильнуть ухомъ къ кремлевской башнѣ, къ сырой землѣ, и чутко слушать, что расскажетъ она, внимать зовамъ древности и сказкамъ прошлаго...

А есть что послушать отъ нихъ!.. Многое пережили они. Интересной, своеобразной, такъ не похожей на нынѣшнюю, жизнью жила Казань въ XVI и XVII вѣкахъ.

1) Заринскій. Очеркъ древней Казани.

IV. XVI вѣкъ въ Казани.

Типомъ обыкновеннаго русскаго укрѣпленнаго города была Казань въ XVI-мъ вѣкѣ.

На горѣ, окруженный толстой стѣной, возвышался городъ, а внизу, въ свою очередь тоже обнесенный стѣнами, ютились предмѣстья.

Нападенія инородцевъ безпрестанно тревожили городъ. То и дѣло происходили стычки, жарко рубилась съ крѣпкой городской стражей налетѣвшая внезапно шайка безшабашныхъ удалцовъ и глубокій ровъ, окружавшій со всѣхъ сторонъ городъ, наполнялся мертвыми тѣлами, упавшими съ узенькихъ подвѣсныхъ мостовъ, на которыхъ чаще всего и происходили кровавыя схватки.

Къ Кремлю—центру городского и военнаго управленія, примыкаетъ посады—этотъ центръ обычной повседневной жизни.

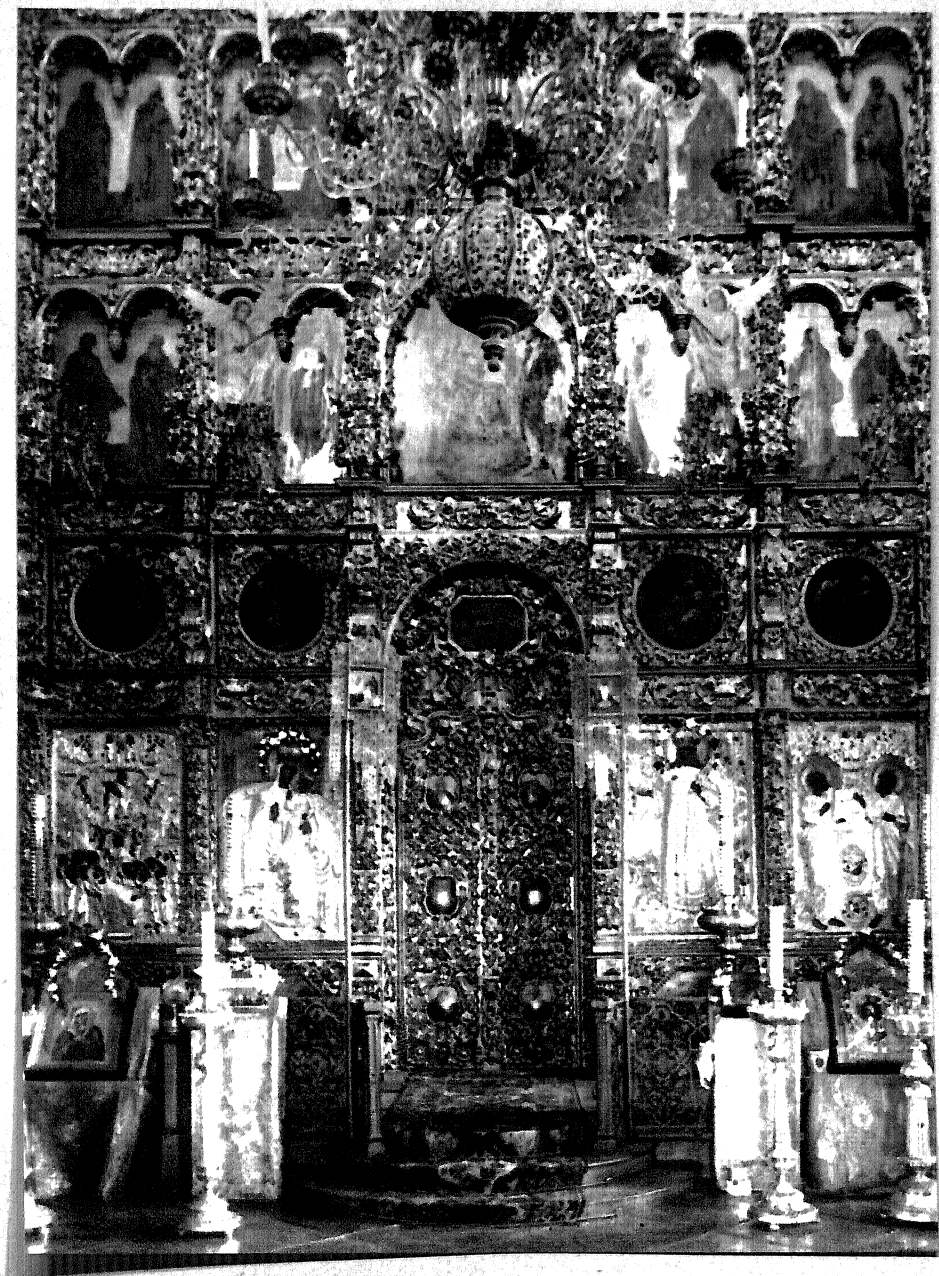
Узкія улицы казанскаго посада, сплошь устѣянные домами, буквально нанизанными одинъ на другой, ютившимися по горамъ и оврагамъ, высямъ и склонамъ, были причиной постоянныхъ опустошительныхъ пожаровъ, нерѣдко кончавшихся полнымъ уничтоженіемъ города.

Постоянные пожары мало чему научали казанцевъ. Словно боясь оторваться другъ отъ друга, чтобы не попасть въ руки невѣрныхъ, твердо вѣря въ силу крестовъ и иконъ, поставленныхъ на каждой площади и «крестцѣ» и охраняющихъ порожанъ отъ всякихъ земныхъ и небесныхъ бѣдъ, они послѣ пожаровъ ставили свои дома на томъ же мѣстѣ, въ томъ же порядкѣ, создавая для себя такую же, какъ и прежде, опасность, обращая свой городъ въ груды легко воспламеняющагося матеріала.

Главныхъ улицъ въ Казани было немного. Зато безконечное количество кривыхъ, узкихъ переулковъ расходилось во всѣ стороны отъ этихъ улицъ; то поднимаясь вверхъ «на вымлю», то спускаясь къ глубокому оврагамъ.

Назывались казанскія улицы своеобразными именами: то по имени церкви Божьей, стоящей на перекресткѣ, то по служилымъ и царскимъ людямъ, населяющимъ улицу... Въ древней Казани люди одной профессіи составляли какъ бы особую корпорацію и селились всѣ въ одномъ мѣстѣ. Такъ стрѣльцы всѣ жили на Стрѣлецкой улицѣ, пушкари—на Пушкарской. Псковичи, пріѣхавшіе въ большомъ количествѣ въ Казань при Іоаннѣ Грозномъ, устроились всѣ въ одномъ мѣстѣ и дали такимъ образомъ наименованіе Псковской улицѣ.

Иногда улицы и переулки заимствовали свои названія отъ грозвищъ «именитыхъ» гражданъ, иногда—отъ заведеній и учреждений, помѣщаю-

Казань. Иконостасъ Петропавловскаго собора. Начало XVIII-го вѣка.

щихся на нихъ. Въ писцовыхъ книгахъ города Казани въ XVI вѣкѣ упоминаются улицы: Банная, Пивоваренная, Стѣнная и другія съ подобными наименованіями.

Кривыя и тѣсныя улочки неправильными линіями сходились къ такимъ же неправильнымъ и тѣснымъ площадямъ.

Площади служили центрами общественной и торговой жизни Казани. Здѣсь ставятся лавки, ряды, скамьи. Тутъ же усаживаются всевозможные мастера и ремесленники и тутъ же, на глазахъ у заказчиковъ, принимаютъ и исполняютъ заказы. Здѣсь же торгуютъ сомнительной свѣжести мясомъ и издающей ужасный запахъ вяленой рыбой. На площадяхъ же стоятъ «калачни», гдѣ цѣлый день топятъ печи и пекутся калачи, и харчевни, куда собираются цѣлыя толпы «пропащихъ» людей и «гулякъ».

Въ Казани было нѣсколько площадей подобнаго рода, но особой извѣстностью пользовалась Спасская площадь, близъ Кремлевскихъ воротъ, находившаяся по Спасской, нынѣ Воскресенской, улицѣ.

Эта площадь была центромъ торговой жизни Казани XVI вѣка. Здѣсь стоялъ знаменитый въ лѣтописяхъ города «Гостиный дворъ».

Казань вела обширную торговлю въ XVI вѣкѣ. Ежегодно по Волгѣ тянулись цѣлые караваны торговыхъ судовъ, наполненныхъ богатыми товарами, достигающіе иногда солиднаго количества — 500 судовъ. Въ Казани были богатые купцы, велась большая торговля, а для большой торговли нуженъ былъ и большой центръ, большой «Гостиный дворъ».

Старый Гостиный дворъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ и нынѣшній. Казанскія лѣтописныя сказанія восторженно отзываются объ этомъ грандіозномъ сооруженіи, имѣвшемъ «трои ворота, а мѣру... длина съ тѣмъ, что подъ анбары, 56 сажень, а поперекъ двора 48 сажень».

По фасаду, на Спасской улицѣ, располагались лавки богатыхъ гостей, а въ глубинѣ ютились мелочные торговцы. До трехсотъ пятидесяти лавокъ вмѣщалъ въ себя Гостиный дворъ, больше ста скамей и пятьдесятъ шалашей помѣщалось въ его дворѣ. Богатыя ткани, металлическія издѣлія и украшенія, драгоценныя камни и жемчугъ сверкали на прилавкахъ торговыхъ помѣщеній богатыхъ, особенно костромскихъ, гостей.

На западѣ располагался «обжорный рядъ», гдѣ продавалось мясо, рыба, хлѣбъ, горячіе калачи, пироги и стояли громадныя бочки съ квасомъ и пивомъ.

Въ Гостиномъ дворѣ цѣлый день стоитъ шумъ и крикъ. Нѣтъ болѣе оживленнаго мѣста въ Казани. Сюда собираются люди для серьезнаго дѣла, здѣсь совершаются крупныя торговыя операціи. Тутъ же покупаетъ себѣ все необходимое въ домашнемъ обиходѣ рядовой обы-

ватель. Здѣсь же цѣлые дни уныло бродятъ воры и разныя темныя личности, жадно слѣдящія глазами за тѣмъ, что плохо лежитъ.

Особые «сборщики» слѣдятъ за торговцами и покупателями и требуютъ по деньгѣ съ заплаченного за покупку меду, икры, рыбы и тому подобныхъ продуктовъ рубля.

Безконечное количество налоговъ и сборовъ взимается съ прѣзжающихъ въ Гостинный дворъ и торгующихъ тамъ. Кто въѣзжаетъ во дворъ съ товаромъ и остается въ немъ болѣе одного дня, съ того собирается «амбарщина». А кто не поѣдетъ въ Гостинный дворъ и остановится съ товаромъ въ частномъ домѣ, «того ставить туда насильно».

У Спасскихъ воротъ поставлена была «таможенная изба», гдѣ «таможили» товары и собирали сборы съ проданнаго товара, на что были приставлены особые сборщики и «дворники».

Имѣть собственные вѣсы торговымъ людямъ было строго воспрещено. Всѣ товары должны взвѣшиваться особыми «вѣсчими сторожами» или «вѣсцами», состоящими при «важнѣ», которая стояла близъ Спасскихъ воротъ.

Въ Кремлѣ стояли тюрьмы, мужскія и женскія. Смердъ, грязь, тѣснота, холодъ и голодъ, постоянный мракъ царили въ нихъ. Стоны и плачъ нерѣдко доносились изъ «пыточной», помѣщавшейся тутъ же по сосѣдству.

Каждый день по городу разносился звонъ цѣпей идущихъ по городу «колодничковъ», скованныхъ попарно и выпускаемыхъ ежедневно изъ своего заточенія для сбора всякаго рода подаянія. Денегъ изъ казны на содержаніе колодничковъ не отпускалось и имъ приходилось довольствоваться частными пожертвованіями. Худые, заморенные, съ испытанными лицами, они тянули свою «колодническую» пѣсню: «Отцы наши, милостивцы! Не оставьте насъ». Протяжнымъ стономъ и плачемъ раздавался по городу знакомый напѣвъ...

Когда по городу разносился слухъ, что назначенъ «судъ Божій» или что будутъ казнить «вора», народъ цѣлыми толпами стекался въ Кремль и жадно слѣдилъ глазами за тѣмъ, какъ «тягались» тяжущіеся ослопами и дубинками или какъ геройски умиралъ на плахѣ Гришка-разбойникъ, погубившій много душъ казанскаго народа.

Иногда толпой бѣжали народъ смотрѣть, какъ живьемъ по горло зарывали въ землю «вора» или сажали его на колъ.

Жизнь Казани въ XVI вѣкѣ была полна тревогами...

За соборной церковью, въ Кремлѣ, стояли «дома городовыхъ сторожей и часовниковъ», а по лѣвую сторону Спасскихъ воротъ, подлѣ часовой стѣны, часовня, «рублена на столбахъ, а на часовнѣ большой колоколь ратный; а часы бьютъ въ тотъ же колоколь, а другой коло-

Казань. Колокольня Петропавловской церкви. 1720-е годы.

коль меньшій старые часовни, а звонять въ тотъ колоколь къ городо-вымъ воротамъ».

Въ малый колоколь звонили, когда наступало время запираить горо-довыя ворота, а если зазвонятъ въ большой—это значить случилась бѣда: или яркимъ заревомъ гдѣ-нибудь въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, или опять возстали въ Арской землѣ «поганые» и цѣлыми толпами идуть на Казань.

Пожаровъ въ Казани боялись больше всего на свѣтѣ. Всѣ старанія администраціи направлялись на то, чтобы у гражданъ было какъ можно меньше огня въ рукахъ. Одно время запрещались частныя бани и пивоварни и взамѣнъ ихъ были устроены казенныя учрежденія этого рода. Весной, лѣтомъ и осенью «въ жаркіе и ведренные дни» запрещалось топить избы и велѣно было «подѣлать печи въ поварняхъ и на полахъ мѣстахъ и варить тамъ ѣсть и хлѣбы печь».

Въ XVI вѣкѣ въ Казани было очень много церквей.

Церкви эти, въ большинствѣ случаевъ, не представляли никакого интереса въ отношеніи архитектуры. Чаще всего «обыденныя», построенныя кѣмъ-либо изъ богатыхъ людей «по обѣту», онѣ отличались крайней простотой и крайней бѣдностью внутренней отдѣлки.

Простые, деревянные срубы, деревянная стѣна, на которой ставятся иконы, являющаяся такимъ образомъ иконостасомъ, образа въ мѣдныхъ, рѣдко посеребренныхъ или позолоченныхъ, ризахъ, деревянные и оловянные священные сосуды, ризы и облаченія изъ самаго грошевого матеріала,—вотъ характеръ внутренняго убранства большинства казанскихъ церквей XVI вѣка.

При большинствѣ казанскихъ церквей и монастырей состояли «Божьи дома», богадѣлни, въ кельяхъ которыхъ жили, «питаясь отъ церкви», убогіе старцы. Особенную извѣстность въ этомъ смыслѣ пріобрѣла богадѣдня при церкви Николы-Ляпуновскаго, стоявшей за Гостинимъ дворомъ.

Количество населенія въ Казани сильно возросло къ концу столѣтія. Писцовыя книги конца XVI вѣка насчитываютъ до восьми тысячъ человѣкъ, прибавляя къ этому количеству еще шесть тысячъ татаръ, живущихъ за городомъ и не допускаемыхъ въ черту городскихъ поселеній.

«Въ 1552-мъ году многіе бояре, князья и дѣти боярскіе были сосланы въ Казань» ¹⁾. Изъ этихъ московскихъ выходцевъ мало-по-малу и образовалась казанская «аристократія». При спускѣ съ горы, у Толчка, цѣлая улица была застроена домами «знатныхъ людей» вродѣ Шату-

¹⁾ Солсвьевъ. С. М. Русская исторія.

новыхъ, Строгановыхъ, Шереметевыхъ, Одоевскихъ, князей Гагариныхъ и многихъ другихъ.

Много «знатныхъ людей» бѣжало въ Казань и изъ Пскова.

Высшее управленіе Казанью въ XVI вѣкѣ находилось въ рукахъ «большого боярина» — «воеводы» и четырехъ его помощниковъ «меньшихъ».

Тревожная жизнь XVI вѣка заставляетъ ихъ ежечасно и днемъ, и ночью быть на чеку.

«Государевы Царя и Великаго Князя Воеводы: Бояринъ и Воевода Большой, да четыре Воеводы Меньшихъ вѣдаютъ у города по однимъ воротамъ, а въ городѣ нарядъ городской, сторожи по всему городу; который воевода которыя ворота и сторожи вѣдаетъ свѣтлишныя изъ городской росписи».

«Да отъ Боярина же и Воеводы Большого и отъ всѣхъ воеводъ всегда въ день и ночь на посадѣ же по всѣмъ указамъ ѣздить дѣти боярскіе, для береженья, чтобы корчемнаго и никотораго лиха не было и ягневъ бы не во время во дворѣ не держали»...

...«Да беречь накрѣпко, чтобы на улицахъ и переулкахъ и бою, и грабежа, и корчмы, и табака, и иного никакого воровства не было. Да и то беречь накрѣпко, чтобы нигдѣ воры не зажгли, и огня на хоромы не накинули, и у хоромъ и заборовъ, съ улицы, ни у кого ни съ чѣмъ огня не положили».

Но особенное вниманіе обращалось въ Казани на военное укрѣпленіе города. Жизнь Казани въ эту эпоху была жизнью военного лагеря. Постоянныя смуты и набѣги инородцевъ заставляли городъ напрягать всѣ свои силы.

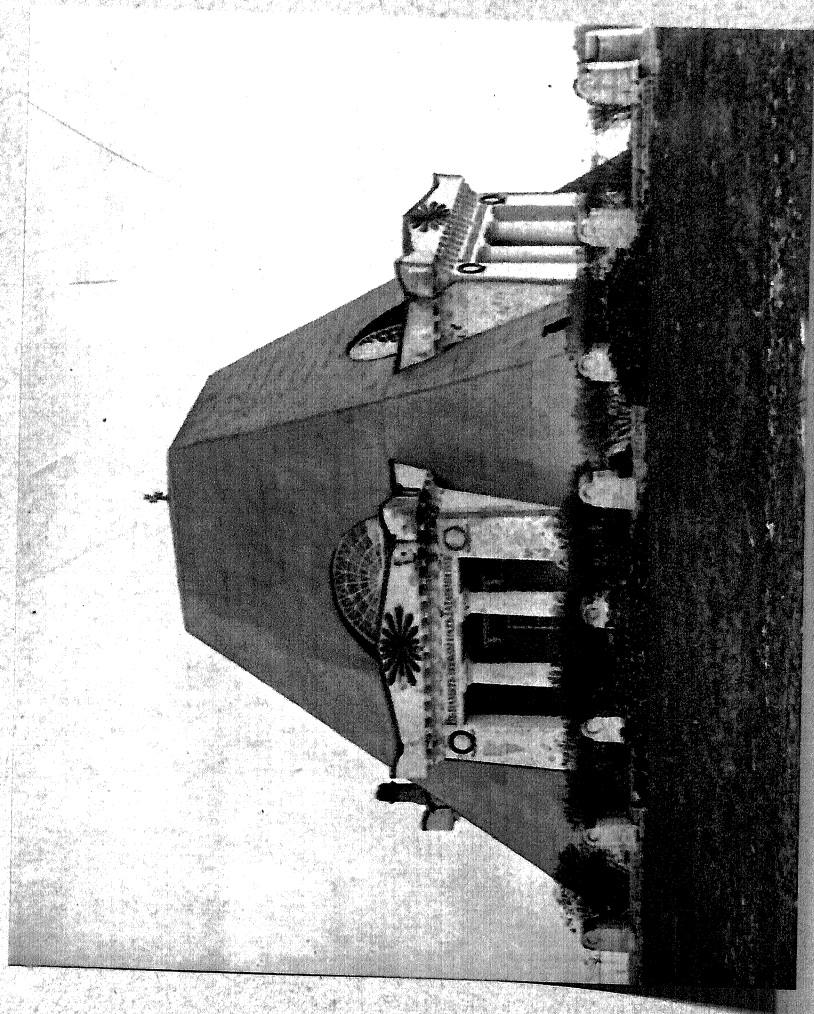
Усиленные отряды дѣтей боярскихъ, пушкарей, два полка стрѣльцовъ, наводившихъ въ мирное время ужасъ на обывателей своимъ разнузданнымъ своеволіемъ и безобразіями, чинившихъ вѣчныя насилія надъ женщинами, но зато безстрашныхъ защитниковъ Казани въ опасное время,—вотъ изъ кого состояло казанское войско.

Стрѣльцы жили въ Казани въ особыхъ слободахъ:

«Въ Казани жъ на посадѣ, въ острогѣ, слободы стрѣлецкіе, подлѣ острогу, и въ улицѣ дворы стрѣлецкихъ головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ и стрѣлецкіе и въ которой слободѣ и чьево прибору стрѣльцы и то писано порознь»¹⁾).

За Булакомъ стоялъ «зелейный», т.-е. пороховой заводъ. «Дворъ зелейный въ Преображенской слободѣ. А на дворѣ хоромъ: анбаръ дощалый въ длину 10 сажень, а поперегъ 7, а дѣлаютъ въ немъ сѣру горячую, и зелье и нефть пропускаютъ».

¹⁾ Писцовыя книги.

Казань. Памятникъ русскимъ воинамъ, убитымъ при взятіи Казани. 1810-е годы.

Усиленно охранялся городъ отъ внѣшнихъ враговъ.

По стѣнѣ казанскаго острога день и ночь ходятъ дозорные, на каждой изъ десяти надворотныхъ башенъ стоятъ отряды по нѣскольку человѣкъ, направлены въ разныя стороны готовыя къ бою пушки и пищали.

Самъ «большой бояринъ и воевода» каждый вечеръ на ночь объѣзжаетъ кругомъ весь городъ, а по городу съ фонарями ходятъ дѣти боярскія. Крѣпко на-крѣпко запираются тяжелыя городовыя ворота и ключи передаются въ собственныя руки большого боярина. «Затворяются въ послѣднемъ часу дня, а съ утра... отмыкаютъ городничіе на первомъ часу дня»...

Осторожно объѣздивъ на ночь всѣ стѣны городскія и убѣдившись, что все въ городѣ и посадѣ благополучно, большой воевода отходить ко сну...

Затихаетъ Казань...

Черная ночь... Зги не видать на улицахъ города. Только въ «сторежевыхъ избахъ» всю ночь напролетъ горятъ огни: это дежурные сторожа бодрствуютъ въ нихъ.

Цѣлыя стаи голодныхъ собакъ бродятъ по улицамъ и площадямъ. «Добрыхъ» людей не видно—кто спитъ, а кто крѣпко заперся въ своемъ домѣ, не рѣшаясь выйти на улицу. По улицамъ, скрываясь отъ дозора, бродятъ «тати» и убійцы, подстерегающіе свою добычу.

Ночные грабежи и убійства повторяются въ Казани каждый день, какъ только зайдетъ солнце и городъ погружается въ темную мглу...

V. Казань XVII вѣка.

Внѣшній видъ Казани, повидимому, мало измѣнился въ XVII вѣкѣ по сравненію съ XVI. Да и весь укладъ жизни въ существенныхъ своихъ чертахъ оставался такимъ же.

По крайней мѣрѣ, въ очень интересномъ описаніи Адама Олѣарія ¹⁾, посѣтившаго Казань въ 1636—1638 годахъ и во время своего пребыванія здѣсь нарисовавшаго даже общій видъ города, жизнь Казани изображена такой же, какой она представляется намъ въ XVI вѣкѣ.

Такъ же, какъ и въ XVI вѣкѣ, «въ городѣ живутъ только русскіе, и никто изъ татаръ не можетъ войти туда подь страхомъ наказанія», какъ сообщаетъ Рыбушкинъ, выражающагося въ смертной казни.

Тѣ же деревянныя стѣны окружали посадъ, та же «камнемъ, пуш-

¹⁾ «Voyage en Moscovie».

ками, солдатами охраняемая» крѣпость. Тотъ же «Гостинный дворъ» стоялъ близъ Кремля съ тѣми же продаваемыми въ немъ овощами, да «соленой, старой, гнилой рыбой, которая издавала отъ себя такой дурной запахъ, что мы не могли проходить мимо, не зажимая носа».

Въ описаніяхъ внѣшности города фигурируетъ скученность построекъ и непроходимая грязь узкихъ улицъ, въ описаніи внутренняго уклада жизни — та же невысокая степень культурности, порой переходящая въ дикость.

Даже внѣшнія формы, въ которыя выливалась общественная и частная жизнь Казани, въ XVII вѣкѣ оставалась такими же, какими онѣ были на другой день послѣ покоренія Казани.

Отъ XVII вѣка въ Казани сохранилось довольно много памятниковъ, но художественный интересъ представляютъ очень немногіе изъ нихъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ этого времени является Зилантьевскій монастырь, живописно расположенный на высокомъ холмѣ на самомъ берегу рѣки Казанки, почти рядомъ съ желѣзно-дорожнымъ мостомъ.

Окруженный высокой бѣлой стѣной съ башнями по угламъ, онъ издали скорѣе напоминаетъ старинный кремль или крѣпость, чѣмъ монастырь.

Основанный еще Іоанномъ Грознымъ и построенный первоначально на мѣстѣ братской могилы убитыхъ при взятіи Казани русскихъ войновъ, монастырь этотъ былъ скорѣе перенесенъ на свое теперешнее мѣсто, на гору Зилантъ, такъ какъ ежегодные разливы Казанки и Волги подмывали основаніе храма и грозили въ будущемъ серьезной катастрофой.

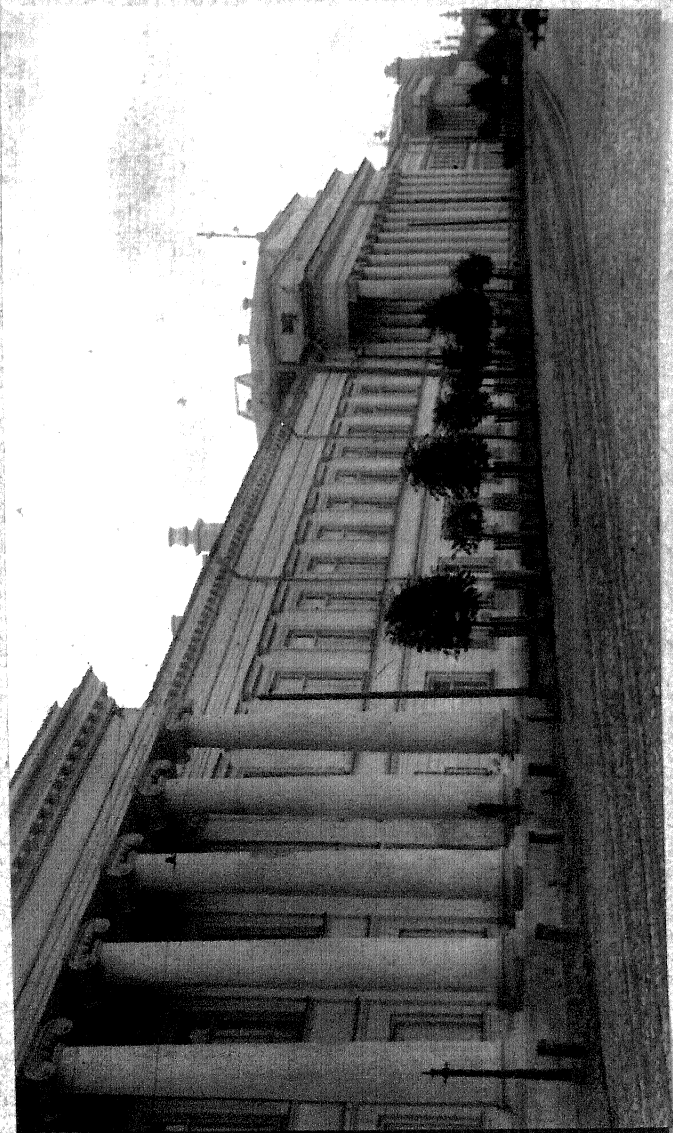
Постройка церкви во имя Успенія Пресвятой Богородицы, такъ же, какъ и постройка монастырскихъ стѣнъ, относится къ первой половинѣ XVII вѣка:

Несмотря на позднѣйшія передѣлки, Зилантьевскій монастырь до сихъ поръ удивительно красивъ. Особенно привлекателенъ онъ осенью, когда его бѣлыя стѣны, башни и колокольни ярко вырисовываются на фонѣ покрытыхъ золотисто-желтымъ лѣсомъ бугровъ, туманныхъ синихъ далей и ослѣпительно-голубого прозрачнаго осенняго неба...

Казань не выработала въ себѣ собственной жизненной философіи и собственнаго религіознаго міропониманія. Не создала она, благодаря этому, и собственнаго архитектурнаго стиля церковныхъ построекъ.

Она перенимала ихъ только у другихъ городовъ.

Каждая новая эпоха въ исторіи несла новое пониманіе жизни и

Казань. Императорскій Университетъ. 1822—6 г.

религии, а, слѣдовательно, и новыя формы церковнаго зодчества. Каждый вѣкъ несъ свой архитектурный стиль... И такіе города, у которыхъ были налицо свои собственные, освященные обычаемъ и традиціей, приемы, слабо поддавались общему теченію. Все шло въ нихъ «по старинѣ», все даже извнѣ пришедшее перерабатывалось по своему и измѣнялось до неузнаваемости. Каждое новое сооруженіе являлось лишь логически необходимымъ звеномъ въ общей цѣли развитія одной религиозной идеи.

Не то было въ Казани.

Своего, «старого», здѣсь не было. Казань налету схватывала все то, что попадалось ей на пути: то украинскій куполь, то шатровое покрытие, то причудливую форму барокко.

Въ XVI вѣкѣ въ Московской Руси сильно распространилось такъ называемое «шатровое» покрытіе храмовъ,—переведенный на камень мотивъ деревяннаго зодчества русскаго сѣвера. На Казани отразилось это теченіе въ русской архитектурѣ. Правда, какъ и всегда въ провинціи, оно нѣсколько запоздало и, въ то время какъ въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка подобная форма церковнаго строительства была запрещена царскимъ указомъ, въ Казани еще и въ XVII сооружались шатровыя церкви и колокольни.

Къ серединѣ XVII-го вѣка относится знаменитый Іоанно-Предтеченскій монастырь, еще издалека, за нѣсколько верстъ, бросающійся въ глаза подъѣзжающему къ Казани. Поставленный на большомъ возвышеніи противъ Кремля, онъ выдается надъ всѣмъ городомъ своими тремя главами-шатами.

На продолговатомъ корпусѣ съ тремя полукруглыми выступами въ алтарной части, надъ этой самой алтарной частью, на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого поставлены три довольно высокихъ шатра.

Іоанно-Предтеченскій монастырь, построенный Грознымъ въ честь своего святого, первоначально былъ срубленъ изъ дерева и довольно долго простоялъ въ такомъ видѣ. Тотъ обликъ, который онъ имѣетъ теперь, онъ получилъ не раньше половины XVII вѣка, вѣроятно, въ 1649-мъ году¹⁾. Совершенная ветхость, грозившая катастрофой въ недалекомъ будущемъ, заставила въ 1886-мъ году приступить къ коренной его перестройкѣ.

Эта послѣдняя перестройка сильно повредила монастырю. Прелестная орнаментация XVII вѣка на окнахъ была снята и замѣнена новой. Лѣвая глава, бывшая значительно ниже двухъ другихъ, въ чемъ нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ, Игорь Грабаръ, видѣли одну изъ интереснѣйшихъ особенностей Іоанно-Предтеченскаго мона-

¹⁾ И. Грабаръ. Исторія русскаго искусства: Томъ II.

стыря, была поднята и уравнена съ остальными. Шаблонная сѣрая окраска храма еще больше приблизила его къ характеру современного церковнаго строительства.

Такимъ образомъ въ современномъ своемъ видѣ Ивановскій монастырь не является постройкой XVII-го вѣка. Теперешнее зданіе только напоминаетъ красоту прежняго, но и въ такомъ видѣ это одинъ изъ интереснѣйшихъ русскихъ каменныхъ храмовъ шатроваго типа.

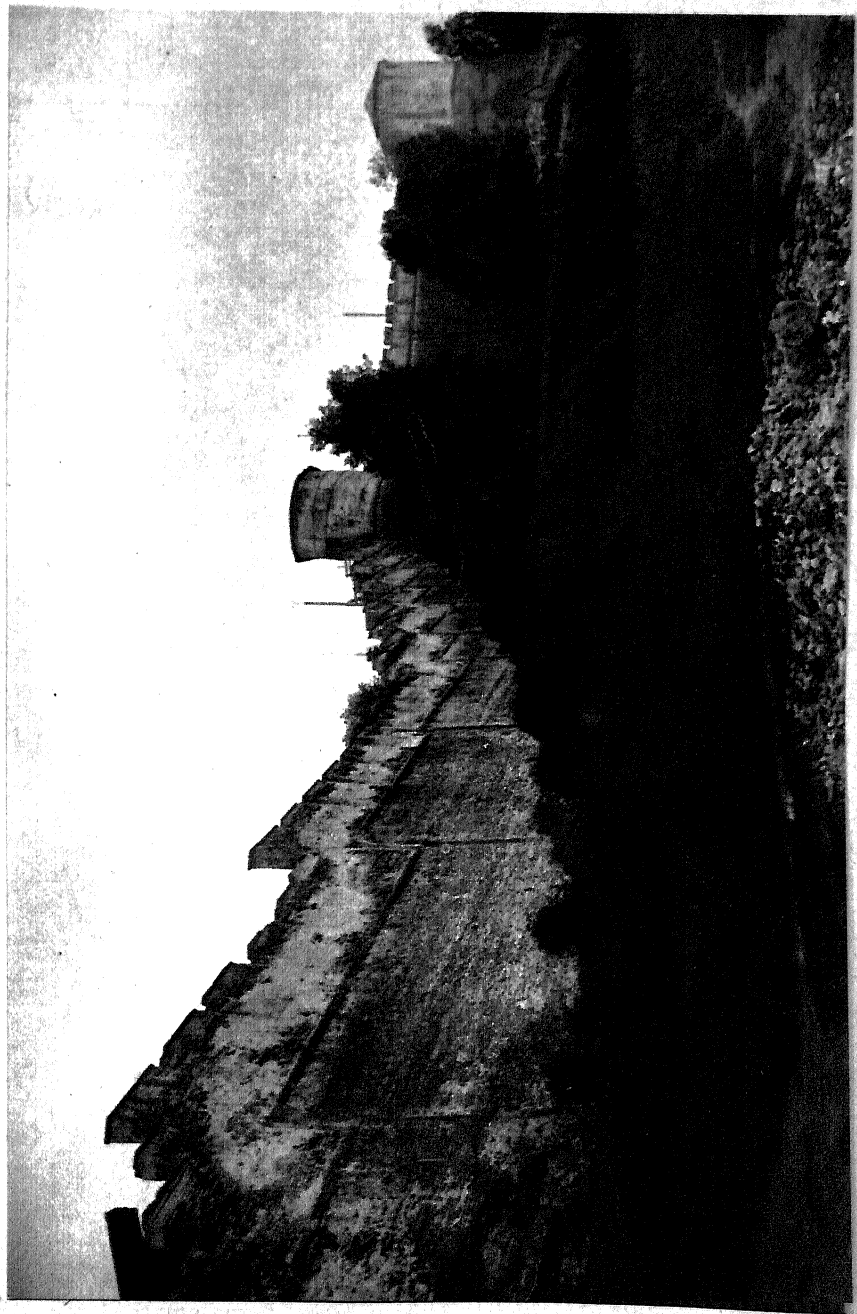
Въ оградѣ монастыря превосходно сохранилась маленькая колокольная, принадлежащая, по всей вѣроятности, началу XVII вѣка и совершенно не тронутая позднѣйшими передѣлками и перестройками. Эта маленькая, приземистая колокольная, состоящая всего изъ двухъ ярусовъ, увѣнчанная наверху тремя ярусами кокошниковъ, нетронутая даже позднѣйшей окраской, принадлежитъ къ наилучшимъ образомъ сохранившимся въ Казани памятникамъ старины. Чѣмъ-то подлинно стариннымъ, роднымъ русскимъ, вѣетъ отъ этихъ облѣзшихъ стѣнъ и этихъ кокошниковъ, отъ времени поросшихъ мохомъ и даже травой...

Внутри нынѣшняго Гостиного двора стоитъ еще одна церковь шатроваго типа — Гостинодворская. Продолговатый корпусъ ея увѣнчанъ двумя большими шатрами, изъ которыхъ одинъ приходится какъ бы куполомъ церкви, а другой, воздвигнутый въ передней части храма надъ трапезой, является колокольною. На четырехъ углахъ, вокругъ большого шатра, поставлены четыре маленькихъ главки, обыкновеннаго московскаго типа, съ луковичными куполами на тоненькихъ шейкахъ. Очевидно, старыя пяти-главыя формы церковнаго зодчества были больше по душѣ строителямъ Гостинодворской церкви, чѣмъ новыя «шатры», и, сооружая церковь по новой, модной въ эту эпоху манерѣ, они никакъ не могли отказать себѣ въ удовольствіи внести въ новыя формы нѣчто старое, близкое сердцу, напоминающіе старыя завѣты дѣдовъ и ютцовъ...

Церковь въ Гостиномъ дворѣ много разъ передѣлывалась, но въ основныхъ формахъ своихъ она, безусловно, осталась такой же, какою она была поставлена въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка. Последнее обновленіе ея относится къ сравнительно недавнему времени — къ 1870-му году.

VI. Вѣкъ Екатерины.

Нѣтъ, кажется, ни одного русскаго или иностраннаго путешественника, который, побывавъ въ XVIII вѣкѣ въ Казани, не восхищался бы общимъ видомъ и внѣшней красотой города.

Нижній Новгородъ. Кремлевскія стѣны и башни. 1508-11 г.

«Видъ города издали прекрасенъ» — говорить въ 1740-мъ году Н. И. Делиль. — «Сей городъ, безспорно, первый въ Россіи послѣ Москвы», — пишетъ въ 1767-мъ году къ Олсуфьеву императрица Екатерина, «во всемъ видю, что Казань столица большого царства».

Однако и сама Екатерина, и Делиль, и другіе путешественники не могутъ не отмѣтить внутренней неблагоустроенности города и, особенно бросающагося въ глаза, недостатка — малаго количества каменныхъ домовъ. Делиль рѣзко критикуетъ за это Казань. «Въ немъ есть высокія и большія колокольни и другія каменные зданія, но, за исключеніемъ ихъ, мѣсто оказывается предряннымъ». Екатерина Великая немедленно издаетъ правила «для споспѣшествованія къ устройству каменныхъ домовъ въ Казани»¹⁾.

Въ сущности въ основѣ своей Казань въ XVIII вѣкѣ остается тѣмъ же малокультурнымъ и во внутреннемъ и во внѣшнемъ смыслѣ городомъ, какимъ она была въ XVII вѣкѣ. Остается еще такъ же много дикихъ чертъ, роднящихъ ее съ азіатскими городами.

Тѣ же «рогатки» отдѣляютъ, какъ свидѣтельствуемъ въ 1733-мъ году путешественникъ И. Гмелинъ, татарскую часть города отъ русской.

Тѣ же стаи голодныхъ собакъ, терроризующія населеніе, бродятъ по городу, и приказъ объ истребленіи ихъ, изданный въ половинѣ XVIII вѣка, вызываетъ цѣлый рядъ нареканій на издавшаго его губернатора Волынскаго со стороны приверженца стараго порядка митрополита Сильвестра: «Ходили со многимъ людствомъ солдаты съ дубьемъ въ малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ казанскихъ жителей, и ловили баграми собакъ дворныхъ и побивали многихъ до смерти, а хозяевамъ велѣно тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возить, не вѣдая, для чего»²⁾.

Съ половины XVIII вѣка въ Казани начинаются «реформы». Заводится регулярная полиція, закрываются кабаки и дома явнаго разврата, по городу разставляются рогатки, учреждаются особые патрули, на которыхъ возлагается ловля воровъ. Ведется энергичная борьба съ грозящей постоянной опасностью пожаровъ скученностью городскихъ домовъ и построекъ, разрушаются всѣ нежилыя деревянные зданія, сносятся мясные и рыбные ряды, разбирается древняя бревенчатая стѣна, окружающая казанскій посадъ.

Казанское населеніе крайне враждебно относилось ко всѣмъ этимъ новшествамъ, идущимъ изъ Петербурга и грубо нарушающимъ крѣпкую традицію, старые, добрые завѣты прежнихъ вѣковъ.

¹⁾ Указъ 4-го іюня 1767 года.

²⁾ «Каз. Губ. Вѣдомости». 1860 годъ.

Потребности культурной жизни были очень мало сознаны, чтобы не сказать совсѣмъ еще не сознавались, казанцами, и даже такая осязательно полезная и необходимая мѣра, какъ задуманное Волынскимъ введеніе въ Казани ночного освѣщенія, встрѣчаетъ такую бурю оппозиціи среди населенія, что затѣю эту приходится бросить.

Внутренняя некультурность казанскаго общества доходитъ до того, что, когда приказано было доставить въ столицу «свѣдущихъ людей» для участія въ засѣданіяхъ комиссіи по составленію новаго уложенія, казанскихъ «знающихъ людей» пришлось везти въ Москву подъ усиленнымъ карауломъ, обязаннымъ слѣдить за тѣмъ, чтобы «депутаты» не сбѣжали домой съ полдороги!

Враждебность и апатія ко всему новому доходятъ до высшей степени и, когда въ 1759 году въ Казани открывается мужская гимназія, одно изъ первыхъ учрежденій подобнаго рода въ Россіи, въ нее записывается всего только четырнадцать учениковъ.

Казанской гимназіи суждено было сыграть видную роль въ исторіи интеллектуальнаго развитія Казани второй половины XVIII вѣка. Вплоть до самаго основанія Казанскаго университета, открытіе котораго состоялось въ началѣ XIX столѣтія, она является единственнымъ культурнымъ центромъ, очагомъ распространенія духовной культуры.

Гимназическіе акты привлекаютъ казанскую публику; праздничные литературные вечера и чтенія ученическихъ сочиненій охотно посѣщаются казанской аристократіей.

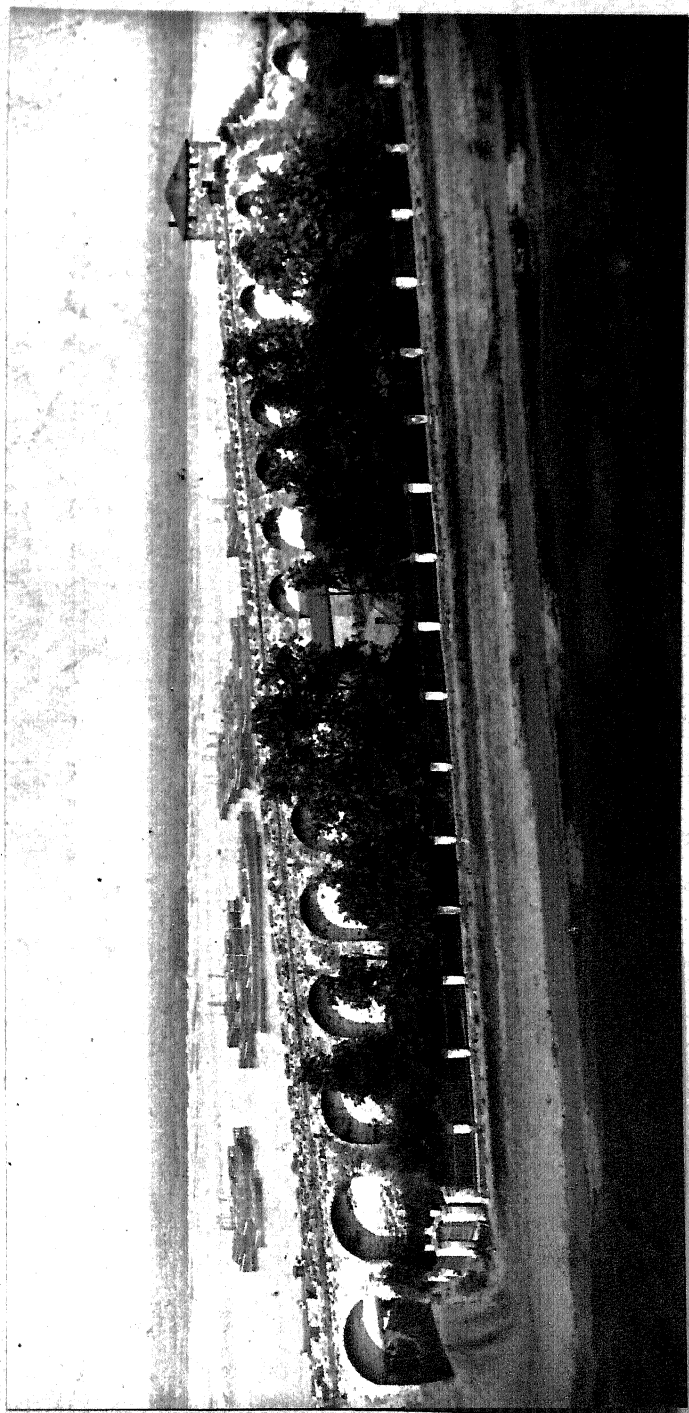
Особенно важную роль играютъ устраиваемыя театральныя представленія, одни изъ первыхъ театральныхъ зрѣлищъ въ Россіи.

Императрица сама покровительствуетъ казанскимъ спектаклямъ и усиленно рекомендуетъ ихъ устройству. Вотъ, чѣмъ вызываются эти стремленія къ устройству въ Казани представленій, какъ объясняетъ сама императрица въ письмахъ своихъ къ Вольтеру:

«Въ здѣшнемъ городѣ находится двадцать различныхъ народовъ, которые совершенно не сходны между собой. Надобно, однако, дать имъ такое платье, которое годилось бы для всѣхъ. Можно очень найти общія начала, но подробности, и какія подробности, это почти тоже, что сотворить, устроить, сохранить цѣлый міръ». Для смягченія нравовъ рекомендуется «содѣйствовать возобновленію въ гимназіяхъ театральныхъ представленій и, сколь возможно, склонять къ тому здѣшнее дворянство, которое посредствомъ сихъ представленій могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости» ¹⁾.

Конечно, мечтамъ императрицы объ объединеніи въ театральныхъ представленіяхъ всѣхъ народовъ и всѣхъ слоевъ населенія не удалось

¹⁾ Владиміровъ. Историческая записка о первой гимназіи г. Казани.

Нижній Новгородъ. Кремлевскія стѣны. 1508-11 г.

осуществиться, однако представлѣнія эти сыграли немалую роль въ дѣлѣ культурнаго развитія казанцевъ. У казанскихъ обывателей появлялись культурные интересы. Съ наслажденіемъ посѣщались спектакли, богато одарялись присутствующими ученики-артисты; волновалось сердце казанскихъ интеллигентовъ, поселяя въ нихъ жажду писать комедіи и пьесы, сочинять всевозможныя оды и кантаты и даже жажду выступленій на театральныхъ подмосткахъ...

Первое театральное представлѣніе въ Казани состоялось 26-го апрѣля 1770 года, когда въ гимназіи была разыграна мольеровская «Школа мужей».

Необыкновенной торжественностью обставлялись эти гимназическіе спектакли.

«Украшеніе театра въ прологѣ состояло изъ перспективнаго колоната, иллюминированныхъ прозрачными фестопами и эмблемами украшенныхъ картинъ. Въ задней части онаго виденъ былъ портретъ всепресвѣтлѣйшей монархини въ облакахъ, геніями и добродѣтелями держимой, надъ ними же око Провидѣнія въ Свѣтѣ лучезарномъ»... «По одну сторону театра картины представляли сей безпримѣрной монархини великія душевныя дарованія и добродѣтели, равно какъ и по другую сторону стоящіе показывали великія предпріятія и безсмертныя благодѣянія, которыя Россія отъ рукъ сей несравненной матери отечества къ своему непрерывному благоденствію въ семь девятилѣтнемъ преславномъ и счастливомъ царствованіи получила».

Сначала «пѣвчіе здѣшняго архіепископа» исполнили «Россійскій кантъ, сему торжественному дню соотвѣтствующій (рожденіе Екатерины II), соглашаясь съ инструментальной музыкою». Затѣмъ шла пьеса «Приданное обманомъ», представленная «благородными учениками».

И «сія нѣжная юность наполняла сердца присутствующихъ радостнымъ чувствомъ и получила за это благодарственную похвалу» ¹⁾.

То теченіе въ русскомъ искусствѣ, точнѣе, въ русской архитектурѣ, которое окрещено именемъ «русскаго барокко», не прошло безслѣдно въ Казани и увлекло собой казанскихъ строителей начала XVIII вѣка.

Въ городѣ то и дѣло попадаются небольшія церкви типичнаго «барочнаго» облика, столь распространеннаго въ то время въ Россіи.

Наряду съ этими церквями, обычно попадающимися въ Россіи, въ Казани сохранился одинъ дивный памятникъ эпохи, едва ли не одинъ изъ лучшихъ образцовъ «русскаго барокко», вообще, безспорно, лучшее украшеніе города,—соборъ во имя Апостоловъ Петра и Павла.

¹⁾ Тамъ же.

Такъ же, какъ и Иоанно-Предтеченскій монастырь, Петропавловскій соборъ стоитъ на горѣ и какъ бы царить надъ всѣмъ городомъ, издали привлекая къ себѣ вниманіе своей причудливой раскраской. Все мѣнялось вокругъ него. Проходило время, мѣнялись люди, мѣнялась жизнь, ходили въ него молиться мучимые тревогами, радостями и горемъ, измѣнялись постройки вокругъ него, а онъ все такой же радостный и пестрый, причудливый и праздничный, какъ бы нѣмымъ укоромъ обращенный къ казанцамъ за то, что разлюбили они древность, разлюбили они красоту и уже не могутъ создать ничего равнаго ему...

Крайне простой по своему плану Петропавловскій соборъ изумителенъ по богатству своей наружной орнаментации, состоящей изъ причудливо свивающихся и переплетающихся рѣзныхъ орнаментовъ, травъ и виноградныхъ лозъ. Чтобы понять и почувствовать всю прелесть и все очарованіе Петропавловскаго собора, недостаточно издали посмотреть на него. Нужно познакомиться съ его деталями, обойти его прекрасныя галереи, вглядѣться внимательно въ филигранную рѣзбу колонокъ, украшающихъ его окна, въ пеструю, капризную роспись его купола и колокольні.

При такомъ ознакомленіи церковь производитъ неизгладимое впечатлѣніе.

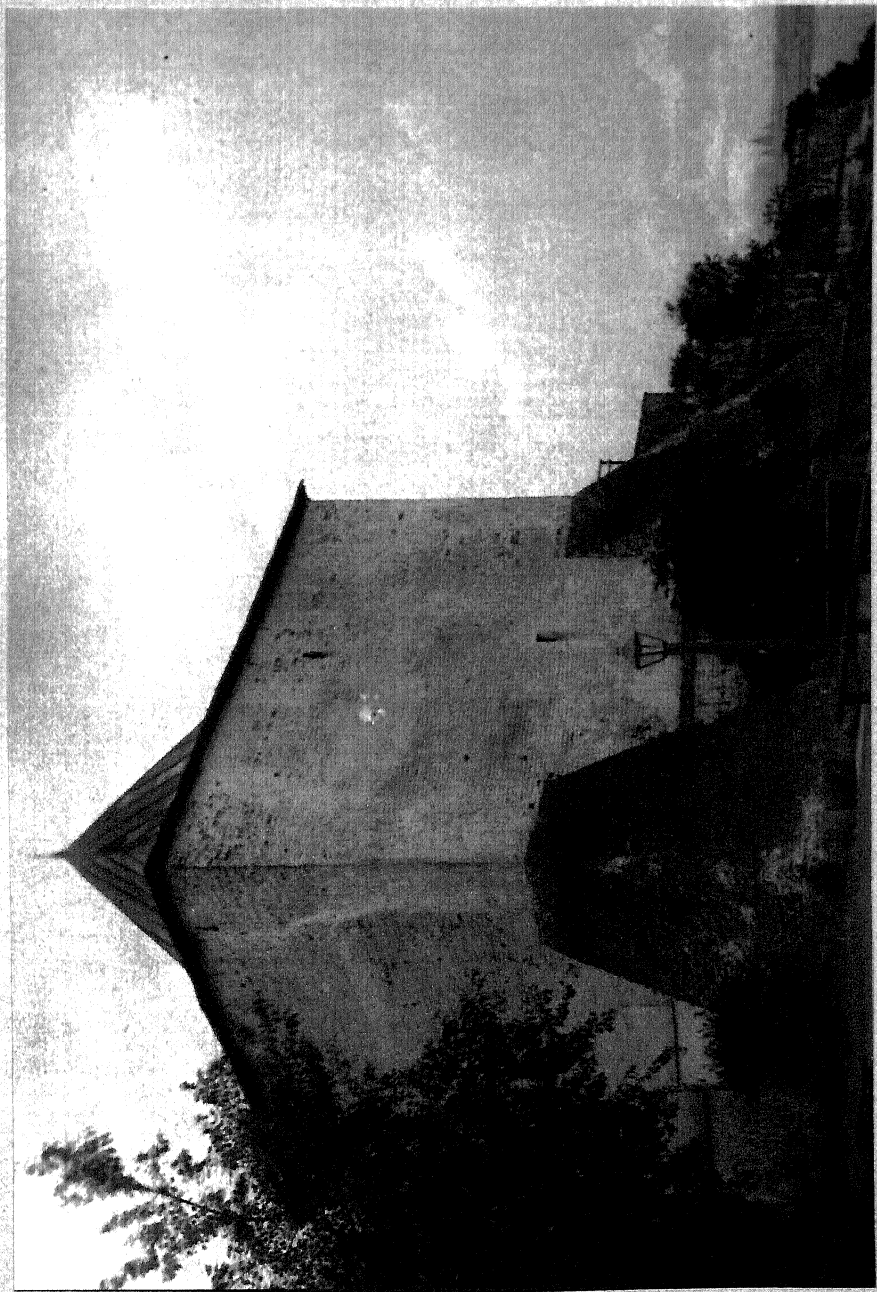
Что особенно цѣнно въ казанскомъ Петропавловскомъ соборѣ, такъ это то, что грубыя руки послѣдующихъ поколѣній не коснулись или почти не коснулись его. На протяженіи своей исторіи храмъ этотъ не передѣлывался и не «подновлялся», какъ большинство древнихъ храмовъ, а только реставрировался, и реставрировался съ большимъ пониманіемъ и вкусомъ.

Маловъ описываетъ, какимъ образомъ производилась, напримѣръ, починка дивнаго иконостаса верхняго храма. Иконостасъ былъ разобранъ и разложенъ на полу въ церкви. Тѣ части его, которыя остались мало тронутыми разрушающимъ временемъ, не возобновлялись, а тѣ, которыя приходилось замѣнить новыми, замѣнялись, при чемъ дѣлалась точная копія замѣняемой части ¹⁾.

Такъ же поступили и съ наружной раскраской стѣнъ. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія А. Legrelle писалъ, что «стѣны Петропавловскаго собора украшены по-итальянски живописью, въ настоящее время почти стертою». При реставраціи храма въ 1888—90 годахъ новая окраска была самымъ точнымъ воспроизведеніемъ старинной, къ тому времени сильно попортившейся, росписи.

Церковь Петра и Павла еще въ XVI вѣкѣ упоминается въ лѣтописяхъ города Казани, однако, церковь XVI вѣка не имѣла ничего общаго

¹⁾ Маловъ. Петропавловскій соборъ въ Казани.

Нижній-Новгородъ. Кремлевская башня. 1508—11 г.

съ той, которая стоитъ на томъ же мѣстѣ въ наши дни. Современная постройка относится къ гораздо болѣе позднему времени, а именно къ началу XVIII вѣка.

Желая ознаменовать тогдашнее торжественное шествіе Петра Великаго въ низовые походы, во время котораго императоръ останавливался на нѣсколько дней въ Казани у купца Михляева, купецъ этотъ рѣшилъ перестроить заново Петропавловскую церковь и построить въ честь Петра Великаго роскошный новый соборъ.

Основаніе новому собору было положено въ 1722 или въ 1723 году ¹⁾, но первоначальную постройку постигла неудача. Доведенная почти до конца церковь рухнула, благодаря неумѣлой постройкѣ малоопытныхъ въ дѣлѣ сложныхъ сооружений каменщиковъ. Неизвѣстно, какого вида и стиля должна была быть Петропавловская церковь по первоначальному плану, но врядъ ли Михляеву и строителямъ церкви рисовался тотъ образъ, который представляетъ изъ себя она теперь.

Неудачи ли первой попытки обойтись своими силами и просьба, обращенная Михляевымъ къ Петру, или же инициатива самого императора играла тутъ роль,—но только Петръ Великій присылаетъ въ Казань для построения собора, по преданію, флорентійскихъ зодчихъ ²⁾. Исторія, къ сожалѣнію, не сохранила намъ имена этихъ зодчихъ, но, судя по тому, что они создали, это были незаурядные мастера. Тѣмъ болѣе интересно было бы узнать имена этихъ мастеровъ, что соборъ Петра и Павла является не подражательной постройкой, не копіей съ какого-либо извѣстнаго образца, а осуществленіемъ совершенно самостоятельнаго проекта, плодомъ собственнаго творчества и фантазіи зодчихъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Петропавловскій соборъ содержитъ въ себѣ два храма: верхній и нижній. Нижній въ началѣ прошлаго вѣка, послѣ постигшаго его пожара, былъ передѣланъ и со своимъ бѣднымъ епіг'нымъ иконостасомъ врывается какимъ-то досаднымъ пятномъ въ стильное цѣлое. Зато верхній храмъ не передѣлывался, а только реставрировался и представляетъ изъ себя удивительный памятникъ барокко, какихъ немного найдется въ Россіи.

Верхній храмъ раздѣляется на двѣ части: церковь и трапезу, отдѣленные другъ отъ друга толстой глухой каменной стѣной съ тремя аркообразными пролетами. Алтарь отдѣленъ отъ церкви такой же каменной стѣной.

Внутренняя отдѣлка чрезвычайно сложна и причудлива. Высокій, ввысь уходящій, свѣтлый куполь весь разукрашенъ богатыми лѣпными украшениями, переплетающимися травами, цвѣтами, персиками, гроздьями

¹⁾ Баженовъ. Исторія Казани.

²⁾ «Россія» подъ ред. П. П. Семенова Тяньшанскаго. «Среднее Поволжье».

виноградныхъ лозъ, являющихся преобладающимъ декоративнымъ мотивомъ собора, какъ бы вѣчно напоминающимъ слова Спасителя: «Азъ есмь лоза, вы же рождіе» ¹⁾). Стѣны храма украшены изображеніями евангельскихъ сюжетовъ и апокалипсическихъ видѣній, написанныхъ на желѣзныхъ листахъ и вдѣланныхъ въ особые каменные медальоны въ стѣнахъ, съ богато изукрашенными тѣми же, что и куполь храма, мотивами. Вокругъ рамъ выются виноградныя вѣтви, груши, сливы. Кое-гдѣ попадаются короны, поставленныя въ память Петра Великаго.

Трапеза отдѣлана значительно бѣднѣе. Внутреннее помѣщеніе алтаря украшено такими же, какъ и вся церковь, каменными гирляндами.

Необыкновенно богатъ по своимъ декоративнымъ мотивамъ шестиярусный алтарь, оканчивающійся рѣзнымъ изображеніемъ облаковъ и иконой Спасителя въ ростъ человѣка въ рѣзной рамѣ, увѣнчанной деревянной короной. Тѣ же рѣзныя виноградныя лозы, цвѣты, «дули», персики повторяются въ позолоченной рѣзбѣ иконостаса. Надъ сквозными, узорчатыми царскими дверьми золотая корона. Надъ боковыми иконами спускаются лампы съ надписями: «1761 году мѣсяца Генваря 1-го дня сия лампада подана отъ казанскаго скуконой фабрики фабриканта Івана Ѳедоровича Дряблова въ соборную церковь святыхъ Первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла». Лампады эти, увѣнчанныя то коронами, то рѣзными ангелами, хорошо гармонируютъ съ общимъ стилемъ храма. Очень интересно и типично «барочное» ланикадило.

Наружныя стѣны Петропавловскаго собора повторяютъ тѣ же декоративные мотивы, что и внутренняя отдѣлка храма. Тѣ же виноградныя лозы и узоры переплетающихся причудливыхъ растений, тѣ же желѣзные листы съ изображеніемъ святыхъ, вставленные въ узоры оббитыя рамы. Оконныя рамы изукрашены колонками, идущими по бокамъ ихъ и покрытыми сплошь каменной рѣзбой. Какъ сами стѣны, такъ и эти колонки расписаны очень пестро красной, зеленой, оранжевой и голубой краской. Основной тонъ собора сѣро-коричневый, преобладающіе цвѣта украшеній — зеленый и оранжевый.

Въ этомъ же стилѣ построена, хотя несравненно бѣднѣе по своимъ декоративнымъ мотивамъ, колокольная собора, постройка которой относится къ тому же времени, какъ и постройка самого храма.

Что особенно цѣнно въ казанскомъ Петропавловскомъ соборѣ и что особенно заставляетъ дорожить имъ, такъ это цѣльность производимаго имъ впечатлѣнія. Здѣсь все гармонируетъ, все направлено къ тому, чтобы создать одно стройное, однотонное цѣлое: лѣстницы, галлерей, водосточныя трубы, пестрая крыша, пестрая ограда съ вырѣзанными изъ желѣза изображеніями святыхъ. Даже часы съ зеле-

¹⁾ Іоаннъ XV, 5.

ными стрѣлками на колокольнѣ не нарушаютъ, а какъ бы даже дополняютъ общее впечатлѣніе какого-то прекраснаго цѣлаго, дивнаго памятника минувшаго, дивной сказки прошлаго, поющей людямъ о быломъ мастерствѣ и красотѣ...

Въ Казани есть еще одинъ очень интересный памятникъ XVIII вѣка, иного уже характера, чѣмъ Петропавловскій соборъ. Это памятникъ русскаго судостроенія XVIII вѣка — галера «Тверь», на которой прибыла въ Казань въ 1767 году императрица Екатерина.

Галера эта интересна не только съ историко-археологической стороны, какъ судно, на которомъ прибыла въ свое время въ Казань Екатерина вторая. Интересъ ея гораздо шире. На этой галерѣ отразился весь художественный вкусъ эпохи, она является цѣннымъ памятникомъ русскаго прикладнаго искусства.

Окрашенная въ свѣтло-зеленый цвѣтъ, богато декорированная золотыми рѣзными фигурами, изображающими Посейдона, наяда, тритоновъ и тому подобныхъ мифологическихъ существъ, она производитъ необыкновенно цѣльное, красивое впечатлѣніе. И, выходя изъ деревяннаго амбара, въ которомъ стоитъ это судно, къ берегу рѣки Казанки, на которой стоятъ современные баржи и пароходы, невольно любуешься прошлымъ, съ болью сознаешь, что уже не поплывутъ по Волгѣ зеленыя, ослѣпительнымъ золотомъ блестящія галеры, не замѣнятъ безконечныхъ вереницъ «торговыхъ каравановъ» и дымящихъ пароходовъ...

VII. Казань XIX вѣка.

«Казань большой, многолюдный, хорошо выстроенный городъ. Гостиный дворъ величиной и множествомъ товаровъ не уступаетъ московскому и петербургскому. Древній замокъ татарскихъ хановъ, разоренный царемъ Иваномъ Васильевичемъ, представляетъ на скалѣ своей отмѣнно живописный видъ»... «Если бы мнѣ должно было для житія выбрать мѣсто внутри Россіи, то я, конечно, всѣмъ предпочелъ бы этотъ городъ».

Эти слова были сказаны въ 1801 году извѣстнымъ драматургомъ графомъ Коцебу 1).

Черезъ сорокъ лѣтъ такъ же восторженно отзывается о Казани другой путешественникъ—Гельмерсенъ:

«Казань, безспорно, принадлежитъ къ наилучшимъ городамъ Россіи.

1) «Каз. Губ. Вѣдомости» 1851 г. № 13.

Прекрасныя зданія въ новомъ вкусѣ, древнія церкви, крѣпость и мечети съ стройными минаретами украшаютъ и разнообразятъ городъ»¹⁾.

Подобные отзывы о Казани составляютъ обычное явленіе и постоянно встрѣчаются въ запискахъ и воспоминаніяхъ лицъ, попадавшихъ въ Казань въ XIX вѣкѣ.

Однако, на ряду съ этимъ встрѣчаются и отзывы совершенно противоположнаго характера, вродѣ отзыва профессора Брауна, рѣзко нападающаго на Казань, возмущающагося ея безконечными площадями, грязными, немоощными улицами. «Только въ крѣпости есть небольшой кусочекъ мостовой,—пишетъ Браунъ, всѣ же остальные улицы не вымощены»... «Никогда ни одинъ городъ не производилъ на меня столь непріятное впечатлѣніе, какъ Казань»... «Все здѣсь, такъ сказать, находится въ мукахъ рожденія»... «Тутъ болѣе одной гидры, у которой надобно отрубить голову, но это сдѣлается еще не скоро; гидры живутъ и пугаютъ во мракѣ, а испорченное дѣло поправить не легко»²⁾.

Лекторъ университета Turnerelli не менѣ жестоко обрушивается на Казань, гдѣ «все дѣйствуетъ безъ всякой цѣли и безъ размышленія»³⁾.

Такіе разнообразные отзывы, такая противорѣчивая оцѣнка Казани разными лицами, бывавшими въ ней въ началѣ и срединѣ прошлаго столѣтія, находятъ себѣ объясненіе въ различной степени знакомства съ городомъ и его жизнью того или иного автора. По своему правы и тѣ, и другіе. При первомъ знакомствѣ, бѣгломъ осмотрѣ Казани, каковымъ и было знакомство съ ней Коцебу и Гельмерсена, городъ дѣйствительно производилъ хорошее впечатлѣніе. Но для лицъ, какъ Турнерелли и Браунъ, долго жившихъ въ ней, хорошо познакоившихся съ ея жизнью и бытомъ, она уже не могла казаться чѣмъ-то въ родѣ земного рая.

Отбрасывая въ сторону то вполнѣ объяснимое раздраженіе и озлобленіе, которымъ такъ и дышатъ записки Брауна и Турнерелли, лицъ, совершенно случайно, по волѣ судебъ, попавшихъ въ чуждый имъ и непонятный для нихъ городъ, приходится все же признать, что въ началѣ и срединѣ XIX вѣка Казань врядъ ли представляла изъ себя что-либо интересное.

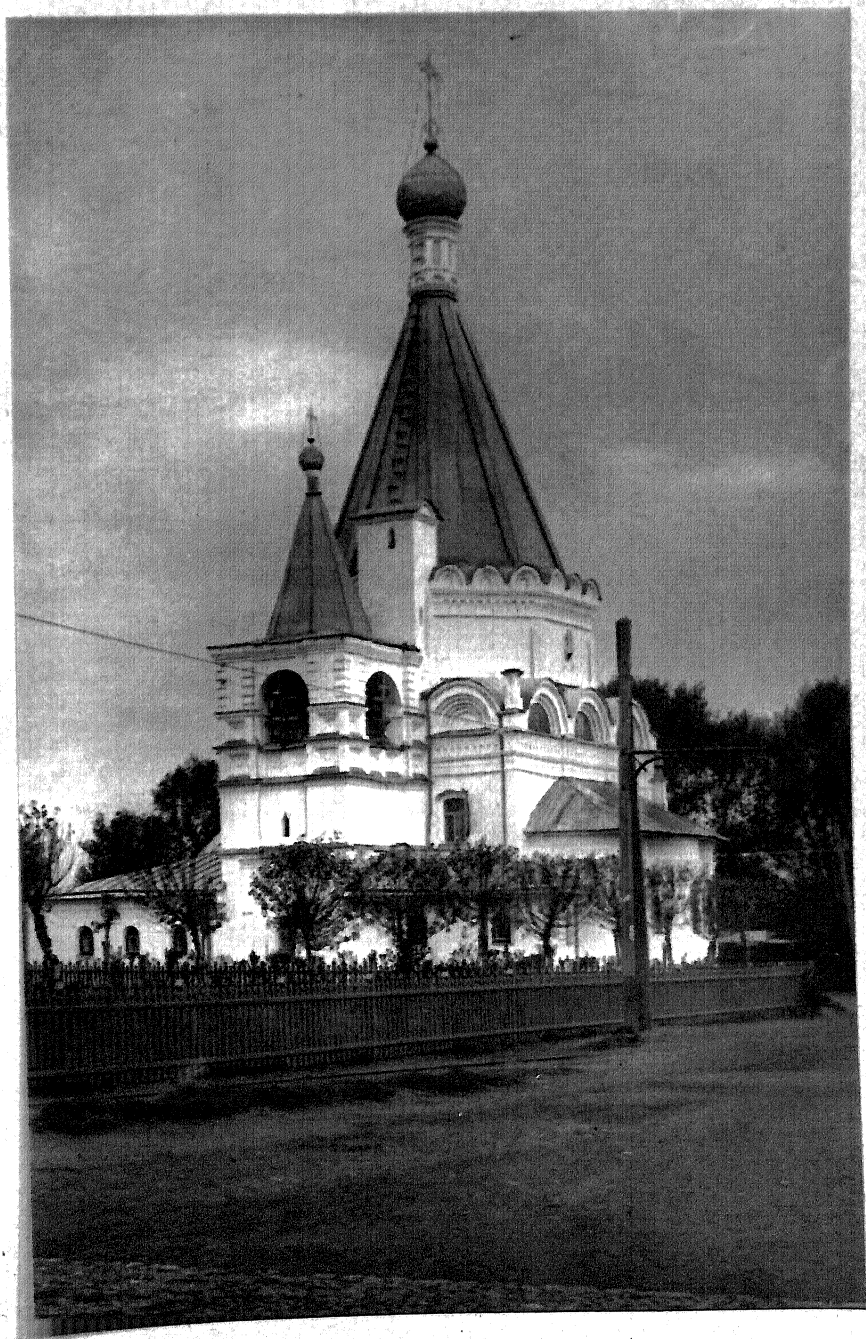
Своей культуры здѣсь не было, чужая же, привозная прививалась очень слабо. Казанское купечество совершенно не обладало культурными запросами. Казанское дворянство въ массѣ тоже обходилось безъ нихъ, а о другихъ слояхъ населенія нечего и говорить.

Съ удивительнымъ равнодушіемъ, доходящимъ порой до скрытой ненависти и враждебности, приняло большинство казанскаго общества

¹⁾ Gr. v. Hel. mersen. Reise nach dem Ural und der Kirgysen-Steppe. СПб. 1841 г.

²⁾ Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета.

³⁾ Turnerelli. Kasan et ses habitants. 1841 г.

Ни́жний Новгоро́дь. Архангелѣ́скій собо́рь. 1624 г.

основаніе университета. Нѣмцы-профессора, вновь появившіеся студенты, все это было такъ чуждо прежнему укладу жизни, казалось такимъ чужимъ и откуда-то навязаннымъ со стороны, что казанцы не могли иначе какъ съ насмѣшкой относиться ко всему, имѣющему какое-либо отношеніе къ новому учрежденію. Балы, карты, вечера и *jours fixes*— вотъ чѣмъ жила Казань въ началѣ прошлаго столѣтія. И единственное что въ новомъ университетѣ привлекало вниманіе казанскаго общества, такъ это торжественные акты, на которыхъ можно было увидѣть своихъ знакомыхъ и весело провести время...

На научныя собранія университета никто не ходилъ и приходилось искусственно привлекать народъ иллюминаціей, музыкой, танцами, угощеніемъ.

«Для здѣшнихъ безмозглыхъ помѣщиковъ танцованіе составляетъ самую существенную основу воспитанія»—заявлялъ директоръ казанской гимназій Яковкинъ. А гр. Потоцкій говорилъ, что казанскіе дворяне «лучше согласятся записывать дѣтей въ службу, оставляя навсегда не-образованными, чѣмъ заставить продолжать науки и усовершенствовать ихъ знанія»¹⁾.

Общество нѣмецкихъ профессоровъ держалось совершенно особенно, составило свой особый міръ, далекій отъ русскихъ.

И только мало-по-малу стѣна эта разрушается и интересы казанскаго университета дѣлаются ближе сердцу казанскаго общества. Профессора усиленно работаютъ на пользу казанскаго края. Особенно выдвигается въ этомъ отношеніи профессоръ К. Ѡ. Фуксъ, группирующий вокругъ себя кружокъ казанскихъ интеллигентовъ и превращающій свой домъ въ «храмъ искусства и науки», какъ отзываются о немъ современники. Появляются въ Казани кружки литераторовъ и наступаетъ увлеченіе литературой.

Въ основѣ своей Казань остается въ XIX вѣкѣ все тѣмъ же мало-культурнымъ и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ смыслѣ, городомъ.

Убогія постройки, грязь, пыль на улицахъ, полное отсутствіе мостовыхъ, самые первобытные пути сообщенія—вотъ чѣмъ характеризуется внѣшность города въ началѣ и срединѣ XIX вѣка.

Мало интересныхъ построекъ и сооружений оставилъ намъ въ Казани XIX вѣкъ. Большинство оставшихся отъ этой эпохи памятниковъ построено въ стилѣ *Empire*, такъ распространившимся въ Россіи въ началѣ прошлаго столѣтія.

Казанскій женскій монастырь обращаетъ вниманіе любопытными памятниками Александровской эпохи. Монастырь этотъ не

¹⁾ Загоскинъ Н. П. Исторія Казанскаго Университета. К. 1904 г.

принадлежить одному времени. Заложенный впервые въ XVI вѣкѣ, онъ вмѣстилъ въ свою ограду постройки XVII, XVIII и XIX вѣковъ. Но не всѣ эти постройки равноцѣнны. Интересъ представляетъ только большой новый соборъ въ честь Богородицы, освященный по однимъ свѣдѣніямъ въ 1804 ¹⁾, а по другимъ въ 1808 году ²⁾.

Соборъ построенъ архитекторомъ Михаиломъ Емельяновымъ по проекту знаменитаго зодчаго Екатерининскаго времени Старова, составленному имъ еще въ 1791 году ³⁾. Соборъ этотъ очень величественъ и красивъ, особенное впечатлѣніе производятъ великолѣпныя наружныя колоннады.

Недалеко отъ Казанскаго монастыря стоитъ одно изъ самыхъ интересныхъ въ Казани въ архитектурномъ смыслѣ зданій—мужская первая гимназія, законченная постройкой въ 1820 году. Имя зодчаго, поставившаго эту постройку, неизвѣстно. Постройка исполнена въ тяжеловатомъ и путанномъ «провинціальномъ классицизмѣ» и кажется немного запоздалой для своего времени.

Во второй четверти прошлаго столѣтія всѣ путешественники отмѣчаютъ архитектурную красоту зданій, принадлежащихъ Императорскому Казанскому Университету. Такъ Гельмерсенъ пишетъ: «Зданія, принадлежащія къ университету прекрасны», а чехъ Михаилъ Котлеръ, говоря о Казани, сообщаетъ, что ея «университетъ фасадомъ очень красивъ и съ архитектурнымъ вкусомъ украшенъ колоннадой» ⁴⁾.

Prosper Thomas считалъ университетъ «самымъ красивымъ зданіемъ города Казани».

По своему плану зданіе университета крайне несложно. Длинный, цѣлый кварталъ занимающій, корпусъ съ двѣнадцатью громадными колоннами въ серединѣ и по шести на каждомъ концѣ зданія. Колонны строгаго іонійскаго стиля, безъ всякихъ украшеній. Все зданіе также лишено какихъ-либо лѣпныхъ украшеній и этимъ соотвѣтствуетъ строгому стилю колоннады.

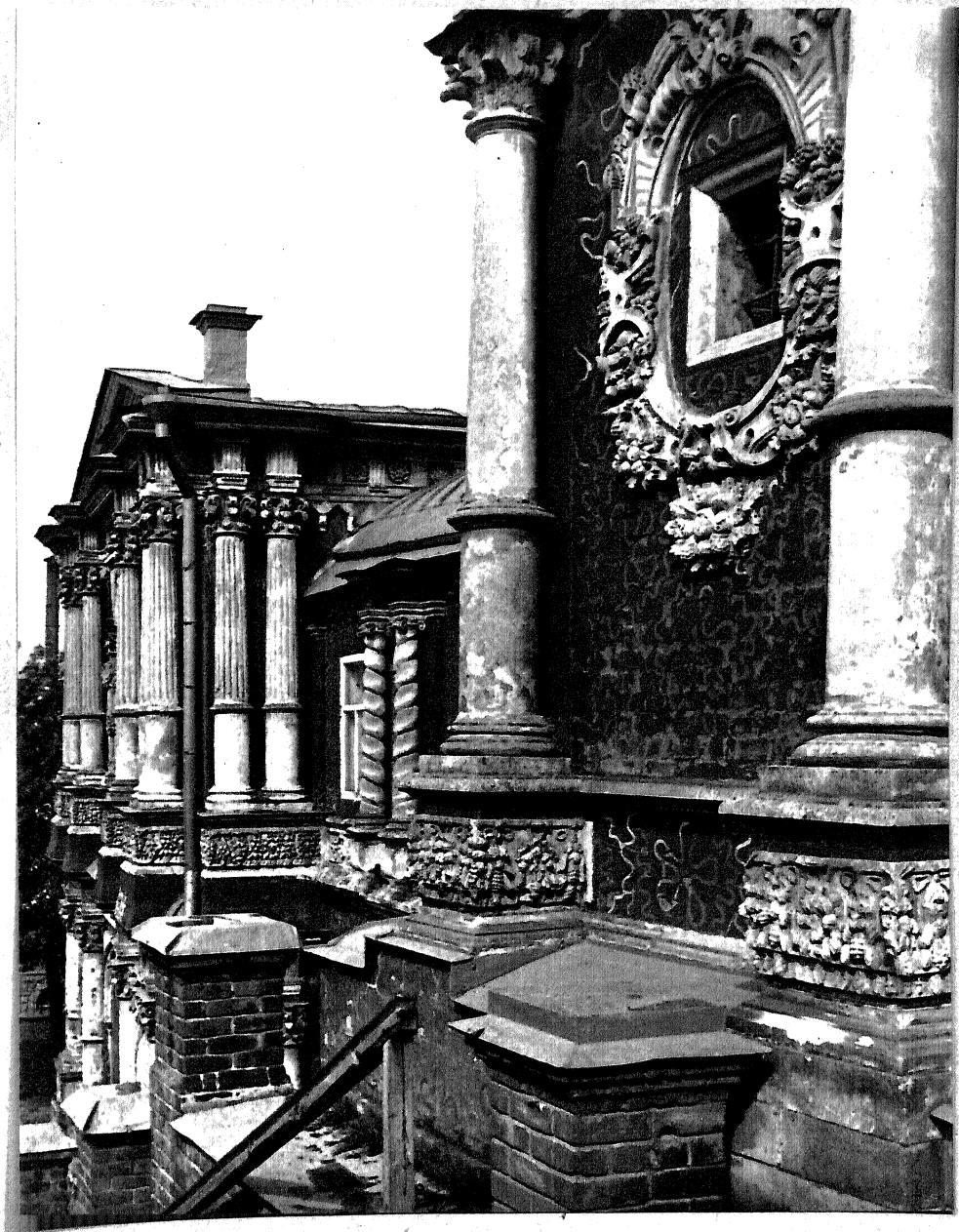
Постройка университета относится къ 1822—1826 годамъ и произведена по проекту академика П. Г. Пятницкаго. Очень интересна освященная въ 1825 году университетская церковь, на рѣдкость хорошо выдержанная въ томъ же строгомъ Емпрі'номъ стилѣ. Очень оригиналенъ крестообразный иконостасъ, устроенный такимъ образомъ въ качествѣ уступки мистическому настроенію эпохи съ нѣкоторымъ нарушеніемъ общаго впечатлѣнія.

¹⁾ Рыбушкинъ. Исторія Казани.

²⁾ Маловъ. Казанскій Богородицкій дѣвичій монастырь.

³⁾ Маловъ. Тамъ же.

⁴⁾ Мих. Котлеръ. Цестовани въ Еврѳпейскомъ Руску и Сибири. 1842 г.

Ни́жний Новго́родъ. „Строга́новская“ церковь Рождества Богородицы;
деталь западной стороны. 1719 г.

Вниманіе ѣдущихъ съ пристани въ городъ невольно останавливается на пирамидообразномъ сооруженіи съ колоннами по бокамъ, стоящемъ въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города на луговой сторонѣ Казанки. Это—памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ при осадѣ Казани въ 1552 году.

Еще самъ завоеватель казанскаго царства Иванъ Васильевичъ Грозный хотѣлъ увѣковѣчить память геройски павшихъ при взятіи Казани воиновъ постройкой надъ ихъ братской могилой Успенскаго монастыря. Но неудобство положенія его, разливы Волги и Казанки, подмывавшіе основаніе храма, заставили перенести его на Зилантову гору.

Казанцы, однако, не удовлетворились постройкой въ честь павшихъ сородичей Зилантова монастыря, и постройка памятника надъ самой братской могилой стала ихъ завѣтной мечтой. Мечтѣ этой суждено было осуществиться въ царствованіе Александра I, ревниво относившагося къ русской старинѣ.

Памятникъ построенъ по проекту архитектора Алферова послѣ личнаго осмотра и утвержденія проекта Государемъ. Первоначально это было сѣрое каменное зданіе съ такими же колоннами и фронтонами съ четырехъ его сторонъ, но въ 1830 году памятникъ былъ весь покрытъ листовымъ желѣзомъ и выкрашенъ сѣрой и бѣлой краской, что въ значительной степени лишило его прежней мистической мрачной красоты.

Внутри весь памятникъ выдержанъ въ Емпірі'номъ же стилѣ. Въ самомъ низу его, подъ церковью, находящейся внутри памятника убиеннымъ, все устроено такъ, чтобы создавалось мистически-торжественное настроеніе. Темные, мрачные своды еле-еле освѣщаются мигающимъ свѣтомъ слабой лампадки; въ серединѣ стоитъ гробъ, доверху наполненный человѣческими черепами и костями; надъ гробомъ большой темный крестъ съ изображеннымъ на немъ распятіемъ. Холодомъ и мракомъ вѣетъ отъ этой грандіозной «братской могилы». Невольно вспоминаются слова народной пѣсни:

«Казань - городъ на костяхъ стоитъ,
Казаночка - рѣчка кровава течетъ,
Мелки ключики — горячи слезы,
По лугамъ, лугамъ — все волосы,
По крутымъ горамъ — все головы.
Молодецкія, все стрѣлецкія...»

Наружный видъ памятника очень своеобразенъ и красивъ. Особенно хорошъ онъ весной, когда все пространство вокругъ него заливается водой и онъ кажется стоящимъ на островѣ. Необыкновенно красивъ его силуэтъ, въ ясный вечеръ вырисовывающійся на фонѣ догорающаго заката...

Казань не богата памятниками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

На разныхъ площадяхъ ея, правда, попадаетъ нѣсколько бронзовыхъ статуй, но всѣ они очень мало интересны и малоцѣнны съ художественной стороны.

Нѣкоторымъ исключеніемъ служить очень хорошо поставленный противъ городского театра, красивымъ силуэтомъ вырисовывающійся на фонѣ неба и деревьевъ Державинскаго сада, памятникъ Г. Р. Державину.

Сооруженный въ 1846 году по проекту академика Тона, онъ украшенъ по бокамъ барельефами работы извѣстнаго скульптора половины XIX вѣка Гальберга, изображающими разные эпизоды изъ жизни поэта.

Бронзовая фигура, по размѣрамъ больше человѣческаго роста, изображаетъ Державина, сидящаго въ древне-римскомъ одѣяніи и опирающагося, какъ подобаетъ поэту, на лиру.

VIII. Мусульманская Казань.

Одинъ путешественникъ, въ 1849 году посѣтившій Казань, пишетъ слѣдующія строки о ея татарской части и татарскомъ населеніи:

«Въ Казани я воображалъ встрѣтить опустѣлую Альгамбру и нашелъ грязную татарскую слободу, жители которой усердно предлагаютъ купить у нихъ шали, платки, аракчины и халаты, запрашивая за товаръ свой въ три-дорога и отдавая за третью часть запрошенной цѣны. Послѣ этого я не искалъ уже слѣдовъ древности Казанской, оставивъ безъ вниманія даже домикъ прекрасной Сумбеки»¹⁾.

Такое же разочарованіе постигаетъ многихъ современныхъ туристовъ и путешественниковъ, попадающихъ въ Казань.

Татарская Казань, Казань эпохи расцвѣта Казанскаго ханства, не только не оставила намъ что-либо подобное «опустѣвшей Альгамбрѣ», но и вообще ничего, могущаго дать понятіе о характерѣ жизни и культуры эпохи. Въ позднѣйшіе вѣка татарская Казань также не дала ничего интереснаго и яркаго. Казанскіе мусульмане не выработали никакой замѣтной собственной культуры.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ шло раскрѣпощеніе татарской націи, приведшее черезъ длинный рядъ лѣтъ отъ полного униженія и гоненія къ полному уравниенію въ правахъ съ русскимъ населеніемъ города. Въ продолженіе этого періода степень культурности татарскаго населенія все повышалась и повышалась.

¹⁾ «Каз. Губ. Вѣд.» 1851 годъ.

Въ сущности процессъ этотъ заключался въ приобщеніи татарской народности къ обще-европейской культурѣ. Своей собственной культуры не создалъ до сихъ поръ татарскій народъ.

Въ Казани около десяти магометанскихъ мечетей. Стройные, высокіе минареты придаютъ оригинальный видъ панорамѣ города, но ни одна изъ этихъ мечетей не является интереснымъ художественно-архитектурнымъ памятникомъ. Всѣ онѣ строятся по одному шаблону, во всѣхъ нихъ много дѣловитости и практичности, но ни въ одной не видно стремленія зодчаго выразить свою идею. Не чувствуется того, что называется творчествомъ. Быть можетъ, отсутствіе образованныхъ зодчихъ, владѣющихъ техникой строительнаго дѣла, играетъ тутъ роль. Быть можетъ, еще не пришло время казанскому татарству проявить свою культурную силу...

Трудно сказать... Можно сказать лишь то, что въ глубинѣ этого непонятнаго и малоизвѣстнаго народа таятся живыя творческія силы. Нужно посмотрѣть только обстановку татарскаго жилища, костюмы татарскихъ женщинъ, нужно послушать татарскія пѣсни и сказки, чтобы понять, сколько чисто-восточнаго романтизма, причудливой фантастики, стремленія къ подлинной красотѣ заложено въ душѣ этого азіатскаго народа.

Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи опубликованныя профессоромъ К. Фуксомъ письма къ нему татарскихъ женщинъ, съ которыми онъ въ шутку, чтобы узнать ближе психологію ихъ, затѣялъ «любобныя интриги»¹⁾. Вотъ одно изъ нихъ:

«Ради Бога, не оставь меня, мой другъ! Вѣрь мнѣ, мой земной богъ, что безъ милосерднаго твоего вниманія я уничтожусь и буду презирать свое существованіе... Съ тѣхъ поръ, какъ я увидала тебя, исчезла тьма и явился свѣтъ! Ты мое солнце, ты райское наслажденіе! Посылаю къ тебѣ жемчуги молитвъ, эссенцію моихъ желаній!..»

...«Ты полюбопытствуешь, какова я? Я утоплена въ морѣ страсти къ тебѣ; я сжарена въ огнѣ любви! Что же и чѣмъ живу я въ сей тлѣнной формѣ? Любовь къ тебѣ истерзала бытіе мое: мое сердце все въ ранахъ! О, ты, красота жизни и свѣтъ очей моихъ! Не знаешь ты, что происходитъ въ сердцѣ моемъ! Это знаетъ одинъ Аллахъ...

«Когда я хочу говорить, то произношу одно твое имя; когда хочу думать о чемъ-нибудь, то на умъ ничего не приходитъ, кромѣ мысли о тебѣ одномъ! Придетъ ли время ѣды, въ горло ничего не идетъ; придетъ ли время сна, очи мои не закрываются; мои мысли ни на одну минуту не могутъ жить безъ тебя! Удивленіе, верхъ удивленія!

«Я говорю самой себѣ: ты не можешь быть любима имъ, прибѣгни

¹⁾ «Каз. Губ. Вѣд.» 1844 г. № 1.

къ разсудку своему, и пожалѣй себя. Гдѣ разсудокъ? Гдѣ терпѣніе? Всѣ они поглощены страстію! Господи! За какіе грѣхи это страданіе? Имѣть чувство, любить страстно, не быть любимой и не имѣть силъ удержатъ стремленіе чувствъ своихъ! О, другъ мой, если бы ты былъ въ состояніи почувствовать часть моихъ страданій, ты навѣрное не могъ бы выносить ихъ тяжести»...

...«Не знаю, что я написала; извини за безсвязіе, мои мысли не въ порядкѣ; онѣ разстроены страстію къ тебѣ. Душа моя, какъ я тебя люблю! Молись Богу обо мнѣ!...»

Надо глубоко чувствовать, надо имѣть слишкомъ много прирожденной поэзіи и чувства красоты въ душѣ, чтобы написать такое письмо. Особенно удивительнымъ дѣлается оно, когда примешь во вниманіе, что это писала женщина-татарка, по условіямъ и складу жизни далеко поставленная отъ всякихъ культурныхъ вліяній!

Въ жизни казанскихъ татаръ удивительнымъ образомъ переплетаются элементы востока съ элементами чисто-русского и европейскаго характера.

За время своего подчиненія Россіи татары заимствовали многое отъ своего побѣдителя.

Правда, и русское населеніе Казани не избѣгло вліянія татаръ, какъ не избѣгла ихъ вліянія и вся Русь въ эпоху татарскаго ига.

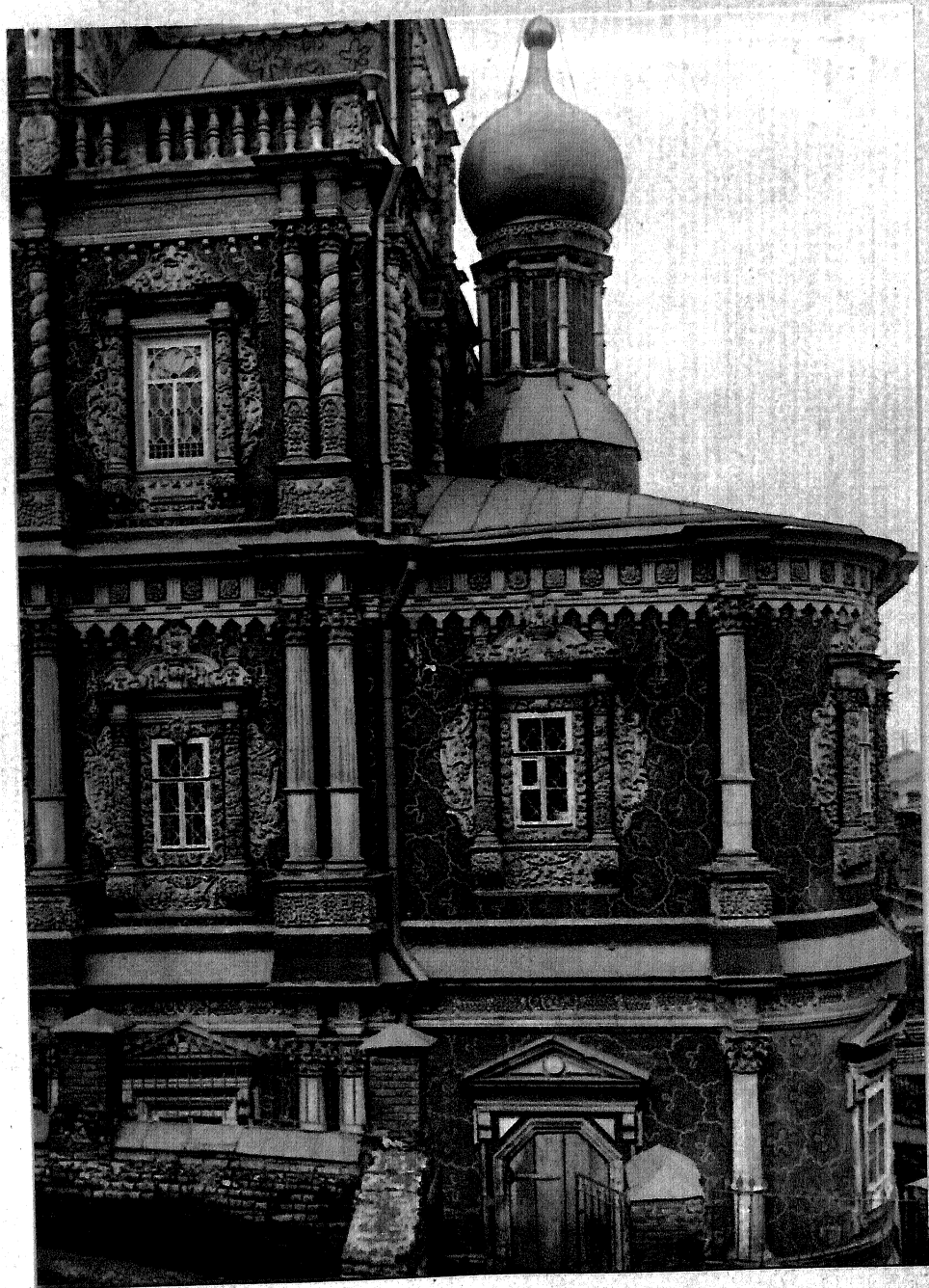
Особенно чувствительно это обоюдное вліяніе въ народныхъ сказаніяхъ и литературѣ. Народныя сказки занимаютъ тутъ первое мѣсто. Тѣ же сюжеты, тѣ же образы, что и въ русскихъ сказкахъ, встрѣчаются въ сказкахъ татаръ. Тотъ же Иванушка-дурачекъ — Несръ-Эддинъ, — юродивый мулла XIV или XV вѣка, читающій на свадьбѣ заупокойную молитву, говорящій человѣку, рѣжущему свинью, то, что обыкновенно говорится при встрѣчѣ съ покойникомъ. Тѣ же образы Бабы-Яги, дѣда Морозко, всѣми гонимой и обижаемой падчерицы — наполняютъ татарскую сказку такъ же, какъ они наполняютъ и русскую ¹⁾).

Въ татарскихъ народныхъ историческихъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ встрѣчаются русскія слова и выраженія.

Многіе путешественники отмѣчали, наряду съ чисто-восточными чертами жизни татаръ въ Казани, ихъ интеллигентность и по-своему образованность. Неграмотный татаринъ гораздо болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ неграмотный русскій. Необходимость элементарнаго образованія въ медресе или, по крайней мѣрѣ, обученія дѣтей грамотѣ давно уже признана казанскимъ мусульманскимъ населеніемъ.

Послѣдніе годы татарскій народъ быстро идетъ по пути приближенія

¹⁾ «Извѣстія Казанскаго Общества Археологіи» 1900 г.

Ни́жний Новго́родъ. Алтарная часть Рождественской
„Строгановской“ церкви. 1710-е годы.

къ европейской культурѣ. Появилось нѣсколько мусульманскихъ газетъ и журналовъ, обнаруживается дробленіе на политическія партіи и группы, появляются татарскіе писатели и композиторы, устраиваются національные спектакли и концерты.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни татарскаго населенія во всей силѣ продолжаютъ существовать черты Востока...

Полное порабощеніе женщинъ идетъ рядомъ съ требованіемъ широкихъ политическихъ правъ для мужчинъ. Чисто-восточный, 11-дневный постъ, предшествующій празднику Курбана, изнуряющій до крайней степени правовѣрныхъ исламистовъ уживается рядомъ съ выступленіями на театральныхъ подмосткахъ... По всему этому видно, что татарская нація переживаетъ какой-то внѣшній кризисъ, ломку старыхъ обычаевъ и традицій, и рожденіе новыхъ жизненныхъ формъ и идеаловъ.

Старое держится за былые завѣты, молодое хочетъ новыхъ формъ и новыхъ достижений.

Дастъ ли что-нибудь значительное татарскій народъ, или приобщится онъ къ общей европейской культурѣ и растворится въ ней, не успѣвъ проявить свою индивидуальность?—на это отвѣтъ можетъ дать только будущее и, повидимому, довольно близкое.

Пока можно только вспомнить слова, сказанныя о Казани Брауномъ еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія:

«Здѣсь все еще, такъ сказать, находится въ мукахъ рожденія».

IX. Современная Казань.

По внѣшнему виду и бытовому укладу современная Казань является типичнымъ волжскимъ городомъ. Лѣтнее оживленіе и торговля достигаютъ здѣсь такихъ размѣровъ, какъ мало гдѣ на Волгѣ.

Безконечные ряды телѣгъ, наполненныхъ разнообразными товарами, съ ранняго утра и до поздняго вечера тянутся по дамбамъ, соединяющихъ пароходныя пристани съ городомъ. Цѣлая верста на пристаняхъ занята пассажирскими и товарными конторками, на которыхъ весь день толпится народъ, складами товара, переполненными настолько, что громадная часть его складывается рядомъ съ амбарами, прямо на землѣ. Безконечное количество трактировъ и чайныхъ, переполненныхъ волжскими грузчиками и безшабашнымъ волжскимъ людомъ.

Что-то невообразимое дѣлается на пристани передъ отваломъ пассажирскаго парохода: суется пассажиры, мелочные торговцы разнаго рода товаровъ, начиная съ съѣстныхъ припасовъ и кончая туфлями; чистильщики сапогъ, газетчики; крикъ и зазыванья торговцевъ хлѣбами, жареной рыбой, «студнемъ», пирогами съ мясомъ и осетриной, окрики

грузчиковъ, хоровое пѣніе «Дубинушка» или «Да еще разикъ! Еще разъ!», шумъ машины и свистъ выпускаемаго пара, пѣнье «Маруси» и тому подобныхъ народныхъ пѣсень, доносящихся то съ кормы, изъ четвертаго класса, то съ пристанской галлерей, гармоника, скрипка—всѣ эти звуки сливаются въ какой-то особенный, гармоничный аккордъ, который вы не слышите нигдѣ въ другомъ мѣстѣ...

Самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ Казани является торговая Проломная улица. Лѣтомъ здѣсь цѣлый день стоитъ шумъ и крикъ. Здѣсь лежитъ путь съ пароходныхъ пристаней и съ Волги къ центру города. Тотъ же непрерывный рядъ телѣгъ, та же суемящаяся толпа. Тѣ же продавцы, газетчики, ловащіе приѣзжихъ и предлагающіе мѣстные газеты, уже давно навязанныя ихъ собратьями по профессіи на пристани, чистильщики сапогъ. Тѣ же нищіе въ большомъ количествѣ...

Жалобнымъ, ноющимъ голосомъ сопровождаютъ васъ «казанскія сироты». Это ободранные люди, съ юнаго возраста уже опредѣлившіе свою профессію, категорически не желающіе работать и никогда въ жизни не работавшіе. Изображая изъ себя «сиротъ», они, чтобы сильнѣе подѣйствовать на нервы прохожихъ, мѣняють голоса, дѣлая ихъ то голосами юродивыхъ, то голосами заикъ, косноязычныхъ, то хрипятъ какимъ-то звѣринымъ хрипомъ.

Уже при первомъ знакомствѣ съ Казанью вы сталкиваетесь съ Азіей. Лица татаръ, чувашъ, черемисовъ бросаются вамъ въ глаза среди пассажировъ третьяго класса и главнымъ образомъ среди пароходныхъ грузчиковъ. Ломанымъ русскимъ языкомъ приглашаютъ васъ къ себѣ сидящіе лѣтомъ въ калошахъ и мѣховыхъ шапкахъ чистильщики сапогъ. Шелковые, фантастическіе, изукрашенные яркими узорами шарфы, восточные сафьяновые сапоги, бархатныя, серебромъ и позолотой отдѣланныя, татарскія туфли привлекають къ себѣ жадные до всякихъ нарядовъ взгляды пассажировъ пароходовъ. Идетъ оживленный торгъ и въ результатъ большинство туристовъ гуляютъ по палубѣ парохода въ восточныхъ шарфахъ...

Въ трамваяхъ вы встрѣчаетесь съ женщинами - мусульманками. Несмотря на тропическую жару, на нихъ навьючены кофточки, изъ-подъ которыхъ виднѣются ярко-пестрыя платья. Ярко разрумяненные круглыя лица съ черными выкрашенными зубами, глубокіе черные глаза... На головѣ и плечахъ набросанъ какой-то полу-халатъ, полу-кофта изъ ярко-зеленой, рѣже лиловато-желтой, шелковистой восточной ткани. Этотъ халатъ служить покрываломъ, закрывающимъ лицо татарской женщины, когда въ трамвай входитъ мусульманинъ-мужчина. Какъ только войдетъ онъ, закрываются лица красавицъ-татарокъ и только изрѣдка мелькающая съ вышитыми бѣлыми цвѣтами бархатная треугольная ша-

Нижній Новгородъ. Успенская церковь въ кремль. 1827 г.

почка на головѣ да черный, «стрѣляющій» во всѣ стороны, глазъ выдаетъ любопытство татарки.

Казань рѣзко раздѣляется до сихъ поръ на двѣ части. Одна часть «европейская», грязная и феноменально пыльная, но все же снабженная трамваемъ и электрическимъ освѣщеніемъ, мало выдаетъ присутствіе въ городѣ большого процента мусульманскаго населенія. Только старьевщики съ ихъ стонущимъ крикомъ: «старьемъ беремъ», татары-фруктовщики, монополизировавшіе въ Казани всю фруктовую торговлю, изрѣдка мелькающія яркими восточными пятнами покрывала татарокъ, говорятъ о немъ.

Зато другую картину представляетъ изъ себя вторая, Забулочная часть города.

Здѣсь нѣтъ ничего русскаго. Деревянные дома, съ подчасъ восточными мотивами своей несложной архитектуры, цѣлые ряды чисто-восточныхъ магазиновъ съ съѣстными припасами, кониной, бараниной, наполненные своеобразнаго фасона обувью сапожныя лавки, пестрыя развѣвующіяся восточныя ткани, своеобразная татарская посуда...

Русскихъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ... Татарскія вѣвѣски смѣнили русскія, вмѣсто «Камско-Волжской Рѣчи» и «Казанскаго Телеграфа» разносчики татары предлагаютъ мусульманскія газеты. Вмѣсто ресторановъ и столовыхъ—татарскія кухмистерскія, вмѣсто электричества—керосинъ, или, въ лучшемъ случаѣ, газъ, вмѣсто православныхъ храмовъ почти въ каждомъ кварталѣ высятся минареты мечетей.

Все устроено здѣсь по-своему...

Только спускаешься съ горы, а кажется, что далеко-далеко переѣхалъ куда-то совсѣмъ въ другое мѣсто. Особые люди, особые экипажи, особая толпа, особая жизнь. Все иное, все свое. Вы можете попасть здѣсь въ такіе углы, гдѣ васъ никоимъ образомъ не поймутъ по-русски, или, если поймутъ, отвѣтятъ такъ, что вы не поймете русскаго языка.

Все это такъ странно, такъ оригинально. Особенно, когда подумаешь, что стоитъ только пройти нѣсколько кварталовъ и подняться на гору, чтобы увидѣть университетъ, православныя церкви, трамвай, электричество и обычную толпу большого русскаго города.

Зимой какъ-то больше чувствуешь и находишь больше чертъ востока въ жизни европейской Казани.

Затиhaетъ суматоха на пристани и всѣ бывшіе грузчики и рабочіе остаются безъ заработка. Казанскіе татары придумали остроумный выходъ изъ этого положенія. Прежніе возчики и грузчики превращаются въ зимнихъ «малаекъ» или «барабусовъ».

Казань, единственный городъ въ Россіи, гдѣ можно встрѣтить этого рода экипажи. Это простыя деревянные сани, «розвальни», или «дровни»,

какъ ихъ называютъ во многихъ русскихъ губерніяхъ. Въ задней части этихъ саней положенъ большой во всю ширь холщевый или рогожный тюфякъ, на которомъ усаживаются пассажиры. За гроши—нѣсколько мелкихъ мѣдяковъ, эти «барабусы» везутъ черезъ весь городъ со одного конца его на другой, являясь опасными конкурентами казанскому трамваю и легковымъ извозчикамъ.

Нѣчто совершенно необычное для русскаго города, отчасти только напоминающее прїѣздъ петербургскихъ «веекъ», происходитъ въ Казани на масляной недѣлѣ, особенно въ послѣдніе масляничные дни. Всѣ «барабусы» украшаются разноцвѣтными бантами и искусственными цвѣтами. Наѣзжаютъ изъ деревень парные экипажи, тройки, увѣшанныя бубенчиками разныхъ тоновъ и тѣми же лентами и лоскутками цвѣтной матеріи. Все это то быстрымъ, то медленнымъ шагомъ, движется по казанскимъ улицамъ, замедляя движеніе другихъ экипажей и пѣшеходовъ... Всѣ экипажи полны катающимся народомъ.

Все казанское населеніе тутъ. Одни въ великолѣпныхъ тройкахъ, укутанные въ дорогія шубы и мѣха, другіе въ болѣе скромныхъ «пароконкахъ», третьи ободранные и испитые на необыкновенныхъ «барабусахъ», запряженныхъ худой, еле живой лошадею, въ гривѣ и хвостѣ которой вплетены тѣ же пестрые лоскутки ситцевыхъ тканей.

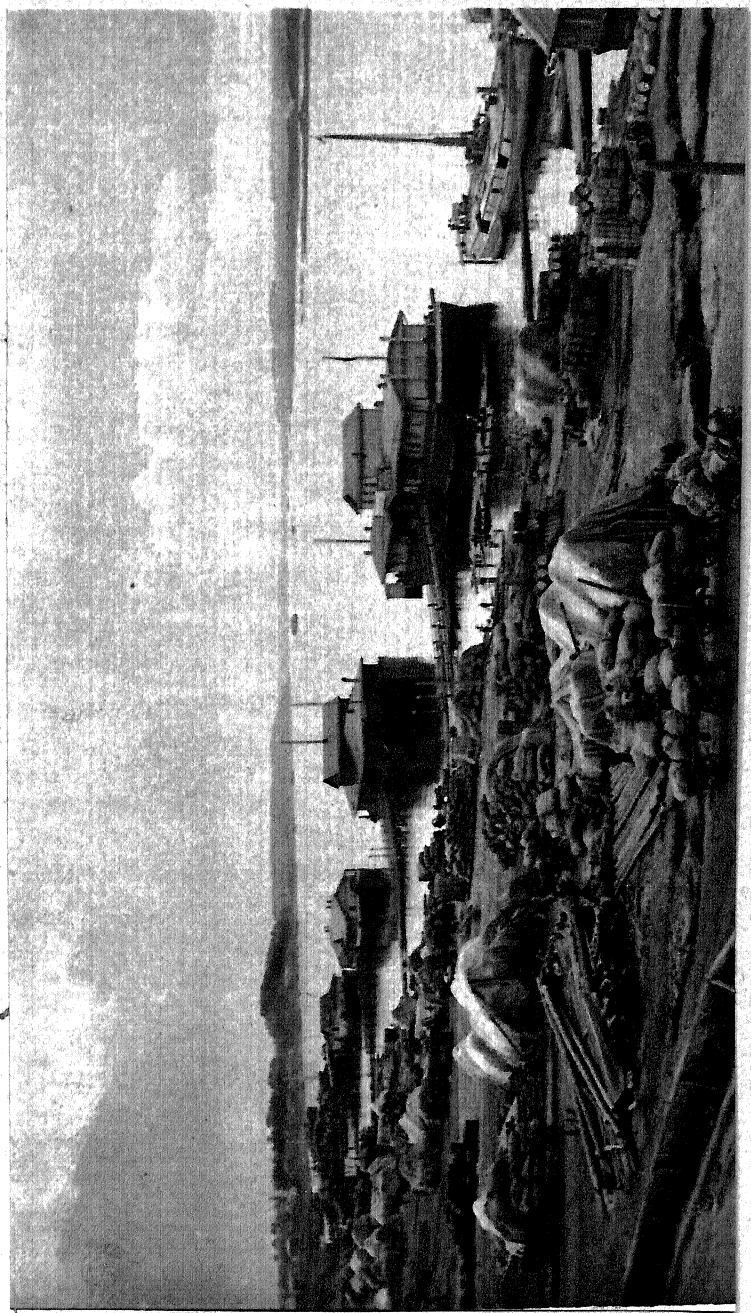
Вся эта масса движется, живетъ, на всѣхъ лицахъ довольное выраженіе, отъ всего вѣетъ чѣмъ-то не рядовымъ, праздничнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то своеобразнымъ и мало похожимъ на русскій праздникъ...

Казанскіе татары многое переняли за нѣсколько вѣковъ отъ русскаго населенія. Отдѣльныя выраженія, слова, сюжеты народныхъ сказаній, общій складъ русской жизни и быта—все это незамѣтно переходило отъ русскихъ къ татарамъ, прививалась въ средѣ мусульманскаго населенія частично или полностью, смѣшивалось съ восточными чертами, господствовавшими въ жизни татарскаго народа.

Но, одновременно съ этимъ процессомъ, наблюдается и процессъ обратнаго порядка — перениманіе русскимъ населеніемъ татарскихъ словъ, сказаній, сюжетовъ народныхъ сказокъ, порой даже жизненнаго уклада.

Цѣлый рядъ государственныхъ и городскихъ учреждений и установленій цѣликомъ перешли въ русскую жизнь при самомъ покореніи Казани. Историческія сказанія, напримѣръ, говорятъ объ особаго рода налогѣ «Епалѣвщинѣ», взимавшемся въ татарской Казани на городскія нужды, и цѣликомъ перешедшемъ въ русскую жизнь, взимавшемся уже русской администраціей въ теченіе XVI и XVII вѣковъ.

Въ нарѣчіи уроженцевъ Казани встрѣчается безконечный рядъ стра-

Кострома. Волжскія пристани.

ныхъ для русскаго уха словъ, въ родѣ «томаша», «ай-да» и др., не встрѣчающихся въ діалектахъ другихъ русскихъ губерній и несомнѣнно перешедшихъ въ разговорный языкъ казанцевъ отъ ихъ непосредственныхъ сосѣдей-татаръ...

Современная Казань не представляетъ никакого интереса съ художественной точки зрѣнія.

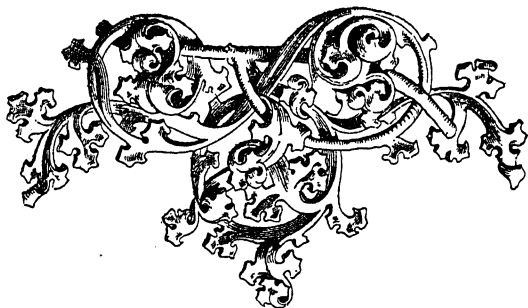
Пыль, цѣлыми клубами несущаяся въ лицо пѣшехода, грязь, вонь, заставляющія забывать, о томъ, что находишься въ университетскомъ городѣ и, наоборотъ, вѣчно напоминающія о Востокѣ, старые, облѣзлые дома, казарменные сооруженія послѣдняго времени—вотъ обликъ современной Казани.

Въ теченіе второй половины XIX вѣка городъ «украсился» цѣлымъ рядомъ новыхъ зданій и новыхъ церквей, то передѣланныхъ изъ старыхъ, то построенныхъ вновь. Всѣ эти постройки какъ бы конкурируютъ другъ съ другомъ въ безвкуси, нелѣпости и отсутствіи какого-либо художественнаго чутія строителей...

Чувствуется, что забыли люди бывшее стремленіе къ красотѣ, не нуждаются въ ней больше, и какъ бы нѣмымъ упрекомъ казанцамъ стоятъ дивные памятники старины, гордо высится Петропавловскій соборъ, старый Кремль и стройная, тонкая игла Сумбекиной башни.

И какъ бы зовутъ къ себѣ эти чудесные памятники, манятъ и дразнятъ уродство современнаго быта.

Услышитъ ли ихъ призывъ Казань? Пойдетъ ли она туда, куда зовутъ ея памятники старины? Броситъ ли казарменное строительство и проникнется ли жаждой создать что-нибудь красивое и мощное, за что съ благодарностью будутъ вспоминать наше время грядущія поколѣнія, которымъ мы оставимъ богатое наслѣдство,—или же и наше время окажется такимъ же бесплоднымъ въ художественномъ отношеніи, какимъ была вторая половина XIX вѣка въ Казани?

Нижній-Новгородъ.

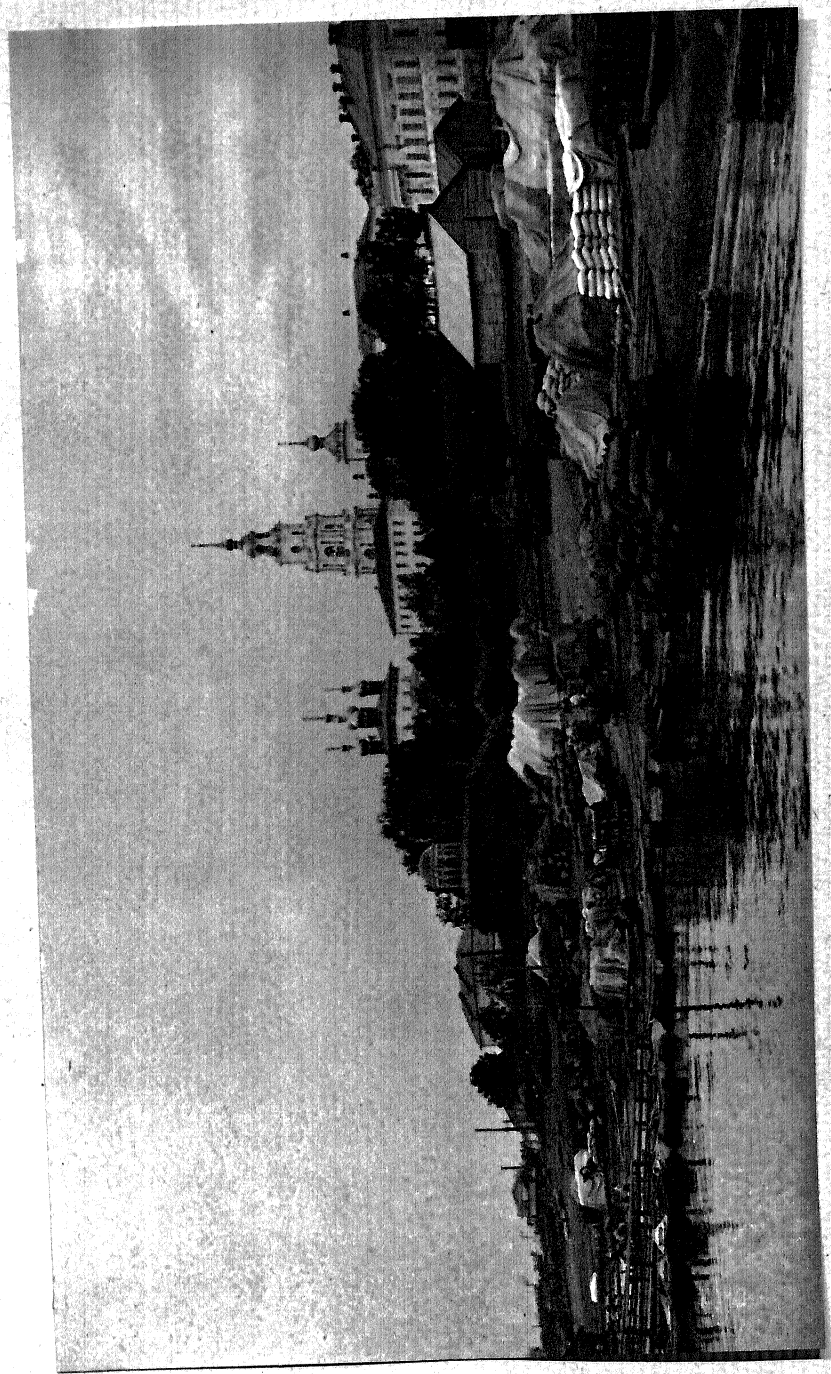
Темная, спокойная гладь воды, зеркальная поверхность широко раскинувшейся Волги, въ которой отражаются, мерцающія и мигающія, тысячи огней. Горитъ весь въ огняхъ городъ—ярко освѣщены пароходы и пристани—шумъ, оживленіе, суетливая толпа... Впечатлѣніе праздничной, ликующей и загадочной жизни—таково первое впечатлѣніе отъ Нижняго, когда вечеромъ подъѣзжаешь къ нему. Сглаживаются въ тишинѣ ночи рѣзкіе крики и шумъ, не вѣрится, что людей собралъ сюда только трудъ...

И только утромъ бойкая жизнь крупнаго поволжскаго города вступаетъ въ свои права, оглушаетъ и захватываетъ. Мелькаютъ въ глазахъ вереницы пристаней, пароходы, всевозможныя суда—безъ счета, безъ конца, то отходящія, то подходящія къ пристани, озабоченная толпа... Носится въ воздухѣ смѣшанный гулъ человѣческихъ сердитыхъ голосовъ, лошадиного ржанія, торопливыхъ пронзительныхъ свистковъ пароходовъ. Точно вся жизнь города сосредоточилась здѣсь, у Волги, на пристаняхъ.

Въ самомъ городѣ тихо и спокойно. Особенно въ Кремлѣ: дремлютъ вѣковыя башни, застывшія въ глубокомъ снѣ, спокойныя и равнодушныя стоятъ старыя церкви, непричастныя къ жизни, шумящей тамъ внизу у подножія горы, не заходящей за высокія стѣны. Въ Кремлѣ тихо, но подъ стѣнами его кипитъ и течетъ безудержнымъ потокомъ жизнь—торопливая и пестрая...

Нижній—узловой пунктъ, мѣсто сліянія двухъ величайшихъ и населеннѣйшихъ рѣкъ, какой-то всероссійскій рынокъ. Раньше онъ былъ не тѣмъ. До XVII вѣка Нижній былъ городомъ-крѣпостью, пограничной твердыней Руси въ ея безконечныхъ войнахъ съ сосѣдями.

Городъ, игравшій въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ роль форпоста, принимавшій на себя первые, направленные на Суздальскую Русь, удары мордвы, татаръ и другихъ враговъ, Нижній-Новгородъ часто терпѣлъ разрушенія, сгоралъ, возникалъ вновь и мало сохранилъ памятниковъ старины. Тѣ же, которые сохранились, не древнѣе второй половины XVII и начала XVIII вѣка. О красотѣ города, бывшаго постоянно ареной борьбы русскихъ съ мордвой и татарами,—думали мало; строили

Кострома. Видъ отъ Волги на центральную часть города.

на-спѣхъ, преимущественно деревянныя постройки, не дорого стоящія и легко возстановляемыя. Каменные церкви были только въ Кремль.

Городъ дѣла, кипучей боевой жизни, Нижній-Новгородъ не создалъ своего стиля, не имѣетъ своего искусства, не имѣетъ своихъ мѣстныхъ художниковъ и не имѣлъ ихъ никогда. Онъ не зачаруетъ путешественника своеобразиемъ и красотой своихъ памятниковъ, его обаяніе въ другомъ. Какъ немногіе русскіе города, онъ хранитъ массу легендъ и преданій о временахъ стародавнихъ, о возникновеніи своемъ, о кровавыхъ бояхъ, объ удалыхъ разбойничьихъ набѣгахъ...

Какъ немногіе русскіе города, Нижній-Новгородъ, сильно измѣнившій свой обликъ, ставшій на первый взглядъ вполне современнымъ, все же волнуетъ и заинтересовываетъ. Не мало страницъ русской исторіи, нашего темнаго и жуткаго средневѣковья, связано съ Нижнимъ, съ «Новымъ городомъ Низовскія земли...»

Въ стародавнія времена на горахъ, гдѣ стоитъ теперь Нижній-Новгородъ, жилъ мордвинъ Скворецъ, другъ и помощникъ побѣжденнаго Ильей Муромцемъ Соловья-разбойника. Отъ восемнадцати женъ родилось у Скворца семьдесятъ сыновей. Они всѣ жили мирно, занимались скотоводствомъ, вмѣстѣ пасли стада на горѣ, а по вечерамъ водили ихъ на водопой на рѣку Оку. Здѣсь, въ тѣсномъ ущельи жилъ волшебникъ Дятель, тоже одинъ изъ друзей Соловья. Однажды Скворецъ обратился къ нему съ просьбой предсказать судьбу его дѣтей. Дятель отвѣчалъ, что если они будутъ жить мирно, поддерживая другъ друга, долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами. Но какъ только возникнутъ въ ихъ потомствѣ ссоры и несогласія, русскіе завладѣютъ ихъ землями, сгонятъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и поставятъ у устья Оки «градъ камень и крѣпокъ зѣло и не одолѣютъ его силы вражескія». Въ заключеніе, въ награду за пророчество Дятель просилъ Скворца о честномъ ему погребеніи. Умеръ старый чародѣй и похоронилъ его Скворецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Благовѣщенскій монастырь, и прозвалось то мѣсто «Дятловыми горами».

Умеръ и Скворецъ, завѣщавшій передъ смертью своимъ дѣтямъ на-вѣки хранить согласіе и единодушіе. Скоро послѣ его смерти пошли несогласія и раздоры въ его потомствѣ, и тогда святой князь Андрей Боголюбскій отогналъ мордву отъ устья Оки, а племянникъ его князь Юрій построилъ Нижній-Новгородъ. Исполнилось предсказаніе Дятла—возникла на Дятловыхъ горахъ твердыня несокрушимая и грозная для враговъ. Такъ говоритъ легенда ¹⁾...

Въ дѣйствительности, конечно, гораздо медленнѣе и постепеннѣе

¹⁾ Храпцевскій. Краткій очеркъ исторіи и описаніе Н.-Новгорода. 1857 г. т. I.

совершалось завоеваніе русскими мордовскихъ владѣній. Шагъ за шагомъ росла и ширилась земля Суздальская, все глубже и глубже вдоль Поволжья распространялись ея владѣнія и подошли вплотную къ владѣніямъ мордвы и болгаръ. Подошли къ тому мѣсту, гдѣ слившіяся Волга и Ока образовали обширную водную равнину, гдѣ среди почти непроходимыхъ лѣсовъ, раскинувшихся по берегамъ Волги, ютились убогіе мордовскіе поселки. Спускаясь внизъ по Волгѣ, князья суздальскіе вездѣ ставили города—оборонительные пункты своихъ границъ.

Въ 1219 году соединившіеся съ мордвой болгары произвели нападеніе на русскія земли. На слѣдующее лѣто братъ великаго князя суздальскаго Юрія—Святославъ прошелъ мордовскими и болгарскими владѣніями до устья Камы, обращая вездѣ непріятелей въ бѣгство. Это былъ первый крупный ударъ, нанесенный русскими болгарскому могуществу. На возвратномъ пути князь Святославъ разгромилъ все побережье Волги и присоединилъ къ Суздальскому княжеству мордовскія земли по берегамъ Оки и Волги. Приблизительно въ это время, т.-е. въ 1221 или 1222 году былъ основанъ Юріемъ Суздальскимъ Нижній-Новгородъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ раньше какой-то другой городъ, болгарскій или укрѣпленное мордовское становище. Есть предположенія, что здѣсь былъ въ древности городокъ, устроенный жившими въ нынѣшней Казанской губерніи болгарами и защищавшій отъ русскаго оружія основанную близъ суздальскихъ владѣній (гдѣ теперь Балахна) ярмарку—сборный пунктъ торговыхъ сношеній болгаръ съ Русью.

Основывая Нижній, или, какъ онъ назывался въ старину, Новгородъ Понизовскія земли, Юрій Суздальскій думалъ не только о хорошо укрѣпленномъ пограничномъ оборонительномъ пунктѣ. Мучимый вѣчной жадной сѣверо-восточныхъ князей сравнить свое молодое великое княжество съ Кіевскимъ—прекрасной мечтой всѣхъ русскихъ князей, онъ хотѣлъ имѣть въ своихъ владѣніяхъ городъ, напоминающій чѣмъ-нибудь одно изъ лучшихъ достояній южныхъ князей—великій Новгородъ. Ему хотѣлось имѣть въ своихъ владѣніяхъ подобіе этого города мощи и красоты, безграничной свободы, города торговаго и богатаго. Свой только-что основанный городъ Юрій Суздальскій называетъ Новгородомъ, заводитъ въ немъ вѣче, возможно и посадниковъ; и посылаетъ туда своихъ родичей князьями...

Выгоды мѣстоположенія, льготы, предоставляемыя княземъ тѣмъ, кто заселялъ Нижній и его окрестности, привлекали къ новому городу людей со всѣхъ концовъ земли русской и скоро онъ окрѣпъ и расширился. Послѣ смерти основателя своего Нижній-Новгородъ дѣлается однимъ изъ удѣльныхъ городовъ Владиміро-Суздальскаго княжества. Судьба его въ продолженіе цѣлаго вѣка не представляетъ ничего за-

мѣчательнаго—это обычная судьба русскаго города, да еще пограничнаго: вражда изъ-за права обладанія имъ князей-родичей, вѣчные набѣги, то отраженные, то губительные какъ смерчъ, окрестной мордвы, вполѣдствіи татаръ, пожары... Враждебными глазами смотрѣла мордва на новый русскій городъ и очень рано начала нападенія на него. А тутъ еще, не осмѣливающіеся обнаруживать открытой вражды, болгары, возбуждали ее. Вскорѣ разрозненные племена полудикихъ обитателей приволжскихъ лѣсовъ соединились подъ предводительствомъ одного изъ князьковъ своихъ—Пургаса, напали на Нижній, сожгли укрѣпленія, церкви и монастырь, бывшій на мѣстѣ теперешняго Благовѣщенскаго. Около двадцати лѣтъ тянулась упорная почти непрерывная борьба и только въ послѣднее десятилѣтіе XIII вѣка мордва была окончательно усмирена.

Въ 1340 году Нижній по ханскому ярлыку достается суздальскому князю Константину Васильевичу. Начинаются самыя яркія страницы его исторіи. Задумавъ основать для себя отдѣльное самостоятельное княжество и перевести въ него изъ Москвы центръ дѣлъ Руси, князь Константинъ останавливаетъ вниманіе на Нижнемъ и дѣлаетъ его своей столицей. Онъ вступилъ въ городъ съ вывезеннымъ изъ Суздаля образомъ Нерукотвореннаго Спаса въ рукахъ и съ страстной враждой противъ Москвы въ сердцѣ. И эту вражду завѣщалъ онъ и своимъ преемникамъ. Съ княженія Константина Нижній дѣлается мѣстомъ пребыванія старшихъ князей суздальскихъ, главнымъ городомъ обширнаго княжества; князья его—соперниками князей московскихъ. Долгое время въ душахъ князей нижегородскихъ жила мысль о первенствѣ ихъ земли, о подчиненіи ей всѣхъ земель русскихъ, а больше всего ненавистной Москвы.

Умный и энергичный правитель, страстно желавшій возвысить свою столицу, великій князь Константинъ умѣлъ привлекать въ свои владѣнія людей со всѣхъ сторонъ земли русской. Отнятыя у покоренной мордвы земли онъ заселялъ русскими, приглашая всѣхъ, кому только было угодно итти. А угодно было многимъ—широко по всей Руси гремѣла о Константинѣ добрая слава, говорили, что въ его княжествѣ можно жить спокойно, найти защиту отъ враговъ. Прежде непроходимыя лѣсныя дебри по берегамъ Волги и Оки стали оживать; застучалъ въ вѣковыхъ лѣсахъ топоръ—рубились бревенчатыя избы, строились маленькія деревянныя уютныя церковки...

Мордва уходила все дальше и дальше въ глубь лѣсовъ, за рѣку Пьяну. Не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный богатырь, росло Нижегородское княжество. Уже въ правленіе Константина оно занимало, весь теперешній Нижегородскій уѣздъ, почти весь Балахинскій, часть Арзамасскаго, почти весь Горбатовскій, часть Княгининскаго, почти

весь Васильскій и Макарьевскій; Шуйскій, Суздальскій и часть Вязниковскаго Владимірской губ. и Юрьевскій Костромской губ.

При сынѣ и преемникѣ Константина Андреѣ значеніе и мощь Нижегородскаго княжества все увеличивается: нижегородскій князь становится однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ, и подъ его защиту прибѣгаютъ всѣ, притѣсняемые Москвой, мелкіе удѣльные князья. Но то были послѣдніе свѣтлые дни въ исторіи Нижняго, столицы самостоятельнаго княжества. Въ недолгое княженіе Андрея рядъ стихійныхъ бѣдствій постигъ городъ. Была моровая язва, засуха, голодъ и самое страшное—таинственное «знаменіе» на небѣ: «облака были овогда кровавы, овогда черны. И мгла стояла три мѣсяца. И людямъ тогда было тягостно и смрадно и рыба въ рѣкахъ мерла». Въ томъ же 1368 году «преставился благовѣрный и христіанлюбивый великій князь Андрей Константиновичъ»¹⁾. И обрушившіяся на нижегородскій край бѣдствія и зловѣщее «знаменіе на небесахъ»—все предвѣщало недоброе... Дѣйствительно, сей-часъ же послѣ смерти Андрея начинаются кровопролитные и губительные для княжества раздоры за право владѣнія Нижнимъ. Борются между собой братья Андрея—Борисъ и Димитрій-Ѧома.

Чувствуя себя слишкомъ слабымъ, Димитрій искалъ покровительства Москвы. Москва приняла его сторону; митрополитъ Алексій послалъ въ Нижній инокъ Сергія Радонежскаго, поручивъ ему увѣщевать Бориса, а въ случаѣ неповиновенія его прибѣгнуть къ страшной для богобоязненныхъ древнихъ русскихъ людей карѣ: закрытію церквей, прекращенію совершенія богослуженій и исполненія требъ. Борисъ не сдавался и только посланнымъ московскимъ княземъ войскамъ удалось изгнать его изъ Нижняго.

Димитрій правилъ недолго и неудачливо: его княженіе ознаменовалось частыми нападеніями на Нижній мордвы, татаръ и новгородскихъ ушкуйниковъ. Не зная куда дѣвать кипучую силу, толпы новгородскихъ удалцевъ не разъ и не два осаждали и грабили крупные поволжскіе города. Часто безъ «новгородскаго слова», выбравъ изъ своей среды атамановъ, гуляли они по Волгѣ, Ветлугѣ, Камѣ и Вяткѣ, грабили своихъ и чужихъ, басурманъ и христіанъ безъ разбора. Порой сражались съ воеводами княжескими, захватывали въ свои руки большіе богатые поволжскіе города, брали съ нихъ выкупъ и отправлялись дальше къ новымъ подвигамъ. Порой же располагались въ захваченномъ городѣ на нѣсколько дней, безчинствовали и надругались надъ жителями. Все награбленное въ домахъ выносили на площадь и что потяжелѣе бросали въ Волгу; остальное брали съ собой... Во время нападенія на Нижній въ 1369 году, ушкуйники разгромили ярмарочные

¹⁾ А. С. Гацисскій. „Нижегородскій лѣтописецъ“.

Кострома. Церковь въ Городищѣ. (Мѣсто старой Костромы).

Фотографія В. И. Дунаева.

балаганы, убили многихъ русскихъ и иноземныхъ купцовъ, напесли большой ущербъ торговымъ сношеніямъ княжества. Едва оправившійся отъ пощщенія новгородскихъ удалцевъ, Нижній подвергается новому нападенію: въ предѣлы его вторгается Темиръ-Булатъ, но его съ помощью князей-братьевъ Димитрій прогоняетъ за рѣку Пьяну. Черезъ десять лѣтъ происходитъ такъ называемое «пьяное сраженіе»—кровопролитная битва нижегородцевъ съ сподручникомъ Мамаю мордовскимъ княземъ Арапшей...

Достигшій глубокой старости въ тщетныхъ попыткахъ овладѣть Нижнимъ, Борисъ Константиновичъ только подъ конецъ жизни добился завѣтной цѣли своей, но не на радость себѣ: въ 1392 году онъ былъ свергнутъ московскимъ княземъ, въ собственномъ дворцѣ закованъ и отвезенъ въ Суздаль въ заточеніе. Въ Нижнемъ посаженъ былъ на мѣстникъ московскихъ князей—князь Всеволождъ.

Потомки великихъ князей нижегородскихъ долго не могли примириться съ совершившимся; вынужденные признать старшинство московскаго великаго князя, они еще борются, отстаивая самостоятельность Нижегородскаго княжества. Эта борьба тянулась особенно долго: самостоятельность Нижняго исчезла не сразу, а постепенно, то совсѣмъ погасая, то вспыхивая съ новой силой, чтобы потомъ мало-по-малу умереть совершенно..

Вскорѣ послѣ кончины Бориса сыновья Димитрія—Василій и Симеонъ, бѣжали въ Орду, въ надеждѣ добиться отъ хана возвращенія утраченныхъ своихъ правъ. Попытка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ: Орда боялась теперь итти противъ желанія всесильнаго московскаго князя. Тогда, въ отчаяніи цѣпляясь за каждое средство, не взвѣсивая даже его пригодности, Симеонъ прибѣгнулъ къ помощи Казани, и въ 1399 году въ сопровожденіи казанскаго царевича Октяка и тысячи татаръ подступилъ къ Нижнему. Татары клялись не дѣлать зла жителямъ, но «симъ сотвориша они леть, роту свою преступиша и взяша октовріа въ 25 день: нижегородцевъ же всѣхъ побиша» ¹⁾. На выручку Нижняго двинулся великій князь московскій, отогналъ Симеона съ татарами и скорѣ послѣ этого отдалъ городъ сыну Василія Ивану съ титуломъ князя, но почти безъ всякой власти,—это была только награда за покорность и смиреніе князя Ивана.

Недолго спустя, въ потомкахъ великихъ князей нижегородскихъ опять просыпается надежда на возрожденіе самостоятельнаго нижегородскаго княжества. Москва, занятая распрями, возникшими между Василиемъ Темнымъ, Шемякой и Василиемъ Косымъ, не могла слѣдить за тѣмъ,

¹⁾ А. С. Гацисскій. „Нижегородскій лѣтописецъ“.

что дѣлалось въ удѣлахъ. Этимъ воспользовались и, почти одновременно съ водвореніемъ Шемяки на московскомъ престолѣ, нижегородское великое княженіе снова восстанавливается, но не надолго. Съ возвращеніемъ въ Москву Василя Темнаго Нижній опять утрачиваетъ свою независимость и на этотъ разъ навсегда. Былъ, правда, еще въ царствованіе Іоанна III нижегородскій князь съ титуломъ «великаго», но безъ всякой власти—Василій по прозванію Гребенка-Шуйскій, получившій Нижній въ удѣлъ изъ рукъ великаго князя московскаго. Онъ враждовалъ даже съ Москвой, два раза сражался съ нею во главѣ нижегородскихъ войскъ, но то была борьба не двухъ равныхъ, то вассалъ возмущался противъ своего господина...

Отошли дни самостоятельности и величія Нижняго-Новгорода. Покоренный властной Москвой, онъ обращается ею въ сторожевую твердыню, въ пунктъ, гдѣ стягиваются идущіе по Волгѣ войска. Во время начавшейся борьбы съ Казанью Нижній становится мѣстомъ сбора русскихъ войскъ: то и дѣло видитъ онъ въ своихъ стѣнахъ великокняжескія дружины; сюда стекаются воины со всѣхъ концовъ русскаго государства, въ самомъ городѣ учреждается постоянная «крѣпкая засада». На Нижнемъ отражаются сильно всѣ неудачи русскихъ, потому что татары свои набѣги направляютъ прежде всего на предѣлы бывшаго нижегородскаго княжества.

Лишенный теперь своихъ узкихъ мѣстныхъ интересовъ, Нижній живетъ интересами всей Россіи и побѣда Іоанна Грознаго надъ Казанью торжествуется въ Нижнемъ, совершенно забывшемъ бывшія ссоры съ Москвой. Тотъ же колоколь Спасо-Преображенской колокольни, который сто лѣтъ тому назадъ возвѣстилъ о паденіи Нижегородскаго княжества и побѣдѣ Москвы, гудѣлъ, созывая народъ на площадь и возвѣщая о новой побѣдѣ. Съ ранняго утра толпа усыяла откосы Дятловыхъ горъ, жадно смотрѣла на Волгу, ждала, когда покажутся царскія ладьи...

Была усмирена мордва, покорилась грозная Казань, наступилъ миръ на Поволжьѣ, и Нижній-Новгородъ въ половинѣ XVI столѣтія на цѣлые полвѣка сходитъ съ арены исторической жизни. Тревожный семнадцатый вѣкъ—смутное время, разбой и грабежи въ Поволжьѣ, расколъ опять пробудили Нижегородскій край, взволновали его, заставили жить напряженно и ярко, чутко отзываться на всякое событіе. Лучшія страницы въ исторіи Нижняго-Новгорода, моменты наивысшаго героическаго подъема, навсегда оставшіяся въ памяти потомства, тѣсно связаны съ кровавой эпохой Смутнаго времени. Когда кругомъ все безъ сопротивленія передавалось на сторону самозванца, Нижній не присягнувъ ему, не поддался на уговоры его приверженцевъ. Сосѣди балахинцы задумали силой заставить нижегородцевъ покориться и пришли

В. И. Демуть-Малиновскій. (1779-1846 г.)
Памятникъ Сусанину въ Костромѣ. 1843 г.

Фотографія Б. И. Дунаева.

туда съ сторонниками «тушинскаго вора». Тогда по приговору горожанъ воевода нижегородскій Алябьевъ ударилъ на балахинцевъ, прогналъ ихъ отъ города и въ нѣсколькихъ верстахъ ютъ Балахны разбилъ на-голову ихъ и тушинцевъ.

Вникая въ граматы о гибели Троице-Сергіевой Лавры, осаждаемой въ то время поляками, нижегородцы рѣшили вступить въ государственныя дѣла. Послѣ совѣщанія у воеводы старшихъ людей и духовенства, земскій староста Мининъ произнесъ вдохновенную рѣчь, призывая народъ къ пожертвованію всѣмъ для спасенія Москвы, а съ ней и Россіи.

Козьма Мининъ—характерный для Нижняго герой: онъ не воинъ, не ратный человѣкъ—онъ торговецъ, человѣкъ будней и маленькаго дѣла, но мощный душой, съ горячей любовью къ родному городу и къ родной странѣ. Типичная фигура для Нижняго-Новгорода, этого города торговаго и не воинственнаго, знающаго только оборонительныя войны, но не дающаго никогда себя въ обиду, главнаго города края, полного кипучихъ, но скрытыхъ силъ. Непреклонныхъ и сильныхъ людей вырабатывалъ этотъ край, людей съ мощной и внѣшне-спокойной, какъ мощна и спокойна гладь Волги, волей...

Отслуживъ въ 1613 году послѣднюю службу русской землѣ, Нижний утратилъ съ тѣхъ поръ всякое значеніе въ общегосударственной жизни, но не узналъ покоя и застылости. Главнымъ полемъ дѣйствія крупныхъ бунтовъ, вродѣ разинскаго, было Поволжье и волненія около Нижняго не прекращались въ теченіе почти всего XVII вѣка. Лѣса Заволжья, особенно Нижегородскій край, были прибіжищемъ для раскольниковъ, для всѣхъ, кому невыносимымъ дѣлался существующій порядокъ вещей. Въ густыхъ лѣсныхъ заросляхъ вырастали, огражденные отъ преслѣдованія пространствомъ и чащами, скиты; были тамъ свои мученики-старцы, свои святые и богомолицы—скитскія матери. Въ окрестностяхъ Нижняго, на сотни верстъ кругомъ, шла своя, особая, очень интенсивная и яркая жизнь; появлялись свои мѣстные герои и подвижники. Здѣсь выковывались тѣ изумительные характеры религіозныхъ фанатиковъ, тѣ распаленныя «Христа ради» души, которыми потрясаетъ исторія русскаго раскола. Изъ нижегородской земли былъ родомъ глава и мученикъ раскола Аввакумъ Петровичъ, непреклонный и фанатичный въ отстаиваніи своей правды, не знающій снисхожденія и пощады къ тому, что ему казалось грѣховнымъ. Въ бытность его священникомъ въ селѣ Лопатицахъ съ нимъ случилась такая, очень характерная для него, исторія: пришли къ нему въ село «скоморохи съ медвѣдями, и съ бубнами, и съ домрами», Аввакумъ, какъ самъ рассказываетъ, «по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ, а хари и бубны изломалъ,

одинъ на многихъ напаль и медвѣдей двухъ великихъ отнять—одного ушибъ, но паки ожилъ, а другого пустилъ въ поле»¹⁾. Такимъ былъ Аввакумъ и въ болѣе крупномъ: готовъ былъ «одинъ на многихъ нападать», лишь бы отстоять свою правду...

Восемнадцатый вѣкъ въ жизни Нижняго не ознаменовался ничѣмъ яркимъ: жизнь шла своимъ чередомъ, мирная и неторопливая... Потомъ, въ 70-хъ годахъ вспыхнулъ и разразился пугачевскій бунтъ: волненіе около Нижняго росло, несмотря на рѣшительныя мѣры, принятыя нижегородскими властями, мѣры вполне въ духъ времени. Напримѣръ, трое мятежниковъ, возбуждавшихъ къ возстанію Березополье, были пойманы и приведены къ воеводѣ, который велѣлъ повѣсить ихъ на висѣлицахъ, устроенныхъ на плотяхъ и пустить по теченію Волги, мимо бунтующихъ сель...

Конецъ восемнадцатаго вѣка и первое десятилѣтіе девятнадцатаго—годы затишья въ Нижнемъ. Въ эти годы онъ являетъ собой зрѣлище обычное для провинціального русскаго города той поры: грязь, запустѣніе, отсутствіе не только красивыхъ, но даже удобныхъ и благоустроенныхъ зданій. Какъ мѣтко выразилась о Нижнемъ въ письмѣ къ Панину Екатерина II: «сей городъ ситуаціей прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ: все либо на боку лежитъ, либо близко того. Чебоксаръ во всемъ для меня лучше Нижняго-Новгорода...»

Съ 1817 года Нижній оживаетъ, обстраивается, приобретаетъ снова крупное значеніе въ обще-русской жизни, но значеніе совсѣмъ иного характера, чѣмъ прежде. Съ переводомъ ярмарки изъ Макарьевскаго монастыря въ подгородную слободу Кунавино, въ то мѣсто, гдѣ когда-то, еще задолго до возникновенія въ XVI вѣкѣ макарьевскаго торговаго пункта, была ярмарка, онъ дѣлается крупнѣйшимъ торговымъ пунктомъ для всей Россіи и центромъ волжскаго судоходства.

Въ царствованіе Николая I усиленно заботятся о приведеніи города въ благоустроенный видъ: реставрируютъ старинныя зданія—кремлевскія башни и древнія церкви, и строятъ много новыхъ. Къ сожалѣнію, на всемъ, сдѣланномъ въ это время, лежитъ печать безвкусицы и безличія. Типиченъ въ этомъ смыслѣ Спасо-Преображенскій соборъ—грандіозный и пышный, но бездушный и невыразительный.

Отъ древняго Нижняго-Новгорода осталось очень мало. Ничто не напоминаетъ въ немъ о былой столицѣ великаго княжества, кромѣ полуразрушеннаго Кремля, начатаго еще въ 1365 году при второмъ великомъ князѣ Нижегородскомъ—Андрѣѣ Константиновичѣ. Но онъ

¹⁾ П. Мельниковъ. „Аввакумъ Петровичъ“.

успѣлъ только повелѣть «рвы копати, гдѣ быть каменной городской стѣнѣ и башнямъ». Его преемникъ Димитрій успѣлъ только построить одну башню — Дмитровскую, какъ она называется до сихъ поръ. Внезапное нападеніе приостановило работы на долгій срокъ. Много времени прошло; пала самостоятельность Нижегородскаго княжества—оно стало однимъ изъ владѣній Москвы, пока вновь не приступили къ постройкамъ уже по почину великаго князя московскаго Іоанна III, который дорожилъ Нижнимъ, какъ оплотомъ отъ татаръ и мордвы. Однакожь ему не суждено было обвести Нижній крѣпкой каменной стѣной; что-то помѣшало постройкѣ и работы остановились: успѣли вывести только одну башню—Ивановскую или Тверскую. Докончена была постройка Кремля только при Василіи III подъ руководствомъ иностранныхъ мастеровъ Пьетро Франческо (Петръ Фрязинъ, какъ его называли въ Россіи) и Займотане къ 1511 году. А черезъ годъ во время большаго пожара сгорѣли укрѣпленныя на валахъ деревянныя стѣны съ башнями и забрами, окружавшія городъ до возведенія каменнаго Кремля.

Расположеніе нижегородскаго Кремля на рѣдкость красиво; онъ раскинулся на крутомъ склонѣ горы, какъ разъ противъ слиянія Оки съ Волгой: южная часть его находится на вершинѣ горы, сѣверная тянется вдоль берега Волги, восточная и западная гигантской каменной лѣстницей спускаются внизъ по уступамъ горы. Съ закладкой Кремля связана поэтичная и жуткая легенда: по древне-русскому повѣрью подъ городскія стѣны непременно должно было быть зарыто какое-нибудь живое существо. Только живая теплая кровь спаяетъ стѣны крѣпче всякихъ цементовъ, сдѣлаетъ ихъ неприступными для вражьихъ орудій.

Рано утромъ, когда было приступлено къ закладкѣ стѣнъ, мимо прошла молодая женщина съ коромысломъ на плечѣ, направлявшаяся за водой на рѣчку Почайну. Она была первымъ живымъ существомъ, прошедшимъ мимо и должна была быть принесена въ жертву: ее убили и закопали вмѣстѣ съ ведрами и коромысломъ и надъ рвомъ, гдѣ она была зарыта, воздвигли башню и прозвали ее Коромысловой. Съ той же башней связана и еще одна легенда, болѣе героическаго характера и приуроченная къ болѣе позднему времени¹⁾. Въ 1520 году, когда только что соорудили кремлевскія стѣны, подошли къ Нижнему казанскіе царевичи Сейтъ, Булатъ да Кочелей, надѣлавшіе много зла на Руси и погубившіе много народа. Около Нижняго они постояли три дня и вдругъ ушли (объ этомъ фактѣ упоминается и въ лѣтописяхъ), не причинивши никому никакого вреда. Что было на самомъ дѣлѣ,—не сумѣли ли они взять стѣнъ или встрѣтили сильный отпоръ, трудно

1) П. И. Мельниковъ. Дорожныя записки на пути изъ Тамб. губ. въ Сибирь.

сказать, но народное преданіе объясняетъ это такъ: когда подошли къ Нижнему царевичи татарскіе, всѣ жители заперлись въ Кремлѣ, надѣясь на крѣпость стѣнъ и боясь выйти за ворота. Въ это время одна красивая дѣвушка вздумала пойти на Почайну за водой—ей не нравилось пить колодезную. Взяла она коромысло съ ведрами, а въ коромыслѣ было не много, не мало два пуда, и вышла за городъ. Только вышла, татары на нее кинулись. Должно быть, хотѣли взять въ плѣнъ. Но дѣвушка не оробѣла: поставила ведра на землю, помолилась на святыхъ церкви нижегородскія и ударила перваго подошедшаго къ ней татарина по головѣ. Сколько ихъ ни подходило—она все бьетъ и бьетъ, цѣлыми сотнями бьетъ, а татаръ все много остается. Наконецъ, они одолѣли дѣвушку: изрубили ее въ куски и зарыли у башни, вмѣстѣ съ коромысломъ, а сами подумали-подумали, да и рѣшили скорѣе уйти. Рѣшили, что если у нижегородцевъ женщины такъ сильны, то что же будетъ, если ратные люди на нихъ выйдутъ. Съ тѣхъ поръ башню и прозвали Коромысловой...

Трудно представить себѣ теперь первоначальный видъ Кремля: такъ часто подвергался онъ перестройкамъ и реставраціямъ. Особенно сильно измѣнили его двѣ послѣднихъ: въ 1788—90 годахъ, когда были разобраны двѣ башни и цитадели, сняты почти наполовину зубцы стѣнъ, и въ 1835—41 г., во время которой задѣланы были старыя ворота въ башняхъ и устроены новыя—въ другихъ башняхъ и въ стѣнахъ между ними. Въ настоящее время самая старая изъ башенъ Дмитровская совершенно измѣнена: во второй половинѣ XIX вѣка она перестроена по проекту архитектора-академика Султанова и приспособлена для помѣщенія въ ней художественнаго музея. Но несмотря на всѣ перестройки, исказившія первоначальную замыселъ строителя, кремлевскія стѣны и башни плѣняютъ своей величавостью. Въ нихъ нѣтъ сказочной красоты московскаго Кремля, рѣдкой прелести его высокихъ, стройно поднятыхъ къ небу башенъ, все строго, просто, приземисто и крѣпко. Немного разлатыя широкія башни, спускающіяся лѣстницей къ Волгѣ стѣны, плотная стѣна вдоль самой Волги—все это такъ гармонируетъ съ исторіей Нижняго, города-крѣпости, сторожевого пункта по преимуществу, не знавшаго затѣйливой роскоши царственной Москвы...

Въ Кремлѣ двѣ древнѣйшихъ по времени построенія церкви Нижняго-Новгорода: Спасо-Преображенскій кафедральный соборъ и соборъ Архангела-Михаила. Преображенскій соборъ былъ впервые построенъ великимъ княземъ Юріемъ II Всеволодовичемъ при основаніи города, затѣмъ перестроенъ въ 1350 году княземъ Константиномъ Васильевичемъ. Въ такомъ видѣ онъ стоялъ почти 300 лѣтъ и дошелъ до такого состоянія, что въ 1632 году былъ разобранъ за вет-

Кострома. Троицкій соборъ Ипатьевского монастыря. 1650-1652 г.

Фотографія Б. И. Дунаева.

хостью, а на его мѣсто по велѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, на счетъ «государевой казны» зодчіе Лаврентій Возоулинъ и сынъ сго Антипа выстроили новый соборъ, похожіе архитектурой на московскій Успенскій. Выстроенный на средства и по повелѣнію царя, Преображенскій соборъ отличался красотой и великолѣпіемъ; на примѣръ, паперть снаружи была отдѣлана сотней изразцовъ, изображавшихъ разныхъ фантастическихъ птицъ въ арабескахъ. Въ 1829 году старое зданіе собора было замѣнено теперешнимъ, выстроеннымъ по проекту архитектора Ефимова. Это большое пятикупольное зданіе безъ опредѣленнаго стиля, слабая поддѣлка подъ древне-московское зодчество, ничѣмъ не останавливающая вниманія. Внутри все свѣтлое, украшенное живописью, богатое, но не волнующее и не глубокое. Въ Преображенскомъ соборѣ интересны нѣсколько древнихъ предметовъ, перенесенныхъ въ него изъ стараго храма временъ Михаила Ѳеодоровича: рѣзной позолоченный иконостасъ, нѣсколько старинныхъ иконъ, архіерейское мѣсто (за правымъ клиросомъ) и образъ Нерукотвореннаго Спаса, съ которымъ по преданію пришелъ изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ великій князь Константинъ Васильевичъ.

Спасо-Преображенскій соборъ съ древнѣйшихъ временъ былъ усыпальницей великихъ князей нижегородскихъ и тамъ же похороненъ герой 1613 года Мининъ. На средства ярмарочнаго купечества надъ могилой его сдѣланъ въ XIX вѣкѣ склепъ по проекту Дала, а надъ спускомъ къ гробницѣ устроенъ шатеръ на подобіе часовни; подъ шатромъ виситъ списокъ со знамени князя Пожарскаго и знамени нижегородскихъ ополченій 1812 и 1855 годовъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Преображенскаго собора находится оригинальнаго типа небольшой храмъ, самый древній изъ сохранившихся въ Нижнемъ—соборъ Архангела Михаила. Впервые построенъ онъ въ 1222 году, въ годъ основанія Нижняго, потомъ въ 1227 г. замѣненъ каменнымъ. Заботившійся много объ украшеніи своей столицы, князь Константинъ Васильевичъ обновилъ и Архангельскій соборъ, укрѣпилъ и украсилъ его. Въ 1620 году сильно обветшавшій храмъ былъ реставрированъ, при чемъ старинные своды были разобраны и верхъ сдѣланъ высокимъ шатромъ. Покрытіе храмовъ шатромъ—любимый пріемъ русскихъ зодчихъ XVI вѣка, перенесенный ими изъ деревяннаго зодчества, гдѣ шатеръ былъ часто необходимостью. Рядомъ съ соборомъ невысокая открытая, тоже крытая шатромъ, колокольня-звонница, а между колокольней и церковью четырехугольная сторожевая башня, ходъ въ которую сдѣланъ въ стѣнахъ церкви. Рядомъ съ Спасо-Преображенскимъ Михаило-Архангельскій соборъ кажется маленькимъ и очень скромнымъ, и съ трудомъ вѣрится, что эта уютная церковка

была когда-то великокняжеской придворной церковью, слѣдовательно, одной изъ наиболѣе богатыхъ церквей Нижняго.

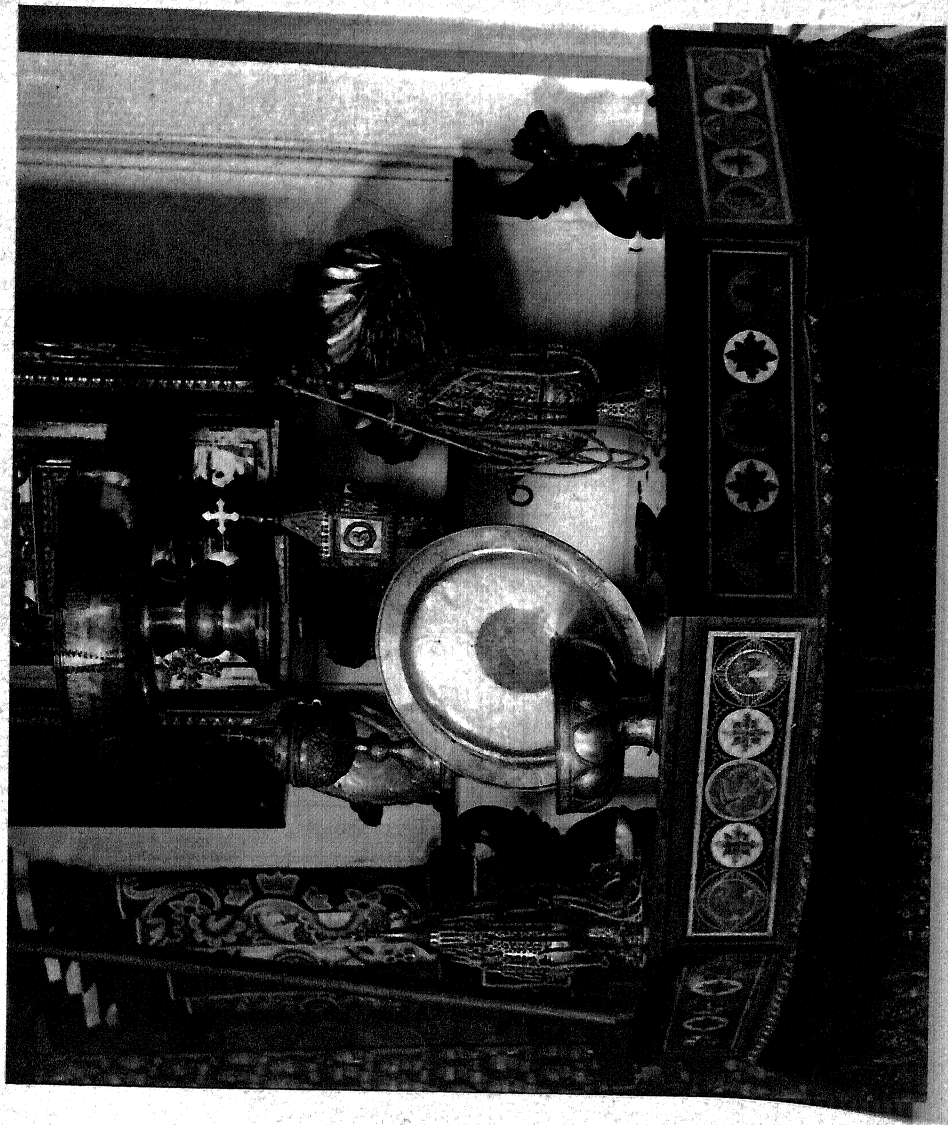
Въ нижегородскомъ Кремлѣ есть два памятника начала XIX вѣка— Успенская церковь и обелискъ въ честь Минина и кн. Пожарскаго. Успенская церковь въ грузныхъ дорическихъ формахъ закончена постройкой въ 1827 году. Ее соорудила нижегородская помѣщица Марія Александровна Мертваго.

Въ началѣ XIX вѣка родилась мысль объ увѣковѣченіи памятникомъ подвига Минина и Пожарскаго въ виду приближавшагося его двухсотлѣтія. Знаменитому скульптору Мартосу былъ заказанъ памятникъ, но поставили его уже не въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ Москвѣ на Красной площади. Въ Нижнемъ же, въ Мининскомъ саду соорудили въ 1826 году высокій обелискъ съ бронзовымъ барельефомъ...

Городъ торговый по преимуществу, Нижній усердно украшался богатыми купцами. До сихъ поръ сохранилось нѣсколько церквей XVII и начала XVIII вѣка, построенныхъ на средства богомольныхъ нижегородскихъ гостей. Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ храмосозидателей былъ Семень Задоринъ, крупнѣйшій пермскій солепромышленникъ, съ именемъ котораго связано въ Нижнемъ построение нѣсколькихъ церквей. Между прочимъ сгорѣвшая въ 1715 году и обновленная Строгановымъ церковь Рождества Богородицы на Нижнемъ базарѣ была первоначально построена имъ.

Большая часть древнихъ нижегородскихъ церквей искажена позднѣйшими реставраціями и пристройками, сдѣланными безъ всякой заботы о сохраненіи ихъ первоначальныхъ формъ. Часто хочется, смотря на нихъ, забыть о цѣломъ и любоваться только частями—художественными остатками прошлаго. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ интересенъ древній, украшающій наружныя стѣны, поясъ изъ зеленыхъ росписныхъ кафелей; въ Георгіевской церкви—старинный иконостасъ; Знаменская или Женъ Мироносицъ—общимъ видомъ, сохранившимъ болѣе или менѣе обликъ храма XVII вѣка.

Церковь Женъ Мироносицъ интересна еще и тѣмъ, что по преданію недалеко отъ мѣста, гдѣ она находится, былъ домъ, гдѣ родился и выросъ одинъ изъ крупныхъ нижегородскихъ людей—святѣйшій Макарій Желтоводскій, одинъ изъ тѣхъ, кто безъ кровопролитія и шума водворялъ христіанскую культуру на дѣвственной почвѣ лѣвобережнаго Поволжья. Тяготясь мірской жизнью и суетой, полный жажды уединеннаго созерцанія и общенія съ Богомъ, св. Макарій отправился на противоположный Нижнему берегъ и верстахъ въ 100 отъ города поселился въ мѣстности, покрытой непроходимыми лѣсами, болотами и дебрями. Скоро къ нему присоединилось много людей того особаго склада, въ которыхъ древняя

Кострома. Церковная утварь ризницы женского Богоявленского монастыря.
Вкладъ бояръ Салтыковыхъ.

Фотографъ Б. И. Дунаевъ.

Русь никогда не знала недостатка; людей, которые во всѣхъ постигшихъ тогда государство бѣдствіяхъ, въ татарщинѣ, моровомъ повѣтріи, засухѣ и голодѣ, частыхъ пожарахъ, видѣли перстъ Божій — наказаніе за грѣхи и напоминаніе о необходимости молитвъ и покаянія. И они уходили отъ жизни и всецѣло себя посвящали добрымъ дѣламъ, посту и молитвѣ за бѣдную, погрязшую въ грѣхахъ родину...

Такъ выросла, разоренная въ XV вѣкѣ татарами, Макарьевская Желтоводская обитель, вокругъ которой скоро появились села и деревушки. Среди непроходимыхъ лѣсовъ, гдѣ до сихъ поръ бродили только полудикіе инородцы, возникалъ цѣлый русскій поселокъ, маленький городокъ—разсадникъ культуры для лѣваго берега Волги. Набѣгъ въ 1439 году татаръ, разрушившихъ обитель и жилия строенія, уведшихъ въ плѣнъ жителей поселка, надолго приостановилъ заселеніе Заволжья...

Безусловно самое красивое зданіе въ Нижнемъ-Новгородѣ—уже упомянутая выше церковь Рождества Богородицы на Нижнемъ базарѣ, или «Строгановская», какъ ее обыкновенно называютъ, построенная однимъ изъ богатѣйшихъ «именитыхъ людей» начала XVIII вѣка, Григоріемъ Дмитріевичемъ Строгановымъ и освященная въ 1719 году. Неизвѣстно, кто былъ строителемъ нижегородской церкви, такой оригинальной и мало похожей на всѣ другія, ей современныя. Преданіе говоритъ, что то былъ иностранецъ, выписанный Григоріемъ Строгановымъ. Строили ли онъ еще что-нибудь—неизвѣстно. Но можно предполагать, что имъ же построена церковь въ селѣ Гордѣвкѣ, Балахинскаго уѣзда, принадлежавшемъ въ XVIII вѣкѣ Строгановымъ; въ ней много общаго съ Рождественской церковью.

Вокругъ этой послѣдней, или, вѣрнѣе, вокругъ имени ея зодчаго складывались легенды. Великолѣпная, яркая и нарядная церковь поражала нижегородцевъ невиданной красотой, казалась произведеніемъ не человѣческихъ рукъ, а сказочнымъ дворцомъ, явившимся по мановенію волшебнаго жезла чародѣя. И чародѣй этотъ былъ—иностранецъ-зодчій. О немъ сложилось такое преданіе (повторяющееся, кстати сказать, относительно строителей почти всѣхъ великолѣпныхъ зданій міра): Григорій Строгановъ спросилъ его, можетъ ли онъ построить что-нибудь, равное по красотѣ новой церкви. Зодчій отвѣчалъ, что можетъ сдѣлать и нѣчто лучшее. Разгнѣванный Строгановъ велѣлъ его ослѣпить; тогда иностранецъ, спасаясь отъ грозящаго ему несчастья, влѣзъ на колокольню, только что отстроенной церкви, залѣзъ подъ самый крестъ и на глазахъ всего собравшагося народа обратился въ ворона и улетѣлъ...¹⁾.

¹⁾ А. П. Мельниковъ. Къ 300-лѣтію смутнаго времени.

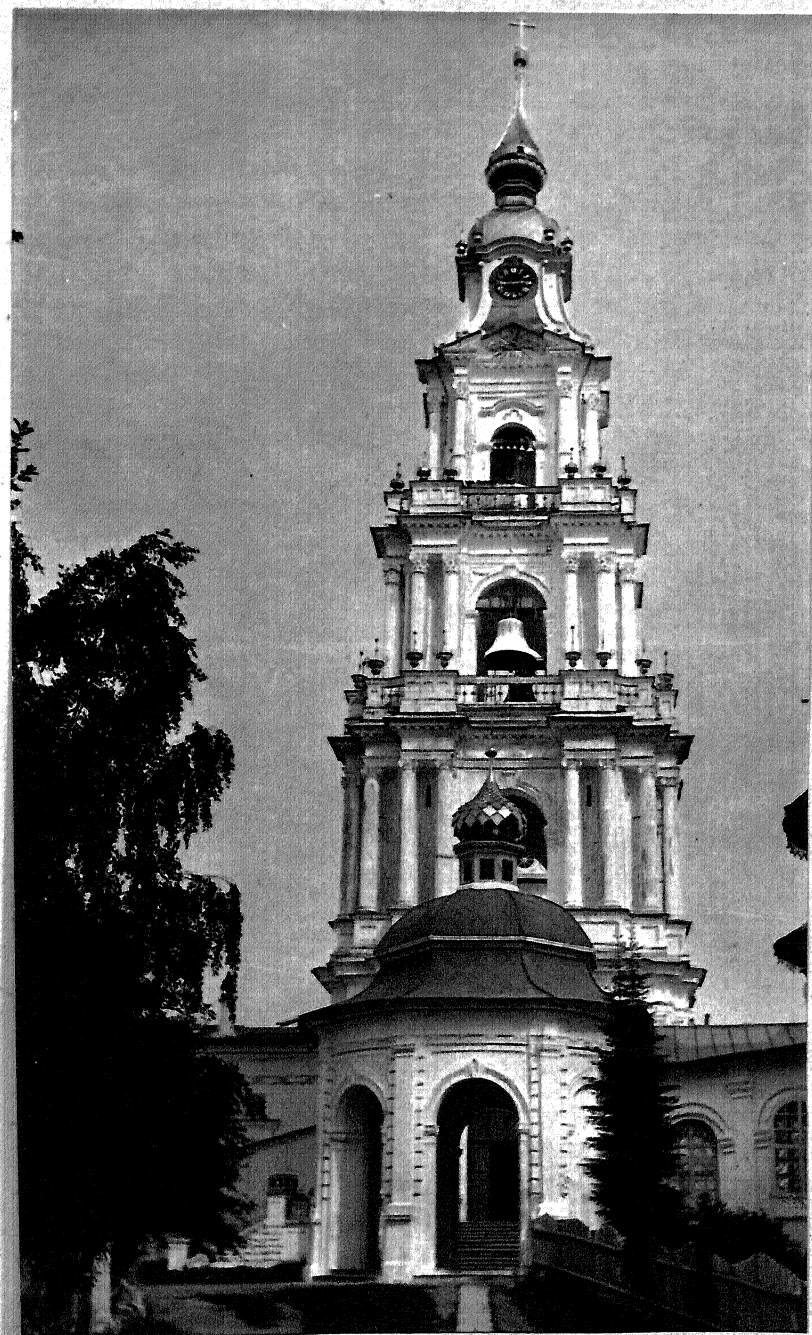
Въ 1722—1727 году церковь была запечатана и совершеніе богослуженій въ ней было запрещено. А. П. Мельниковъ предполагаетъ, что причиной запечатанія церкви послужило слѣдующее обстоятельство: въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія въ Нижнемъ появился хлыстовскій проповѣдникъ и лжехристосъ Прокопій Лупкинъ, который нашелъ себѣ приверженцевъ среди людей Строганова. Съ ихъ помощью онъ могъ обратить недостроенный еще нижній этажъ Рождественской церкви въ тайный притонъ для собраний своихъ приверженцевъ. Есть и другое объясненіе, но болѣе легендарное: Петръ Великій приказалъ художнику Караваку иконы Богоматери и Спасителя для строящагося въ С.-Петербургѣ Петропавловскаго собора. Во время отлучки государя Строгановъ перекупилъ у художника написанныя имъ иконы и уговорилъ его представить Петру копіи, оказавшіяся менѣе удачными. Во время пребыванія своего въ Нижнемъ-Новгородѣ Петръ увидѣлъ заказанныя имъ Караваку иконы, узнать, какъ онѣ попали въ Рождественскую церковь, разсердился на Строганова и велѣлъ запечатать церковь.хлопоты Строгановыхъ объ открытіи ея увѣнчались успѣхомъ только уже въ царствованіе Екатерины I...

Иконы, приписываемыя Караваку—это находящіяся по бокамъ царскихъ дверей холодной церкви иконы Богоматери и Спасителя, значительно отличающіяся своей живописью отъ остальныхъ священныхъ изображеній Строгановской церкви.

Церковь Рождества Богородицы—дивный памятникъ любопытнаго и своеобразнаго времени—конца XVII и начала XVIII вѣка, эпохи перелома въ русской жизни, эпохи быстрыхъ заимствованій и медленнаго усваиванія формъ западно-европейской культуры. Въ Строгановской церкви много заимствованнаго у западной архитектуры, но все понято по-своему, по-русски, все упрощено, стало менѣе гармоничнымъ, но болѣе яркимъ, пестрымъ, напоминающимъ древне-русскія одежды—узорчатая ткани, золоченую парчу...

Въ линіяхъ и массахъ Строгановская церковь не представляетъ никакого новшества—все довольно спокойно и строго, ново только увлеченіе декоративными лѣпными украшеніями стѣнъ, изобиліе ихъ, дѣлающее стѣны церкви похожими на рѣзной иконостасъ. Особенно богато украшены окна, наличники которыхъ усыпаны чудесной «каменной рѣзью», подобную которой съ трудомъ можно встрѣтить и на московскихъ церквахъ. Капители, карнизы—все заполнено этой удивительной рѣзбой. Стѣны украшены разводами, дополняющими вычурной обликъ церкви, не имѣющей ни одного спокойнаго, оставленнаго мастерами безъ вниманія, уголка.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ въ Москвѣ и Поволжьѣ возникло нѣсколько прекрасныхъ церквей, представляющихъ странное со-

Кострома. Колокольня Успенского собора. 1776-91 г.

четаніе исконныхъ московскихъ формъ съ западнымъ барокко. Несомнѣнно, что надъ этими церквами трудились чужестранныя руки, но къ несчастью объ этой полосѣ русскаго строительства осталось очень мало точныхъ данныхъ: большинство церквей выстроено частными лицами, никакихъ документовъ относительно построения и мастеровъ не сохранилось.

Нижегородская Строгановская церковь въ ряду этихъ напыщенныхъ храмовъ едва ли не лучшая. Ея архитектурныя формы довольно обычны для московскаго зодчества конца XVII вѣка, украшенія же созданы подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ западно-европейскаго искусства. Это даетъ поводъ думать, что зодчими церкви были русскіе мастера,—въ XVII вѣкѣ сооруженіе храмовъ, согласно съ вѣковыми традиціями, неохотно поручалось иностранцамъ, рѣзчики же и декораторы были иностранцы. Во всякомъ случаѣ Строгановская церковь для своего времени является сильно запоздалой. Съ начала XVIII вѣка въ Петербургѣ культивируются Петромъ уже новыя архитектурныя теченія, но въ Москвѣ и ея области, особенно въ церковномъ строительствѣ, все еще живы приемы и традиціи пышнаго «московскаго барокко», расцвѣтшаго при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Софѣѣ, при молодомъ Петрѣ. И какъ часто бываетъ въ искусствѣ послѣднія созданія умирающаго, вытѣсняемаго стиля были и самыми красивыми...

Съ высокой горы, на которой расположенъ Нижній, открывается рядъ рѣдкихъ по красотѣ панорамъ. Одна изъ лучшихъ раскрывается съ Верхневолжской набережной: безконечной гладью верстъ на сорокъ тянутся дали Заволжья, видны даже селенія. Когда смотришь туда впередъ, вспоминаешь все слышанное и читанное о Заволжьѣ. Странное чувство встаетъ на душѣ: Нижній-Новгородъ—весь энергія, дѣятельность, кипучая, реальная жизнь. И такъ близко отъ него, только черезъ Волгу, въ какихъ-нибудь ста верстахъ, совсѣмъ другой міръ, другая особая жизнь. Заволжье, таинственное, загадочное Заволжье, чарующее тихими мечтательными легендами, тѣсно связанное съ огненной исторіей русскаго раскола...

Лѣса, что кроютъ песчаное Заволжье, прежде сплошнымъ кражемъ, между рѣками Унжей и Ветлугой, тянулись далеко на сѣверъ. Тамъ соединялись они съ Устюжскими и Вычегодскими дебрями. Въ прежнія времена эти лѣсныя пространства были заселены только по южнымъ окраинамъ, по «раменамъ», вдоль лѣваго берега Волги и отчасти по берегамъ ея притоковъ. Вдоль рѣкъ стояли рѣдко расположенныя деревушки, верстахъ въ двадцати одна отъ другой, а то и дальше. Жили тамъ люди, какъ отрѣзанные отъ остальнаго крещенаго міра. Съ давнихъ поръ въ глухихъ лѣсахъ Заволжья находили

пріють всѣ, кто не умѣлъ поладить съ тогдашними условіями жизни, для кого она, эта жизнь, оказывалась злой мачехой. Остатки поволжской вольницы, разбойничьихъ дружинъ, разсѣянныхъ и разогнанныхъ, бѣглецы-крестьяне, не вынесшіе тяготы подневольнаго житія, люди не принимавшіе новшествъ, вводимыхъ правительствомъ, потому что все идущее съ запада, все нарушавшее завѣты дѣдовъ и отцовъ, казалось имъ проклятымъ измышленіемъ діавола,—всѣ находили убѣжище и надежный пріютъ въ угрюмыхъ заволжскихъ лѣсахъ...

Міръ погибалъ въ грѣхахъ, отецъ зла—діаволь широко раскинулъ вездѣ свои сѣти, надо было уйти отъ соблазна, скрыться отъ мірской суеты, и гдѣ же лучше это сдѣлать, какъ не въ Заволжѣ, по побережью рѣкъ, въ благословенной сторонѣ Керженской...

Весь край отъ береговъ Волги и до Ветлуги въ раскольничьемъ мірѣ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «стороны Керженской». Рѣка Керженецъ только верхнимъ теченіемъ своимъ проходитъ по болѣе или менѣе населенной мѣстности, дальше вступаетъ въ безлюдные глухіе лѣса и болота. Слишкомъ сто верстъ, то теряясь въ глуши лѣсной, то серебряной лентой извиваясь по зеленымъ лугамъ, подходитъ она, наконецъ, къ Волгѣ и уже довольно широкой рѣчкой впадаетъ въ нее около города Макарьевска. Къ берегамъ Керженца, преимущественно, стекались нѣкогда люди разнаго званія, спасавшіеся отъ гоненій за приверженность древнимъ обрядамъ. До сихъ поръ еще цѣлы тамъ могилы раскольничьихъ «угодниковъ», первыхъ ревнителей и столповъ древняго благочестія. Могилы эти—скромныя часовенки въ лѣсной глуши, въ которыхъ теплятся неугасимыя лампы, до сихъ поръ посѣщаются паломниками. Одна изъ наиболѣе чтимыхъ—могила старца Софронія, находящаяся въ густомъ лѣсу, не доѣзжая верстъ семь до города Семенова. Софроній—основатель крайне суроваго и фанатичнаго толка, когда-то проповѣдывавшаго самоожженіе. Въ Нижегородскомъ краю съ давнихъ поръ встрѣчались цѣлыя секты раскольниковъ, исповѣдывающія различныя формы самоистребленія, какъ единственно возможнаго протеста противъ губительныхъ новшествъ. По словамъ «Нижегородскаго лѣтописца» въ закудымскомъ станѣ явилась секта самоожигателей: «многіе прельстишеся съ женами и дѣтьми на овинохъ пожигошеся»; появлялись морильщики, обрекавшіе себя на голодную смерть; гробополагатели, которые, лежа въ заранѣе приготовленныхъ гробахъ, дожидались кончины міра и архангельскаго трубнаго гласа....

Начиная съ XVII вѣка росли одинъ за другимъ скиты; стекались сюда въ тихія обители всѣ тѣ, кого гнали и притѣсняли за свободный образъ мыслей. Складывалась въ далекомъ Заволжѣ своя, совсѣмъ особенная жизнь, не похожая на жизнь всей русской земли. Въ сторонѣ Керженской были свои нравственные правила, свой укладъ жизни и

Кострома. Святые врата соборной ограды. XVIII-й вв.

фотография Б. И. Дунаева.

до конца первой половины XIX вѣка этотъ край былъ совсѣмъ обособленнымъ, съ ярко индивидуальными особенностями, краемъ. Теперь различія сглаживаются, но до сихъ поръ нѣтъ, можетъ быть, во всей Россіи мѣстности, гдѣ бы больше родилось легендъ—трогательныхъ и поэтическихъ, дальнихъ отзвуковъ своеобразнаго уклада жизни, какъ въ Заволжѣ. Такъ нѣжны и грустны эти легенды, что, кажется, въ нихъ выливали люди, скрывшіеся въ густыхъ дебряхъ, всю тоску свою въ настоящей недоброй жизни, всѣ мечты о грядущемъ свѣтломъ будущемъ...

И на нагорной сторонѣ Волги много легендъ, но то легенды героическія, яркія и мощныя воспоминанія о битвахъ съ врагами, о покореніи Казани, о подвигахъ поволжской вольницы, о кровавыхъ дѣлахъ Стеньки Разина...

Не то въ Заволжѣ. Тихо шепчутъ столѣтніе лѣса, колдуютъ, нашептываютъ суровыя и грустныя сказки: во времена стародавнія подступилъ безбожный и грозный царь Батый къ граду Великому Китежу. Но не допустилъ Богъ гибели города: онъ сталъ невидимъ для грѣшныхъ человѣческихъ глазъ, скрылся по Божьему повелѣнію навсегда, откроется только передъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ. Десять дней и десять ночей искали Батыевы полчища городъ и не могли найти его,—сила Божія ослѣпила ихъ. Но Китежъ цѣлъ и невредимъ и по-прежнему стоитъ на берегу озера Свѣтлаго Яра, съ бѣлыми своими стѣнами, златоверхими теремами и церквами Божьими. Одинъ разъ въ годъ, въ ночь подъ праздникъ Владимірской Божьей Матери (съ 22-го на 23-е іюня) всякому, кто съ вѣрой посмотритъ въ тихія воды святого озера, будутъ видны очертанія славнаго города; увидитъ онъ отраженныя въ водѣ стѣны, церкви, дворы посадскихъ людей и боярскія хоромы. Иногда по ночамъ слышится надъ озеромъ глухой заунывный звонъ,—то звонятъ китежскіе колокола...

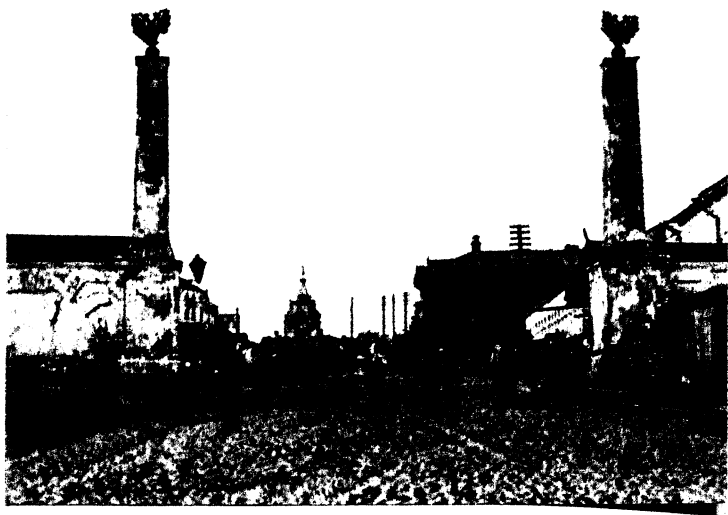
Жизнь въ славномъ Китежѣ совсѣмъ особая,—ясная и свѣтлая. Можно попасть въ него и заживо, но возврата оттуда на землю нѣтъ. А попасть можно такъ: отговѣвъ и причастившись, безъ сумы и посоха надо пройти по Батыевой тропѣ къ Свѣтлому Яру: тамъ откроется въ одномъ изъ холмовъ темная пещера,—входъ въ Китежградъ...

Одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ Заволжья—Городецъ Волжскій или Радиловъ, расположенный верстъ на сто выше Нижняго. Съ Городцемъ связана легенда о Великомъ Китежѣ, повѣріе о Кирилловскихъ горахъ, воспоминаніе о смерти Александра Невского, объ удѣльныхъ князьяхъ—потомкахъ честолюбиваго и неудачливаго великаго князя Бориса Константиновича. Въ Городцѣ была до 1893 года главная святыня рас-

кольниковъ поповскаго толка—часовня, выстроенная, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ въ кельѣ Ѳеодоровскаго монастыря Александръ Невскій. Монастырь этотъ былъ основанъ въ память явленія чудотворной иконы Ѳеодоровской Божьей Матери, впоследствии помѣщавшейся въ городецкой часовнѣ, а потомъ перенесенной православными въ Кострому. Но раскольники вѣрятъ, что разъ въ годъ икона чудеснымъ образомъ перелетаетъ въ Городецъ и останавливается на мѣстѣ святѣ, т.-е. въ часовнѣ. Горькія слезы льются въ эти минуты изъ ея глазъ,—она скорбитъ о заточеніи своемъ въ никоніанской церкви. Къ утру икона опять переносится въ Кострому, а всю ночь, пока она была въ Городецкой часовнѣ, тамъ чудесно загорались сами собой и горѣли до утра свѣчи и лампы, и слышно было благозвучное пѣніе невидимаго клира. Томится и скорбитъ въ заточеніи икона, томятся преслѣдуемые и гонимые въ міру поборники старой вѣры,—но будетъ время, возьметъ верхъ правое дѣло, распространится широко по всей землѣ старая истинная вѣра и Ѳеодоровская Божья Матерь выйдетъ изъ заточенія, пойдетъ во славу и блескъ по небу и навсегда останется въ Городецкой часовнѣ...

Много дивныхъ душистыхъ легендъ овѣваетъ лѣса Заволжья, въ которыхъ незримо развѣтывались страницы религіозной жизни старой Руси, можетъ быть, самыя мощныя и самыя своеобразныя страницы прошлаго нашей культуры. Нижній и теперь остается однимъ изъ центровъ старообрядчества. Могучій русскій городъ онъ со своихъ высокихъ горъ царить надъ Заволжьемъ. Здѣсь Волга кажется гранью двухъ міровъ. И сидя въ старомъ Нижегородскомъ Кремлѣ, въ Мининскомъ саду, смотря на Волгу и зеленѣющіе за ней, утопающіе въ серебряной дали, луга и лѣса, ощущаешь наглядно контрастъ этихъ двухъ міровъ: сзади шумитъ современный городъ, гудятъ трамваи, дымятъ паровозы, сплываютъ пароходы,—то міръ европейскій, уютный, умный, ясный, но такой ровный и невыносимо спокойный.

А впереди за Волгой, въ лѣсахъ, пахнущихъ смолой, тихо гудящихъ борахъ, вокругъ темныхъ лѣсныхъ озеръ, въ бревенчатыхъ срубкахъ кипитъ или тихо угасаетъ жизнь, бѣдная, грязная, безтолковая, но вся отданная Богу, ни на минуту ради временнаго и земнаго не забывающая о вѣчномъ...

Кострома.

Съ Волги Кострома, широко разбросанная на высоко́мъ берегу, вся въ велени, съ движеніемъ и шумомъ пристаней, съ небольшими золотыми главками опрятныхъ церковокъ ярославскаго типа, производитъ красивое и радостное впечатлѣніе. Оно сильно мѣняется, однако, когда входишь вглубь города, въ плохо обстроенныя, расходящіяся радіусами отъ главной — Сусанинской площади, улицы. Кострома — типичный провинціальный городъ, къ тому же развивающійся медленно, стоящій въ сторонѣ отъ желѣзной дороги (дорога проходитъ по противоположному берегу Волги), съ невысокими одноэтажными, рѣдко двухэтажными домами, съ осенней грязью и скукой, съ неизбежной каланчой съ облупленными колоннами на площади...

Одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, Кострома, однако, не имѣетъ яркой исторіи, легендарно-героическаго прошлаго; съ древнихъ временъ она была городомъ русскихъ будней, вѣковѣчной провинціей, никогда не вершившей судебъ русской земли, даже тогда, когда была столицей самостоятельнаго княжества... Приблизительное время возникновенія городка Костромы, первоначально расположеннаго на правомъ берегу Волги, тамъ, гдѣ теперь село Городище, можно полагать въ первой половинѣ XI вѣка. Уже въ 1213 году встрѣчается въ лѣтописяхъ упоминаніе о Костромѣ-городѣ, но не объ основаніи его. Вѣроятно, въ это время Кострома находилась еще на правомъ берегу, по крайней мѣрѣ ни подъ этимъ годомъ, ни раньше не встрѣчается указаній на перенесеніе ея. Есть основанія предполагать ¹⁾, что ве-

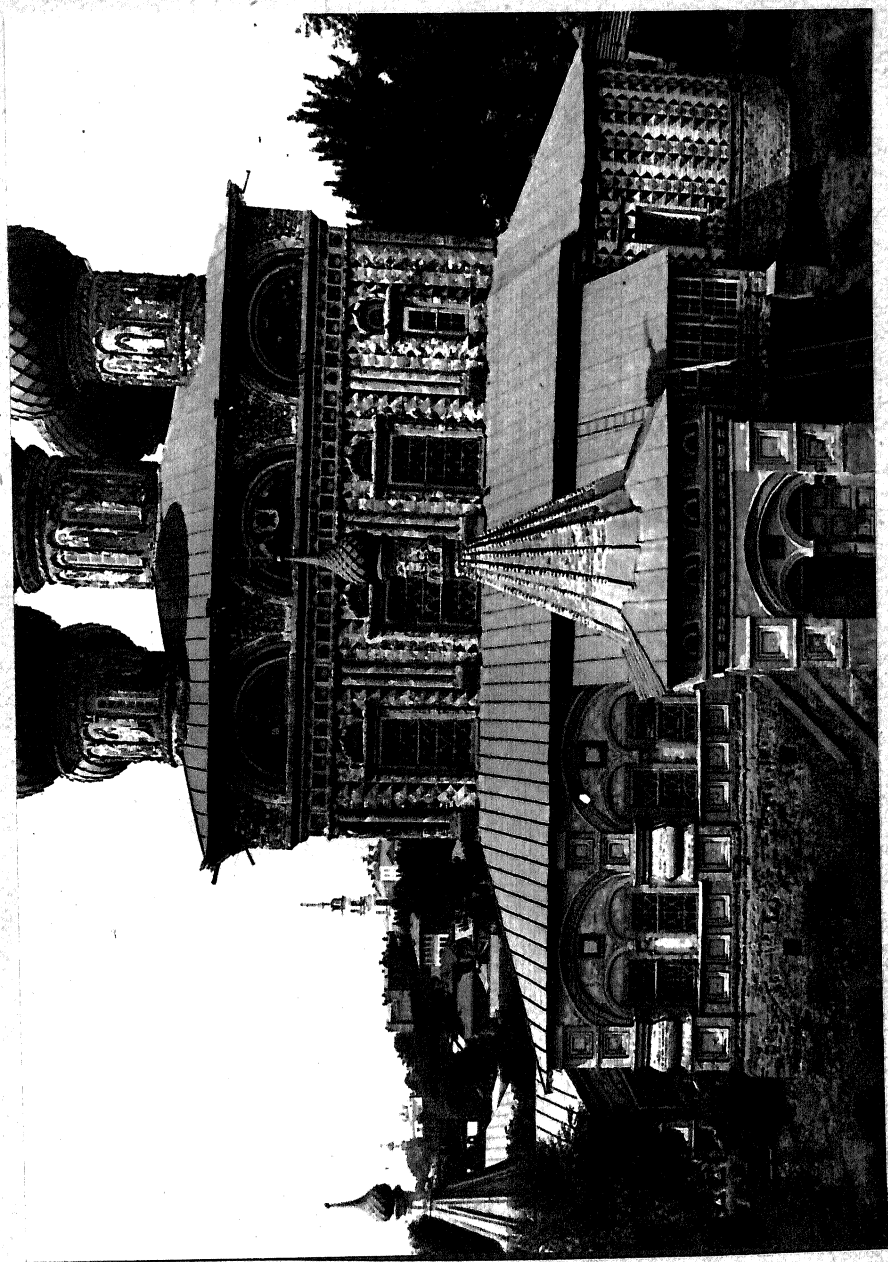
¹⁾ И. Миловиловъ. Очеркъ исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ.

ликий князь Ярославъ Всеволодовичъ устраиваетъ и расширяетъ городъ, назначивъ для него болѣе удобное въ отношеніи рѣчныхъ сношеній съ другими городами мѣсто на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки Костромы, и назначаетъ сюда княземъ младшаго своего сына (мизиннаго) Василія. Князь Василій первый начинаетъ именоваться въ лѣтописяхъ костромскимъ; съ него начинается самостоятельное княженіе костромское.

Очень недолго, въ продолженіе только четырехъ лѣтъ (отъ 1272—1276 г.) Кострома была фактически столицей великаго княжества, а слѣдовательно и всей Руси. Получившій по праву старшинства великокняжескій престолъ, князь костромской Василій, не переноса официальной столицы изъ Владиміра, продолжалъ жить въ Костромѣ и такимъ образомъ сдѣлалъ ее на время стольнымъ городомъ.

Послѣ смерти Василія Ярославовича и до 1293 года Кострома не имѣетъ самостоятельнаго князя и находится въ непосредственномъ владѣніи великаго князя владимірскаго. Отъ 1293-го и до 1303-го года въ Костромѣ княжили одинъ за другимъ два князя: Іоаннъ Дмитріевичъ и Борисъ Андреевичъ, бывший послѣднимъ владѣльцемъ отдѣльнаго княжества Костромскаго. Съ его смертью Кострома дѣлается городомъ великокняжескимъ вообще, т.-е. принадлежитъ тому изъ князей, который имѣетъ титулъ великаго, лишается права добровольно подчиняться тому или другому князю... Когда при Іоаннѣ Калитѣ Владиміръ окончательно теряетъ значеніе стольного города и титулъ великаго князя на долго переходитъ къ московскому, Кострома становится однимъ изъ владѣній Москвы...

Исторія Костромы знала много драматическихъ моментовъ, хотя городъ мало участвовалъ въ войнахъ, мало подвергался нападеніямъ. Но не принимая почти участія въ междоусобныхъ ссорахъ, раздражавшихъ тогдашнюю Русь, Кострома является часто мѣстомъ убѣжища князей и сборнымъ пунктомъ ихъ ратей. Въ ея стѣнахъ нашли пріютъ скрывшійся въ 1382 г. отъ Тахтamyша Димитрій Донской и бѣжавшій въ 1408 году отъ преслѣдованій Едигея Василій I. Въ Кострому былъ перенесенъ главный пунктъ борьбы Василія Темнаго съ дядей его Юріемъ и дѣтьми послѣдняго—Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой. Въ продолженіе двадцати почти лѣтъ Кострома видитъ въ своихъ предѣлахъ то того, то другого изъ враждующихъ князей: бѣглецомъ является въ нее изгнанный изъ Москвы Василій Темный, живетъ тамъ нѣсколько времени, собираетъ войско и выступаетъ противъ завладѣвшаго московскимъ престоломъ Василія Косого. Тогда Косой скрывается въ Кострому и оттуда грозитъ противникамъ, посылаетъ великому князю разметныя граматы... Въ Костромѣ заключаютъ

Кострома. Церковь Воскресения на Дебрю, южная сторона. 1852 г.

враждующіе князья миръ и въ Кострому же направляются въ намѣреніи нарушить его, собираютъ тамъ войска и посылаютъ ихъ во владѣнія противника....

Очень рано Кострома утрачиваетъ свою самостоятельность и переходитъ подъ власть Москвы. Тянутся вѣка спокойнаго существованія, ничѣмъ не нарушаемаго непрерывнаго покоя, близкаго къ застылости... Кровавые годы междоусобія и смуты пробудили костромичей къ жизни, заставили принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, участіе съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сознательное. Вначалѣ, какъ и большинство русскихъ городовъ, Кострома мечется изъ стороны въ сторону, передаваясь то одному, то другому. Въ концѣ 1608 года костромичи добровольно подчинились тушинскому самозванцу, потомъ подъ вліяніемъ извѣстій изъ Москвы взволновались, напали на воеводу и бывшихъ съ нимъ литовцевъ, посадили ихъ въ тюрьму, а сами цѣловали крестъ на вѣрность Василию Шуйскому. Черезъ нѣсколько времени сдались осадившему и разгромившему Кострому Лисовскому, но какъ только войска Лисовскаго отошли отъ города, возстали опять, составили вмѣстѣ съ галичанами и жителями окрестныхъ мѣстъ ополченіе и напали на сторонниковъ самозванца. Въ 1610 году Москва, а вслѣдъ за ней и другіе города, присягнули Владиславу, но только полгода спустя Кострома вмѣстѣ съ Нижнимъ становятся во главѣ возстанія восточныхъ и сѣверныхъ областей Россіи противъ польскаго владычества. Костромичи посылаютъ пространныя грамоты вологжанамъ, призывая и ихъ вступить за всенародное дѣло, входятъ въ сношенія съ Казанью, пишутъ грамоты на имя воеводы и митрополита, извѣщаютъ о ходѣ дѣлъ, сообщаютъ, что съ благословенія патріарха Гермогена ополченія изъ Нижняго, Владиміра и Суздаля, изъ рязанскихъ и украинскихъ городовъ двинулись очищать Москву отъ враговъ. Съ Костромой сносились и новгородцы...

Когда въ серединѣ 1611 года былъ убитъ Ляпуновъ и среди стоявшихъ подъ Москвой русскихъ ополченцевъ начались неурядицы, Салтѣга писалъ въ Кострому, убѣждая признать Владислава, маня успокоеніемъ измученной страны: многіе поддались, не надѣясь больше на успѣхъ ополченія. Но поддались неохотно и какъ только нижегородцы подъ предводительствомъ Пожарскаго и Минина подошли къ Костромѣ, толпы горожанъ присоединились къ нимъ, низложили поставленнаго московскими боярами воеводу и чуть не убили его, когда онъ противился вступленію въ городъ ополченій. Когда ополченіе выступило изъ Костромы къ Ярославлю, тѣ изъ костромичей, кто не могъ лично примкнуть къ сражающимся, дали ему на подмогу «казну многую».

Вся Русь дружно вставала на защиту Москвы. Смутное время—одна изъ наиболѣе яркихъ страницъ жизни большинства русскихъ городовъ

и земель; для нѣкоторыхъ же, какъ для Костромы, напимѣръ, единственные, неповторяющіеся моменты подъема, высшаго напряженія всѣхъ силъ. Давно ли Кострома жила своими мѣстными узкими интересами, боролась съ Москвой, отстаивая крохотную свою самостоятельность... Постигла Русь бѣда, раздирали ее со всѣхъ сторонъ враги, овладѣли Москвой и всѣ области русскія вдругъ почувствовали себя частями единого нераздѣльнаго цѣлаго, всколыхнулись, заволновались, отстояли... Костромичи одни изъ первыхъ. И въ представленіи каждаго Кострома какъ-то неразрывно связана съ страшными годами Смутаго времени, съ героическимъ подъемомъ русскихъ людей, впервые сознавшихъ себя народомъ, съ легендарно-величественной фигурой Сусанина, отдавашаго жизнь свою за избранника народнаго...

На главной площади тихой, провинціальной Костромы, развивающейся безконечно медленно, почти незамѣтно, стоитъ памятникъ Сусанину — воспоминаніе о давнопрошедшихъ яркихъ дняхъ, поставленный въ 1851 году. Памятникъ строгій и торжественный, работы талантливаго Демутъ-Малиновскаго, могъ бы служить украшеніемъ и не грязной костромской площади, окруженной торговыми рядами и невысокими приземистыми домами. За красивой стильной бронзовой рѣшеткой высокая колонна на квадратномъ пьедесталѣ изъ красноватаго гранита. Колонна увѣнчана бронзовымъ же бюстомъ молодого Михаила Ѳеодоровича, подъ нимъ двуглавый орелъ. У подножія колонны, съ прижатыми къ груди руками, съ поднятой кверху головой, колѣнопреклоненная фигура Сусанина. На одной изъ сторонъ пьедестала бронзовый барельефъ изображаетъ мученическую смерть Сусанина подъ польскими саблями.

Не игравшая никогда крупной роли, издавна провинціальный городъ, Кострома мало знала каменныхъ построекъ; все до середины 17-го строилось въ ней изъ дерева — деревянными же были и городскія стѣны и ничего отъ своего первоначальнаго облика древнерусскаго города Кострома не сохранила. Многие уничтожили пожары, этотъ «Божій бичъ» древней Руси, отъ которыхъ городъ страдалъ неоднократно, пожаръ 1413-го года, когда сгорѣло тридцать церквей, настолько опустошилъ городъ, что въ 1416 году его заложили вновь и вѣроятно обнесли стѣной; многое разгромили непріатели; остальное обветшало и разрушилось... А между тѣмъ Кострома была, вѣроятно, хорошо обстроена. Не имѣвшая значенія въ общегосударственной жизни, она была богатѣе, торговымъ городомъ. Одними изъ крупнѣйшихъ гостей, пріѣзжавшихъ въ Казань на ярмарку, бывали костромичи. Писцовыя книги 1628, 29 и 30-го годовъ упоминаютъ о томъ, что въ эти годы въ Костромѣ, кромѣ слободъ, было два собора, четыре монастыря,

тридцать четыре приходскихъ церкви, 1633 двора, 489 торговыхъ лавокъ и амбаровъ. Ничего не осталось теперь отъ старыхъ построекъ и только немногіе памятники 17-го вѣка, преимущественно небольшія уютныя церковки, сохранились до нашихъ дней почти въ первоначальномъ видѣ. Среди нихъ мало яркихъ, значительныхъ произведеній искусства, но почти каждая отразила въ своихъ формахъ типичныя черты и излюбленные приемы церковнаго строительства 17-го вѣка.

Многія изъ нихъ были росписаны, поновлены въ послѣдствіи, но сохранившими все же нѣкоторый историческій и художественный интересъ, фресками. Такая болѣе или менѣе сохранившаяся стѣнная живопись есть въ Спасской церкви за Волгой (1685—88 г.); въ церкви Іоанна Богослова за р. Костромой (1681—87); въ Сергіевской и въ Богоявленскомъ монастырѣ. Послѣднія реставрированы по старымъ графьямъ въ 60-ыхъ годахъ прошлаго вѣка, но все же сохранили многое изъ своего первоначальнаго облика. Возможно, что фрески Богоявленскаго монастыря писаны артелью иконописцевъ во главѣ съ Гуріемъ Никитинымъ и С. Савинымъ, извѣстными по росписи Ипатьевского монастыря¹⁾). Время построенія и росписи нѣкоторыхъ костромскихъ церквей относится къ первой половинѣ 18-го вѣка, но, какъ всякая провинція, Кострома долго держалась старыхъ традицій въ искусствѣ, и предпочитала старыя, привычныя формы. По этому-то церкви начала 18-го вѣка всѣмъ своимъ обликомъ являются памятниками зодчества московской области 17-го вѣка.

Одно изъ древнѣйшихъ сооруженій Костромы — Ипатьевскій монастырь, расположенный на берегу рѣки Костромы, въ получасѣ ходьбы отъ города. Обнесенная крѣпкой высокой стѣной съ плотными круглыми башнями, «преименитая лавра», какъ ее называли когда-то, больше напоминаетъ крѣпость, чѣмъ тихую обитель—прибѣжище людей, ушедшихъ отъ міра. За долгое время своего существованія Ипатьевскій монастырь, дѣйствительно, неоднократно игралъ роль крѣпости, былъ осаждаемъ, оборонялся и сдавался.

Такъ лѣтомъ 1609-го года въ Ипатьевскомъ монастырѣ заперся ставленникъ тушинскаго самозванца воевода Вельяминовъ. Долго осаждало монастырь, состоявшее изъ крестьянъ костромскихъ, галицкихъ и другихъ окрестныхъ мѣстъ, ополченіе, предводительствуемое Давыдомъ Жеребцовымъ, но безуспѣшно. Только въ іюлѣ приблизительно, послѣ длиннаго ряда стычекъ обитель была очищена отъ засѣвшихъ въ ея стѣнахъ сторонниковъ самозванца...

¹⁾ Н. В. Покровскій. Памятники церковной старины въ Костромѣ.

Впервые Ипатьевская обитель упоминается въ лѣтописяхъ ¹⁾ подъ 1421 или 1422 годомъ, при описаніи междоусобной войны, возникшей между Василиемъ Темнымъ, Василиемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, но преданіе относитъ ея возникновеніе къ гораздо болѣе раннему времени, а именно къ княженію Іоанна Даниловича Калиты. Основателемъ монастыря считается выѣхавшій изъ Золотой Орды въ Москву, на службу къ московскому великому князю, Мурза Четь. Онъ остановился для отдыха въ Костромѣ; здѣсь ему было видѣніе Божьей Матери въ сопровожденіи апостола Филиппа и св. Ипатія: пораженный видѣніемъ, Четь крестился и построилъ обитель во имя св. Ипатія; устроилъ деревянную церковь во имя св. Троицы и всякія другія монастырскія строенія и оградилъ все мѣсто дубовой стѣной. Къ половинѣ XVI вѣка большая часть деревянныхъ строеній замѣнена каменными, не сохранившимися до нашихъ дней. Ипатьевскій монастырь въ своемъ теперешнемъ видѣ — сооруженіе XVII вѣка, только стѣны — послѣдняго десятилѣтія XVI. Въ 1586—1590 годахъ Димитрій и Борисъ Годуновы обвели обитель на протяженіи 243 сажень каменной оградой съ переходами по внутренней стѣнѣ и амбразурами. Годуновы, дальніе потомки основателя обители Чета, вообще покровительствовали Ипатьевскому монастырю: дѣлали богатые вклады, украшали церкви, обстраивали монастырь. До 50-ыхъ годовъ XVIII столѣтія въ Ипатьевской обители находились богатыя усыпальницы Годуновыхъ: большія каменные палаты около алтаря теплой Богородицкой церкви и надъ папертями Троицкаго собора, съ огромнымъ количествомъ украшеній и драгоценностей, внесенныхъ въ 1756 году, по упраздненію усыпальницъ, въ церковную ризницу ²⁾).

Особенно радѣвшій объ украшеніи Ипатьевской обители Димитрій Годуновъ въ 1603 году выстроилъ существующую и до нашего времени, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, столпообразную колокольню, въ позднѣйшее время покрытую сверху до низу живописными изображеніями священныхъ событій, съ шатровымъ верхомъ, покрытымъ въ 1852 году чешуйчатой кровлей.

Лучшее украшеніе Ипатьевской обители—обведенный съ трехъ сторонъ галлереями, Троицкій соборъ, построенный съ 1650—52 году по типу соборныхъ храмовъ московской области. Своимъ внѣшнимъ видомъ Троицкій соборъ очень напоминаетъ Воскресенскій соборъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, но не такъ наряденъ и пышенъ, какъ послѣдній. Довольно большое зданіе—соборъ занимаетъ пространство въ 13 сажень въ длину и 14 въ ширину — увѣнчано пятью луковичными главами на барабанахъ, укра-

¹⁾ Воскресенская лѣтопись.

²⁾ А. Островскій. Описаніе Костромскаго Ипатьевского монастыря.

К о с т р о м а. З а м ъ Д в о р я н с к а г о С о б р а н і я, Ф о т о г р. В. И. Д у н а е в а.

шенныхъ пилястрами; соборъ виденъ издали, когда изъ города приближаешься къ Ипатьевскому монастырю; онъ красиво выдѣляется, словно царить, среди окружающихъ монастырскихъ строеній, отражаетъ на золотыхъ куполахъ солнечные лучи, чаруетъ спокойной гармоніей массу, отсутствіемъ всего крикливаго, яркаго, суетливаго. Въ 1685 году внутреннія стѣны Троицкаго храма и его галлерей украсились фресками. Небольшое клеймо на сѣверной сторонѣ храма сохранило имена мастеровъ, потрудившихся надъ росписью. Это «изографы града Костромы», извѣстные своимъ искусствомъ иконописцы, вызывавшіеся неоднократно въ Москву «на государеву работу» и въ другія мѣста для производства иконописнаго дѣла. Среди нихъ Гурій Никитинъ, Сила Савинъ, Василій Кузьминъ, Артемій Тимофеевъ и другіе, работавшіе и въ Ярославлѣ, гдѣ они украсили стѣны его храмовъ сплошнымъ цвѣтистымъ ковромъ мастерскихъ, глубоко-серьезныхъ изображеній, и въ Москвѣ въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ, въ Новодѣвичьемъ и Ивановскомъ монастыряхъ и въ Ростовѣ. Для тѣхъ, кто видѣлъ хорошо сохранившіяся фрески ярославскихъ и ростовскихъ церквей, стѣнопись Троицкаго собора въ Ипатьевской обители не дастъ никакихъ новыхъ впечатлѣній. Здѣсь разрабатываются тѣ же излюбленные древне-русскими иконописцами сюжеты: страшный судъ, воскресеніе мертвыхъ, рѣже событія ветхозавѣтной исторіи. Такъ же занимаютъ фантазію мастеровъ путающіе и загадочные образы, навѣянные апокалипсисомъ: таинственный всадникъ, «звѣрь» и т. д. Въ исполненіи—то же стремленіе къ декоративности, приблизительный реализмъ, яркое сочетаніе красокъ.

Теперь фрески Троицкаго собора реставрируются и можно только пожелать одного, чтобы къ нимъ отнеслись внимательно и любовно, не исказили ихъ наивной свѣжести, ихъ своеобразной, неповторяемой красоты...

Въ Ипатьевскомъ монастырѣ сохранился, правда, измѣненный почти до неузнаваемости позднѣйшими перестройками и поправками, памятникъ гражданскаго строительства XVII вѣка. Это домикъ-келья, въ которыхъ жилъ съ матерью Михаилъ Ѳеодоровичъ. Ремонтъ половины XIX вѣка сильно исказилъ внѣшній видъ его; внутри обликъ древнерусскаго жилища сохранился лучше: низенькія, сводчатая, полутемныя и очень маленькія комнатки даютъ достаточно ясное представленіе объ укладѣ жизни семнадцатаго вѣка, скромной и непритязательной, когда не знали еще громаднхъ сооружений современности, когда ютились въ маленькихъ домикахъ—тѣсныхъ и уютныхъ. Вся внутренняя обстановка келій Михаила Ѳеодоровича взята отсюда и размѣщена въ музеѣ, остались только обитыя шелковой матеріей лавки вдоль

стѣнъ. Хороши во всѣхъ комнатахъ печи — высокія, до потолка, сильно выступающія, сверху до низу обложенныя цвѣтными узорчатыми изразцами. Раньше стѣны келій были росписаны изображеніями, разсказывающими о восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича: были изображены приходъ депутацій, слезныя мольбы ихъ, согласіе и радость народа, узнаваго о немъ. Стѣнная живопись на паперти костромского Успенскаго собора, представляющая тѣ же событія, вѣроятно является копіей съ Ипатьевскихъ изображеній, сдѣланныхъ вскорѣ послѣ 1613 года¹⁾.

Въ ризницахъ Ипатьевского монастыря хранится огромное количество драгоценныхъ старинныхъ предметовъ, — вкладовъ именитыхъ покровителей монастыря. Здѣсь масса художественно сработанныхъ церковныхъ сосудовъ, кресты, цѣлое собраніе иконъ: то работы лучшихъ иконописцевъ 16 и 17-го вѣковъ, то рѣзныхъ изъ кости, камня, аспіда и дерева; шитые золотомъ шелками и серебромъ, украшенные драгоценными камнями пелены, воздухи, плащаницы; рѣдкія лицевыя рукописи: псалтири и евангелія съ заставками и многочисленными миниатюрами.

Не такъ полны и богаты, но все же интересны по количеству и художественности находящихся въ нихъ вещей ризницы другихъ старинныхъ церквей, особенно Богоявленскаго монастыря, хранящаго много цѣнныхъ вкладовъ бояръ Солтыковыхъ, ревностныхъ покровителей обители.

Недалеко отъ пристаней находится кафедральный Успенскій соборъ, съ теплою церковью во имя Богоявленія и колокольной при ней. По первоначальному своему построенію Успенскій соборъ — одно изъ самыхъ древнихъ сооруженій Костромы, если даже не древнѣйшее. Построенный впервые еще въ XIII вѣкѣ при первомъ самостоятельномъ князѣ костромскомъ Василии Ярославичѣ, онъ неоднократно сгоралъ, восстанавливался вновь, разрушался и перестраивался въ большей или меньшей степени. Послѣдняя капитальная перестройка собора относится къ 1773 году, когда губительный пожаръ, бывшій въ Костромѣ, уничтожилъ почти сплошь всѣ зданія въ центрѣ города. По повелѣнію Екатерины II на возобновленіе сильно пострадавшаго отъ пожара Успенскаго собора выдано изъ государственной коллегіи экономіи 12.000 рублей.

Мѣсто, занимаемое теперешними зданіями собора — песчаный крутояръ, выдающійся изъ самой середины города, еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка было съ трехъ сторонъ окружено земляными валами, впослѣдствіи замѣненными бульваромъ, садомъ и пло-

¹⁾ Кн. А. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы.

Кострома. Пожарная каланча на Сусанинской площади. Начало XIX-го вѣка.

Фотографія Б. И. Дунаева.

щадкой надъ оврагомъ. На этомъ мѣстѣ въ стародавнія времена былъ костромской кремль, стѣна котораго имѣла въ окружности 511¹/₄ сажени. Изъ писцовыхъ книгъ 136 (1628) года мы узнаемъ, какъ выглядѣлъ этотъ кремль: то была осыпь (земляные валы), окруженная деревянной стѣной съ тремя воротами и двѣнадцатью башнями; «башни рублены всѣ клѣтками»¹⁾.

Въ какой тѣснотѣ ютились русскіе города семнадцатаго вѣка! Небольшой участокъ земли, обведенный стѣной, былъ застроенъ зданіями двухъ соборовъ и монастыря, многими церковными, казенными и частныхъ владѣльцевъ деревянными «дворами». Однихъ послѣднихъ было въ Кремль до 233. Какую богатую жатву представляла пожарамъ эта неимовѣрная сѣченность деревянныхъ строеній—понятно само собой. Но къ пожарамъ относились странно спокойно: возстановляли погорѣвшее, если нельзя было возстановить—строили вновь, но опять изъ дерева, опять все въ той же губительной близости къ сосѣдямъ...

Около Успенскаго собора находился въ семнадцатомъ и первой половинѣ восемнадцатаго вѣка второй соборъ — Троицкій, неизвѣстно когда построенный, «скудный и утварью и самыми зданіями». Сгорѣвшая во время пожара 1654 года Троицкая церковь была, вѣроятно, возобновлена, такъ какъ упоминается и въ позднѣйшее время; окончательное ея упраздненіе относится къ времени большого пожара 1773 года, послѣ котораго видъ кремля совершенно измѣнился: изъ него были удалены всѣ зданія, между прочимъ и Кресто-Воздвиженскій мужской монастырь, остался только одинъ заново перестроенный и сильно расширенный Успенскій соборъ.

Въ теперешнемъ своемъ видѣ ни Успенскій соборъ, ни Богоявленская церковь при немъ не представляютъ ничего интереснаго. Это—зданія безъ стиля и выдержанной печати опредѣленной эпохи. Не интереснѣе и роспись внутреннихъ стѣнъ церкви: малозначительныя произведенія провинціальныхъ живописцевъ конца XVIII вѣка. Среди многочисленныхъ зданій: двухъ церквей, архіерейскаго дома и прочихъ построекъ, обнесенныхъ соборной оградой, только одна колокольня привлекаетъ вниманіе.

Художественное значеніе ея не велико; она интересна, какъ историко-бытовой памятникъ эпохи, какъ показатель того, какъ отражались въ провинціи процвѣтавшія въ столицахъ архитектурныя теченія. Колокольня при соборѣ построена въ 1776 году мѣстнымъ подрядчикомъ, архитекторомъ-самоучкой Ст. Андр. Воротиловымъ взамѣнъ сгорѣвшей во время пожара 1773 года, по преданію шатровой, колокольни, по описи 1737 года значившейся о «три жильяхъ». Провинціальный отзвукъ дивныхъ граціозно-капризныхъ твореній Растрелли и его послѣ-

¹⁾ Островскій. Описаніе Костромскаго Успенскаго собора.

дователей, — колокольня вся украшена въ нижнихъ этажахъ колоннами; верхній ярусъ въ прихотливо-изогнутыхъ линияхъ. Колонны увѣнчаны довольно нарядными капителями; на четвертомъ ярусѣ надъ колоннами — фронтоны. Ограды опоясывающихъ средніе ярусы галлерей украшены по угламъ подобіемъ вазъ.

Влюбленный въ красоту твореній Растрелли и другихъ мастеровъ елизаветинскаго царствованія, еще не знакомый, вѣроятно, съ начинавшимъ завоевывать во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка симпатіи всѣхъ, классицизмомъ, Воротиловъ хотѣлъ создать для родного города памятникъ «новаго вкуса», украсить его главную церковь подобіемъ такъ полюбившихся ему архитектурныхъ формъ. Издали, когда подходишь къ Успенскому собору, колокольня своимъ стройнымъ силуэтомъ производитъ впечатлѣніе чего-то красиваго и неожиданнаго, не вяжущагося съ общимъ скромнымъ обликомъ Костромы. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи видно, какъ подчасъ не выдержаны ея формы, какъ чувствуется въ ней рука доморощеннаго мастера-самоучки.

Въ 1800 году зданія собора обведены рѣшеткой, съ нѣсколькими воротами. Довольно красивы такъ называемыя «святые ворота», повидимому; болѣе ранняго происхожденія, ведущія въ церковный дворъ съ площади. Они украшены четырьмя колоннами по сторонамъ главнаго входа; надъ нимъ высокій фронтоны съ лѣпными украшеніями. Арка, образующая входъ, тоже украшена барельефными изображеніями какихъ-то сказочныхъ крылатыхъ звѣрей. Надъ фронтономъ—три главки, увѣнчанныя крестами. По бокамъ главнаго входа еще два—меньшихъ размѣромъ и гораздо менѣе богато украшенныхъ; ихъ небольшіе фронтоны увѣнчиваютъ непомѣрно вытянутыя, въ формѣ шатровъ, крытыя желѣзомъ главы, съ крестомъ на верху. Въ «святыхъ» воротахъ ограды Успенскаго собора чувствуется тотъ же недостатокъ умѣнія и тонкости исполненія, которые такъ характерны для колокольни. Задуманно хорошо, художественно и смѣло; исполнено—слабо; допущено много лишняго, ненужнаго, разбивающаго гармонию и красоту замысла. Трудно понять, на примѣръ, зачѣмъ нужны были строителю тяжелыя остроконечныя главы на боковыхъ калиткахъ святыхъ воротъ, зачѣмъ такъ великъ фронтоны надъ главнымъ входомъ?..

Богато украшенные, съ колонками, фронтонами и сложными лѣпными узорами «святые» врата Успенскаго собора являются чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ въ церковномъ строительствѣ московской области. Въ ея церквахъ 17-го и 18-го вѣка не встрѣчается ничего подобнаго. Если входы въ храмы украшались, то совсѣмъ иначе, какъ украшены, на примѣръ, врата костромской же церкви Воскресенія на Дебрѣ,—кирпичной прямоугольной орнаментаціей, аркадой изъ кубышекъ, шатрами, увѣнчивающими крышу.

Сомнительно, чтобы «святыя» врата костромского собора могли возникнуть подъ влияніемъ академическихъ теорій, идущихъ изъ Петербурга, но преломленныхъ фантазіей провинціальныхъ мастеровъ: въ нихъ нѣтъ ясности, холодного величія классическихъ формъ, которыя увлекли во второй половинѣ XVIII вѣка русскихъ художниковъ. Больше всего они напоминаютъ церковныя врата пышныхъ храмовъ кievскаго барокко.

Но если допустить, что ворота выстроены или украинскими мастерами или, что вѣроятнѣе, подъ влияніемъ формъ украинскаго зодчества, его увлеченія великолѣпіемъ и пышностью, становится понятнымъ, зачѣмъ строитель костромскихъ воротъ прибѣгъ къ преувеличеннымъ украшениямъ. Имъ руководило стремленіе къ величавой нарядности, къ нѣсколько крикливой, яркой красотѣ. Но не было чувства мѣры—и нарядность кievскихъ строеній могла вырождаться въ перегруженность украшениями, ихъ торжественная грандіозность—въ тяжеловатую непропорціональность частей...

Лучшее, что есть въ Костромѣ, наиболѣе стильный и сохранившійся изъ ея памятниковъ—прелестная церковь Воскресенія на Дебрѣ, построенная въ 1652 году. Очень простая по массамъ, ничѣмъ не отступающая отъ обычнаго типа храмовъ семнадцатаго вѣка, церковь Воскресенія производитъ на рѣдкость нарядное и праздничное впечатлѣніе оригинальной отдѣлкой входовъ, идущей вокругъ церкви галлерей, оконныхъ наличниковъ и самыхъ стѣнъ. Очень хороши ведущія въ церковь врата съ кирпичной орнаментацией, увѣнчанныя тремя шатрами; интересна оригинально скомбинированная изъ кубышекъ аркада галлерей входа. Стѣны украшены выпуклыми колонками, квадратами и треугольниками, окрашенными на подобіе шахматной доски, перемежающимися клѣтками темнаго и свѣтлаго цвѣта. Тонкими колонками-жгутами обведены окна и продолговатыя, расположенныя между ними, живописныя изображенія святыхъ на поддерживающихъ чешуйчатые главы барабанахъ.

Ни въ чемъ не отступая отъ традиціонныхъ формъ церковнаго строительства—развѣ только шатры надъ входами являются нѣкоторымъ вольнодумствомъ,—мастеръ, работавшій или, вѣрнѣе, мастера, работавшіе надъ церковью Воскресенія на Дебрѣ, сумѣли создать нѣчто своеобразно-красивое и непохожее ни на одну изъ другихъ костромскихъ церквей... Внутри церковь Воскресенія реставрирована и утратила свой древній обликъ. Только въ паперти, по бокамъ дверей, ведущихъ въ самый храмъ, сохранились фрески стариннаго письма, сильно потемнѣвшія, поблекшія и съ трудомъ разбираемыя. Затрудняетъ возможность разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ, и спутан-

ность композиціи, нагроможденность на сравнительно небольшомъ пространствѣ большого количества фигуръ. Тутъ нѣкоторые моменты изъ жизни прародителей и изъ исторіи сотворенія міра; изображеніе Христа въ образѣ «Недреманнаго ока» на родѣ съ стоящей возлѣ него Богоматерью; страшный судъ и апокалипсическіе всадники... Стѣнопись Воскресенской церкви трактуетъ обычныя для 17-го вѣка темы въ хорошей манерѣ эпохи процвѣтанія искусства изографовъ.

Еще болѣе богато, чѣмъ XVII вѣкъ, представленъ въ Костромѣ провинціальный городъ первой половины XIX вѣка. Если костромскіе памятники XVII вѣка являются только дополненіемъ къ картинѣ, созданной Ростовомъ, Ярославлемъ, Романовымъ-Борисоглѣбскомъ, то обликъ города Николаевского времени сохранился здѣсь, какъ нигдѣ...

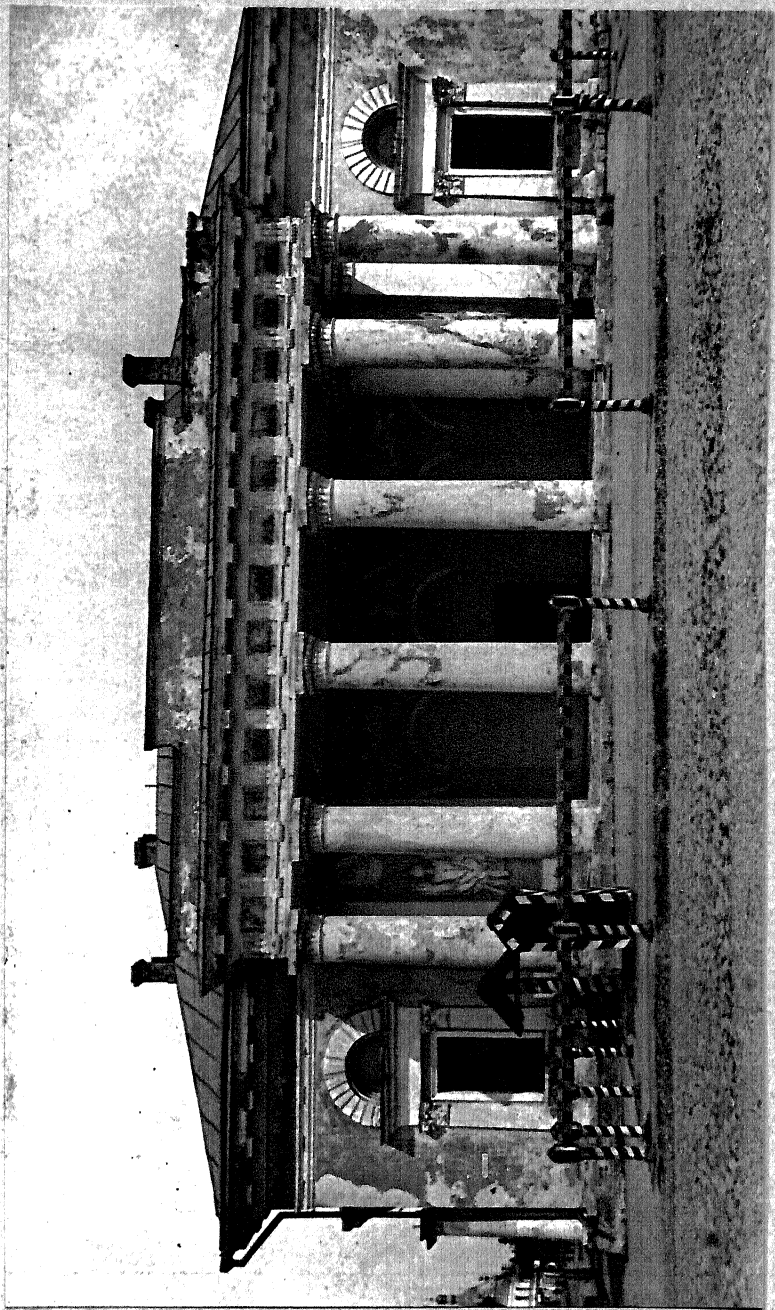
Художественный интересъ эти провинціальныя постройки представляютъ очень небольшой. Ихъ создавали губернскіе и уѣздные архитектора, выходившіе изъ послѣднихъ рядовъ академическихъ училищъ. Усвоивъ общія очертанія классической мудрости, вѣрные общему духу Николаевского строительства, они добросовѣстно украшаютъ портиками и колоннадами всѣ поручаемыя имъ сооруженія.

Самое любопытное въ ихъ художественномъ наслѣдствѣ — та ловкость, съ которой они приспособляютъ классическую архитектуру къ потребностямъ русскаго провинціального быта. Воздвигаются классическія пожарныя каланчи и «частные дома», гауптвахты, торговые ряды, казенныя учрежденія и кладбищенскія ограды...

Если въ нихъ мало красоты и художественной тонкости, то вполне достаточно стиля, который можно обозначить, какъ «провинціальный классицизмъ». Какъ бытовые памятники, они представляютъ немалый историческій интересъ: ими обусловленъ тотъ типъ русскаго города, который фигурируетъ въ литературѣ, въ «Мертвыхъ Душахъ», въ раннихъ повѣстяхъ Тургенева, въ романахъ Достоевскаго, въ драмахъ Островскаго.

Провинціальный городъ въ Россіи начинаетъ пріобрѣтать болѣе или менѣе культурный «городской» видъ только въ 10-хъ, 20-хъ и 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Образцомъ для вновь возникающихъ городовъ, ихъ идеаломъ является Александровскій Петербургъ съ его просторными площадями, большими, сильно отличающимися отъ обывательскихъ домовъ, казенными зданіями. Появляется та же забота объ единообразномъ обликѣ города, о строгомъ регулированіи городского строительства.

И, дѣйствительно, почти всѣ губернскіе города пріобрѣтаютъ ту

К о с т р о м а. Гауствахта на Сусевинской площади. Начало XIX вѣка. Фотогр. В. И. Дунаева.

официальную чинность и дисциплинированность, которая характеризует Николаевскій Петербургъ. Производится правильная «казенная» планировка города, выдѣляются широкія площади, окаймленные казенными и официальными зданіями, выправляются и уравниваются улицы; приверженность къ классицизму придаетъ городу характеръ чего-то сознательнаго, «умышленнаго».

Несмотря на упорное подражаніе Петербургу, характеръ города получается совершенно другой и при этомъ необыкновенно выразительный для психологій и бытового уклада русской провинціи Николаевского времени. Чинныя площади «плацы» зарастаютъ зеленымъ ковромъ травы, отнимающимъ у нихъ весь воинственный видъ, а весной и осенью обращаются въ непроходимое болото, старательно огибаемое жителями.

Классическія казенныя зданія царятъ мощными массаи надъ скромными домиками обывателей и какъ бы символизируютъ бдительность и вездѣсущіе начальства, но, облупленные и замазанные, имѣютъ видъ печальный. Къ нимъ рождается нѣсколько юмористическое, хотя и съ долей опаски, отношеніе; въ ихъ темныхъ залахъ и безконечныхъ коридорахъ ютится начальство, которое можетъ накричать, дать въ ухо небольшому человѣку и причинить всякую непріятность...

Навѣрно, строителямъ провинціальныхъ городовъ и ихъ вдохновителямъ грезилось спокойное величіе власти и закона, засѣдающихъ въ зданіяхъ, напоминающихъ петербургскіе дворцы и министерства, даже больше того—римскій форумъ. Но добродушный, сонный провинціальный бытъ всюду просачивается, все побѣждаетъ и окружаетъ грозныя колоннады тысячею патріархальныхъ чертъ. На площадяхъ у грозныхъ воротъ дворцовъ правосудія и административной власти дремлютъ жирныя свиньи, между колоннъ протянуты веревки и жены будочниковъ и сторожей развѣшиваютъ на нихъ бѣлье. Прислонясь къ колоннѣ, мирно дремлетъ или ковыряетъ въ носу красноносый хожалый, въ минуты подъема переругивающійся съ проходящими бабами...

Около заставы съ золочеными орлами ютится многочисленное семейство будочника и передъ мирной картиной его житія никнетъ все суровое величіе заставы—одного изъ проявленій государственной власти.

Стиль провинціального города 30-хъ и 40-хъ годовъ недавно заслужилъ у насъ вниманіе художниковъ. Едва ли не первый замѣтилъ его М. В. Добужинскій, выдержавшій въ немъ свои прекрасныя декорации къ Тургеневскому спектаклю Художественнаго театра. Изученіе провинціального города этой эпохи не сулитъ, конечно, никакихъ художественныхъ откровеній, но служитъ превосходной иллюстраціей къ первымъ шагамъ русскаго литературнаго реализма. Обстановка «Мертвыхъ Душъ», тѣ города, по которымъ развѣзжалъ Чичиковъ, присутственныя

мѣста, гдѣ заключалъ онъ свои купчія, тотъ городокъ, гдѣ такимъ завиднымъ успѣхомъ пользовался Хлестаковъ, въ которомъ живалъ Базаровъ, всѣ герои «Записокъ охотника», самодуры и честные молодые люди Островскаго—все это оживаетъ въ Костромѣ, сохранившей, какъ немногіе русскіе города, свой патріархальный обликъ.

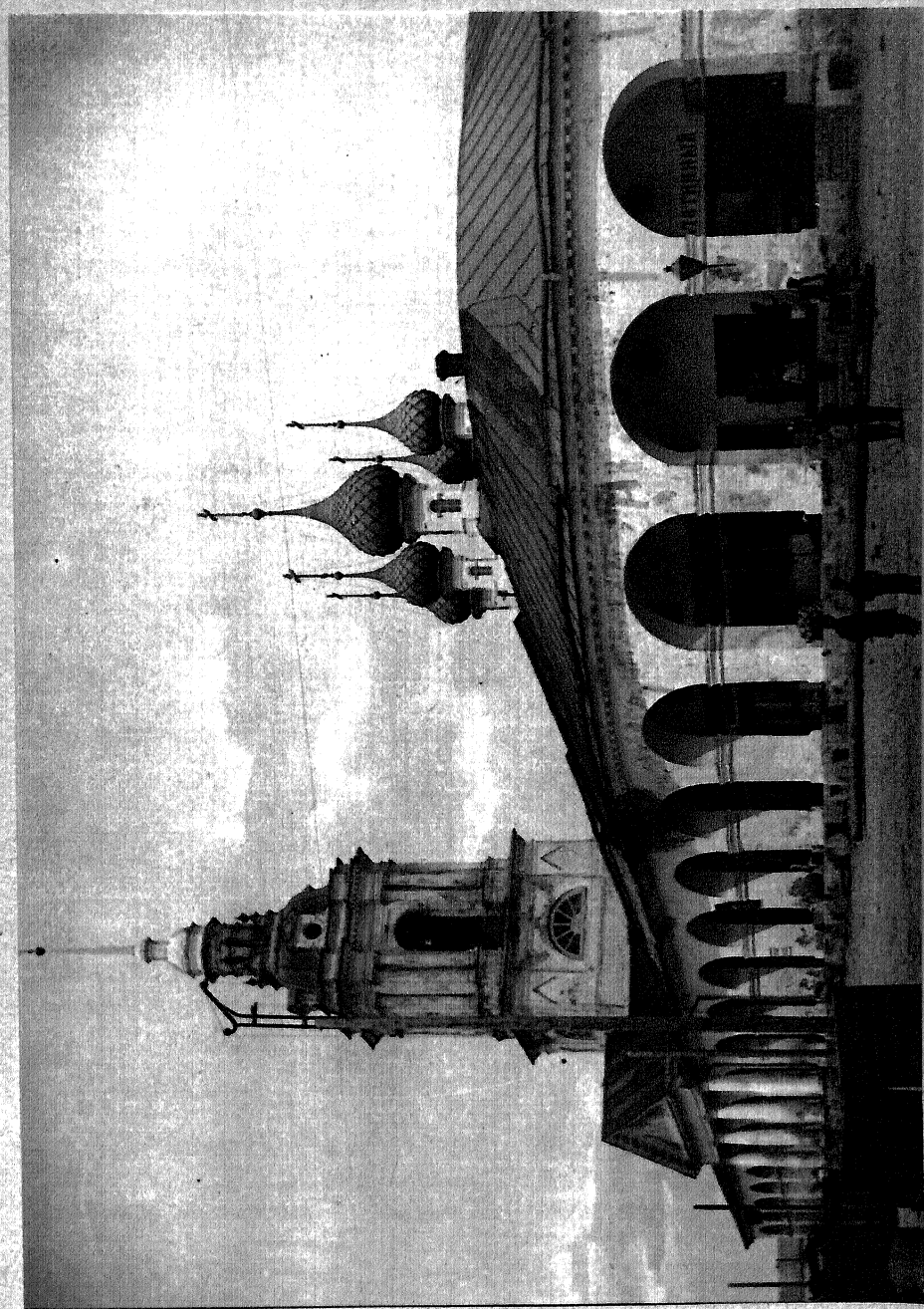
Въ сравненій съ другими русскими городами, Кострома находилась въ благопріятныхъ условіяхъ. Городъ Сусанина — она пользовалась вниманіемъ государей и ея постройки начала вѣка довольно художественны. Благодаря же тому, что въ теченіе XIX вѣка Кострома мало развивалась, оставаясь все такимъ же соннымъ, малолюднымъ городомъ, оживляющимся только для крестныхъ ходовъ, всѣ постройки начала вѣка остались въ неприкосновенности.

Въ концѣ XVIII вѣка сооружено дворянское депутатское собраніе. Его небольшіе парадные залы украшены всѣмъ арсеналомъ декоративныхъ средствъ этого времени. Екатерининскій залъ производитъ довольно скромное впечатлѣніе со своими двумя рядами іоническихъ колоннъ. Гораздо типичнѣе и красивѣе двухсвѣтный Николаевскій залъ съ полукруглымъ амфитеатромъ для помѣщенія царскихъ портретовъ.

Портреты помѣщаются подъ емпіричнымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ широкимъ Александровскимъ орломъ съ трофеями. Къ юбилею 1913-го года зданіе дворянскаго собранія ремонтируется; можно только пожелать, чтобы весь его историческій, необычайно типичный обликъ остался въ неприкосновенности...

Самое нетронутое, самое патріархальное мѣсто Костромы—это Сусанинская площадь. Здѣсь стоитъ отличная классическая каланча Александровскаго времени. Удивительна та находчивость, съ которой художникъ сумѣлъ примирить традиціонную русскую каланчу съ духомъ классическихъ формъ. Шестиколонный фасадъ съ отлично вырисованнымъ орломъ на фронтонѣ совершенно лишенъ обычной провинціальной тяжеловатости и вялости. Круглыя окна второго этажа на переднемъ фасадѣ обведены гирляндами. Надъ массивнымъ аттикомъ поднимается очень стройная рустованная вышка каланчи, законченная легкимъ павильономъ. По сторонамъ каланчи стоятъ, судя по очерку воротъ, современные ей пожарные сараи.

На той же площади расположено зданіе гауптвахты Александровскаго времени, выстроенное въ традиціяхъ московскаго Емпіріа, съ его интимностью и мягкостью. Дорическія колонны довольно странной, совершенно прямолинейной обрисовки, непомѣрно тяжелый аттикъ, если только это не послѣдствія позднѣйшихъ исправленій, говорятъ о мало-знающемъ исполнителѣ. Вся же композиція съ полукруглой лоджіей за колоннами, съ изящной обработкой боковыхъ оконъ говоритъ о проэкктѣ хорошаго мастера. Украшена гауптвахта арматурами и барельефомъ по

Кострома. Торговые ряды. Фотогр. Б. И. Дунаева.

карнизу лоджии, составленномъ изъ трофеевъ и крылатыхъ геніевъ. Гауптвахта на Сусанинской площади довольно убѣдительно показываетъ, что въ началѣ прошлаго вѣка Кострома входила въ кругъ московской классической школы зодчества...

Отъ центральной площади по направленію къ пристанямъ тянутся два громадныхъ приземистыхъ корпуса торговыхъ рядовъ. Костромскіе ряды, вѣроятно, очень древнее сооруженіе, но многочисленныя поправки затемнили первоначальный архитектурный обликъ. Въ нихъ мало слѣдовъ эпохи классицизма и все же безконечныя бѣлыя аркады рядовъ являются необходимымъ дополненіемъ картины Николаевского города.

Обзоръ классическихъ памятниковъ Костромы нужно закончить заставой. Заставы когда-то были нужнымъ государственнымъ учрежденіемъ и остались теперь во многихъ городахъ, открывая за собой старыя Екатерининскія шоссе, обсаженные дряхлыми, полусожженными молніей, ветлами, не нужныя ни для чего, не вяжущіяся съ современнымъ городомъ. Въ Костромѣ же застава — каменные обелиски съ орломъ наверху, стоящіе при входѣ въ городъ отъ пристаней—только дополняютъ картину города начала вѣка...

Всѣ эти бытовые памятники, сами по себѣ не представляющіе большого интереса, много выигрываютъ отъ тихаго, патріархальнаго характера Костромы. Это городъ, который и сейчасъ еще живетъ, кажется, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Не важно, что по берегамъ рѣки Костромы дымятъ фабрики: такъ покойны старыя церкви, такъ пустынна обширная площадь, что не покажется страннымъ, если въ нудный осенній день изъ-за угла выкатится бричка Павла Ивановича Чичикова, и два мужика затѣютъ флегматичный разговоръ—доѣдетъ ли колесо ея до Казани или нѣтъ...

Указатель памятниковъ:

Казань.

	<i>Стр.</i>
Булгары.	5
Благовѣщенскій кафедральный соборъ.	13
Введенская церковь.	17
Галера «Тверь»	33
Гостинный дворъ.	19
Гостиннодворская церковь.	26
Зилантьевъ монастырь	24
Казань при татарскомъ владычествѣ	9
Колокольня Благовѣщенскаго собора	14
» Петропавловскаго собора	32
Казанскій женскій монастырь	35
Кремль	16
Мечети	39
Николы Ратнаго церковь	15
«Памятникъ убиеннымъ»	37
» Г. Р. Державину	38
Первая мужская гимназія	36
Петропавловскій соборъ.	29
Предтеченскій монастырь	25
Спасо-Преображенскій монастырь	14
Спасская башня	15
Сумбекина башня	11
Университетъ	36

Нижній-Новгородъ.

Благовѣщенскій соборъ	58
Знаменская церковь	58
Кремль	54
Михаило-Архангельскій соборъ.	57
Памятникъ Минину и Пожарскому	58
Спасо-Преображенскій соборъ	56
«Строгановская» церковь	59
Успенская церковь	58

Кострома.

Стр.

Богоявленская церковь	71
Воскресенія на Дебрѣ церковь	75
Гауптвахта	78
Депутатское собраніе	78
Застава	79
Ипатьевскій монастырь	69
Каланча	78
Кельи Михаила Ѳеодоровича	71
Колокольня Ипатьевского монастыря	70
» Успенскаго собора	73
Памятникъ Михаилу Ѳеодоровичу	68
«Святѣя ворота» ограды Успенскаго собора	74
Торговые ряды	79
Троицкій соборъ Ипатьевского монастыря	70
Успенскій соборъ	72

Указатель иллюстрацій:

Казань.

Стр.

Панорама Кремля и города	2
Тайницкая башня	4
Благовѣщенскій соборъ	8
Предтеченскій монастырь и башня Сумбеки	10
Петропавловскій соборъ	14
» » Деталь паперти	16
» » Иконостасъ	18
» » Колокольня	20
«Памятникъ убиеннымъ»	22
Университетъ	24

Нижній-Новгородъ.

Кремлевскія стѣны и башни	26
Кремлевскія стѣны	28
Башня Кремля	30
Архангельскій соборъ	34
Деталь «Строгановской» церкви	36
» » »	40
Успенская церковь	43

Кострома ¹⁾.

Стр.

Волжскія пристани	44
Видъ на центральную часть города.	46
Церковь въ городищѣ.	50
Памятникъ Сусанину	52
Троицкій соборъ Ипатьевского монастыря.	56
Ризница Богоявленскаго монастыря.	58
Колокольня Успенскаго собора	60
«Святыя врата» соборной ограды	62
Застава	65
Церковь Воскресенія на Дербѣ.	66
Залъ Депутатскаго Собранія	70
Каланча	72
Гауптвахта	76
Торговые ряды	78

¹⁾ Фотографіи Костромы сдѣланы Б. И Дунаевымъ.